

Олег Верещагин
ПОСЛЕДНИЙ
ВОИН



Annotation

Оруженосец #2 Пашки больше нет. Есть северянин Гарав Ульфойл, оруженосец отважного рыцаря Эйнора, бард и воин Кардолана. Собственная жизнь в начале XXI века кажется мальчишке просто-напросто интересным и нелепым сном. Но что такое сон и где истинная реальность? И что делать, если...

Глава 1, в которой Гарав встречает поющего эльфа

Первый ребячий испуг окровавленной стали...

В страхе обмоченный килт в негеройском бою...

Мухи на трупе — мы с ним ещё утром болтали!..

Ночь без конца в заражённом чумою краю...

«Крыс» и «Шмендра». Песня о славе.

Случилось то, чего Гарав ожидал в общем — то. Он старался беречь коня (мелкого, хотя и крепкого), чередовал рысь, галоп, шаг... Но через лигу конь стал сопеть, через три — засекается, а через пять — лёг, и Гарав еле успел соскочить.

Нельзя было сказать, что Гарав испугался, хотя понимал, что без коня ему не выбраться из этих мест до полной темноты, а значит... Пашка — Пашка, может, и испугался бы. Гарав присел рядом с конём и выругался на восторне, вспомнив своего Хсана. Да, тот бы не пал после такой скачки... Крестьянская лошадь, что с неё возьмёшь!!!

— Может, встанешь? — пробормотал он, поднимая конскую голову за ноздри. И понял — нет, не встанет, загнал до предела. Может, и поднимается... поднялся бы. Утром. Но до утра есть все шансы просто не дожить. — Ладно, — мальчишка поднялся, стал расседлывать и рассупонивать коня. Вдруг оклемается, так зачем емудохнуть из — за людских дел? Конёк, видно, почувствовав, что человек хочет, но не может ему помочь, сам приподнял голову, тихо заржал и даже попытался встать на ноги, но не смог.

— Ещё поигогокай, — сказал Гарав по — русски, — а то нас и так не найдут.

Сбрую он сложил в кусты — точнее, просто покидал без особого старания спрятать. Потом стал влезать в доспехи, которые до этого вёз у седла. Лучше уж париться в них, чем застанут в одной коже. Вспомнилось, как Эйно́р учил его снаряжаться одной рукой. Эйно́р, мой рыцарь, подумал Гарав, как же мне плохо без тебя. Я просто не знаю, что делать и как быть. Я глупый и самонадеянный мальчишка, в котором слишком много от другого мира... холодного и трусливого мира текучих рек из пангейского камня...

Впрочем — сейчас он всё равно мог только одно: шагать вперёд по тропинке, на которой уже копились ночные тени... хотя наверху, над деревьями, ещё горел долгий летний закат. Гарав помахал коню — и пошёл, не оглядываясь...

...Первая плоская тень возникла едва за верхушками деревьев растаял последний луч солнца. Гарав посмотрел в ту сторону и сказал:

— Ты будешь первой тварью, что сдохнет сегодня от моей руки.

Он не знал — помогло ли. Но, хотя тени копились и копились, а звуки неспешной погони сделались отчётливыми — нападения не было. Гарав усмехнулся на ходу. Да, разум — великая вещь. Там, где обычных зверей инстинкт бросил бы в атаку без раздумий — этим разум подсказывает осторожность. Надолго ли только...

Ещё он подумал, что хорошо бы снять шлем и вытереть лоб. Ночь не принесла прохлады, вместо неё ползла из укромных ложбин туманная духота.

Гарав понял, что эти нападут, когда туман сомкнётся над тропкой. А ещё — что конь, наверное, цел — крик умирающей лошади слышен издалека.

Неожиданно вспомнились слова из прочитанного зимой романа Эко «Имя Розы»: «— За что умрёшь?! — За Христа умру. — Не за Христа умрёшь! — Значит, за себя умру.» Помолиться, что ли, подумал Гарав? Этому... Эру? Эйно́р молился, хотя и говорил, что по вере его предков это почти грех — простому человеку напрямую обращаться к Эру. Но он ведь никогда и ни о чём не просил Вечного. А Фереди́р и вовсе не молился. Да и Гарав не утруждал себя молитвами... правда, ещё ни разу подбиравшаяся к нему смерть не была такой медленной, спокойной и глупой.

Он засвистел. Подумал спокойно: «Ах, Мэлет, Мэлет, золотая моя мечта, серебряный голос...» И вместо молитвы начал напевать:

_ — _Он_ в_ мире_ первом_ смотрел_ телевизор,_
_ Читал_ Кастанеду,_ сушил_ носки,_
_ Пёс_ одиночества_ рвал_ его_ горло_
_ Тупыми_ клыками_ хмельной_ тоски..._

_ А_ в_ мире_ втором_ —_ звёзды_ хрустели,_
_ Как_ сахар_ под_ сапогом..._
_ И_ смысле_ не_ было_ —_
_ Не_ было_ ни_ в_ том,_ ни_ в_ другом..._

Туман начал выползать на тропинку. В нём крались большие тени — уже не плоские, они обрели объём и сверкали парными алыми точками глаз. «Грррауррр...» — послышалось нетерпеливое, и Гарав, остановившись и встав спиной к большому ясеню, поднял арбалет и положил на верхний край щита:

— Подходите, ррррр... — без наигрыша рыкнул он в ответ.

И слышал песню.

_ Золотая_ чаша_ отравленной_ воды_ —_
_ Но_ проклятие_ уже_ в_ крови._
_ Не_ спасут_ от_ него_ ни_ кинжал,_ ни_ яд,_
_ Ни_ слова_ любви._
_ Смертную_ чашу_ забвенья_ испей,_
_ Позабудь_ проклятье_ прежних_ дней,_
_ Но_ не_ забудь_ любви_ моей,_
_ Рианнон,_ что_ всех_ прекраснее,_
_ Рианнон,_ что_ всех_ печальнее,_
_ О_ Рианнон,_ что_ всех_ несчастнее._

Гарав замер. Замерли и гауры. Казалось, они тоже силятся понять, не чудится ли им это

— и в красных глазах появилась удивлённая растерянность. А песня звучала — вроде бы уже ближе по тропе:

_Все_для_тебя_—_изумруд_полей_
_В_лазурной_оправе_вод,_
_Белых_птиц_крыла_
_И_арфы_чудесной_звон._
_Я_омою_от_крови_руки_твои,_
_Золотом_украшу_запястья_твои,_
_Лишь_не_забудь_моей_любви,_
_Рианнон,_что_всех_прекраснее,_
_Рианнон,_что_всех_печальнее,_
_О_Рианнон,_что_всех_несчастнее._

Гарав затаил дыхание. Он ни разу в жизни не слышал такого голоса. Ни здесь, ни там. Ни у профессиональных певцов, ни у любителей. Голос был красив и полон печали — такой печали, что мальчишка на миг начисто забыл о том, где он и что с ним — осталась только эта печаль, которая ужасней любого страха, потому что она — вечна.

Пел эльф. Сомнений не было. А ещё через миг Гарав стряхнул наваждение и крикнул:
— Эй, не ходи сюда! Тут гауры, беги!

Конечно, «беги» — это было сказано просто так. Куда от них убежишь. Но не предупредить певца со странным и прекрасным голосом Гарав не мог.

А песня продолжала звучать! Казалось, поющего нисколько не беспокоит посланное ему явно нешуточное предупреждение — и он переживает лишь свою же песню, по сравнению с которой всё вокруг — тень...

_Одолел_я_Мост_Срыва_и_смертный_плен,_
_Одиночество_горьких_дорог,_
_Но_страшит_юной_девы,_
_Забывшей_меня,_приговор:_
_Там_под_камнем_в_далеком_кургане_спит,_
_Та,_что_радостью_мою_навек_хранит,_
_Та,_что_помнила_мою_любовь:_
_Рианнон,_что_всех_прекраснее,_
_Рианнон,_что_всех_печальнее,_
_О_Рианнон,_что_всех_несчастнее. [\[1\]](#)

— Чёрт, — сказал Гарав по — русски. И...

Да что это такое, не может быть?!

Гауров на тропе не было.

Ни единого.

А туман сполз в стороны — и Гарав увидел приближающуюся фигуру, словно бы окутанную серебристым сиянием... с еле заметными алыми искрами.

Мальчишка отставил щит, отложил арбалет и наконец — то стащил шлем. Ночной воздух оказался не таким уж душным — он обмахнул лицо приятной прохладой, Гарав на миг зажмурился от удовольствия... а когда открыл глаза вновь — странный певец стоял в нескольких шагах.

Да, несомненно, это был эльф. Причём какой! Могучий стройный атлет возносился над Гаравом на две головы. Да что там невысокий Гарав — эльф далеко превосходил ростом и высокого Эйнора, да и большинство виденных тут мальчишкой самих же эльфов. Странные серебряные волосы, схваченные тонким обручем красного металла с синим камнем — звездой, водопадами рушились на широкие плечи, укрытые тёмным плащом, сколотым излучающей голубой свет брошью из драгоценного камня. Плащ почти скрывал его фигуру, видны были только рукоять меча (на ней лежала рука в кожаной перчатке с сияющими перстнями) и носки мягких сапог.

Эльф смотрел на человеческого мальчишку сверху вниз внимательными серыми глазами — большими и полными спокойного страдания. Гарав именно так и подумал, зачарованно глядя в них: спокойного страдания. Того, которое стало привычным. Не меньше сделалось — нет. Лишь превратилось в часть жизни. Неотъемлемую, от которой эльфа не избавит и смерть.

И Гарав вдруг понял — волосы эльфа не серебряные. Они просто седые.

Заговорить Гарав не успел.

— Илльо, ты?! — мелодичный голос эльфа был удивлённым.

— Я... — Гарав кашлянул. — Нет, я... я не Илья... — он удивился: откуда нолдор — а это несомненно был нолдор! — знает русское имя?!

— Прости, — эльф поклонился немного. — Да, конечно. Просто у меня в голове уже давно многое путается, и ты показался мне похож на одного... человека... — это слово прозвучало странно, то ли с сомнением, то ли с насмешкой. — Но пусть. Это ты кричал, что тут гауры?

— Я кричал, — Гарав как будто очнулся. — Но я думал тебя предупредить. Aiyā, noldo, [77 — То, что сказал Пашка, звучит не только грамматически неправильно, но и просто — напросто оскорбительно. Это два поставленных рядом квэнийских слова: «Привет, нолдо!» Для наглядности представьте себе, как к гуляющему по парку президенту вдруг невесть откуда подошёл сильно поддатый тинэйджер и выдавил из себя: «Првет, прэзик!» Эффект примерно тот же.] — вспомнил мальчишка запоздало кое — какие слова из квэнья.

Губы эльфа неожиданно тронула лёгкая улыбка.

— Elen sila lumenn' omentielvo[78 — Очень доброжелательно традиционное эльфийское приветствие, дословно — «Звезда осияла нашу встречу!»] — вот как правильно, — сказал он мягко и необидно.

— Elen sila lumenn' omentielvo, — повторил Гарав. — Ты спугнул гауров. Я не знаю, как тебе это удалось, но спасибо тебе, — и он поклонился, приложив левую ладонь к сердцу.

— Ты, я вижу, воин, — без насмешки или удивления сказал эльф. — Куда ты держишь путь по этим опасным местам?

— Я... убегаю, — честно сказал мальчишка. — От себя. Я был оруженосцем... — вздохнул Гарав. — Был... оруженосцем. Но я предал своего друга... и своего рыцаря, который тоже был мне другом, — неожиданно добавил он и расплакался.

Это было нелепо и почти смешно. Закованный в сталь и опоясанный мечом парень плакал, стоя на ночной лесной тропинке перед молчаливым странным эльфом. Но Гараву было плевать, что это нелепо и смешно. Ему не было прощенья и у него не было будущего. Лучше бы его разорвали гауры, и зачем он защищался, зачем крикнул?!

— Лучше бы меня... растерзали... эти твари... — выдавил он сквозь рыдания. И услышал над собой:

— Расскажи, seldo [\[2\]](#)

Голос эльфа звучал равнодушно. Но Гарав не обиделся. Он просто понял, что за плечами эльфа — такая огромная жизнь, что в ней вот такие лесные дороги и человеческие мальчишки, верящие, что их несчастье первое и самое страшное в истории мира — были много раз. Однако... рассказать о своём позоре?! О трусости?! О жалком вое?! О

предательстве?! О том, как он почти стал игрушкой Ломиион Мелиссэ?! Гарав отчаянно замотал головой.

— Нет... я не могу... прости...

— Пусть так, — кивнул эльф и взял Гарава за плечо, повёл рядом с собой. Арбалет оказался в руке Гарава словно бы сам собой, щит — за плечами, шлем — в другой руке... — Хочешь, я спою тебе?

Мальчишка молча кивнул и всхлипнул. И почти сразу приоткрыл рот. Голос эльфа был... нет, всё то, что он подумал, услышав его впервые издалека, оказалось... оказалось слишком мало для певца. Как для Пушкина слово «поэт».

_Свет_серебра_струил_Тельперион,_
_И_золото_ронял_Лаурелин..._
_Вы_просите_спеть_песню_тех_времен?_
_Я_не_могу_—_ведь_песни_те_ушли._

_А_может_быть,_я_сам_ушел_от_них,_
_Оставив_их_навек_в_земле_Аман..._
_Я_спеть_могу_вам_о_волнах_морских,_
_Одетых_в_серый,_призрачный_туман._

_Я_бросить_эти_песни_мог_в_пути,_
_На_битом_льду,_где_были_мрак_и_смерть._
_Мне_этих_песен_больше_не_найти..._
_Я_вам_могу_о_Хелькараксе_спеть!_

Гарав не знал названий мест, которые слышались в песне эльфа. Но тоска — тоска и боль — словно рисовали перед ним на экране странные туманные картины: сияющий город на склоне зелёной горы, увенчанной белой шапкой, гневные лица, почему — то — вздыбленные торосы льдов и цепочки путников среди них... Гарав не понимал, что это. Он просто слушал.

_Я_спеть_могу_о_зареве_вдали,_
_Что_опалило_край_небес_огнем._
_В_том_зареве_сгорели_корабли,_
_И_песни_мирных_лет_сгорели_в_нем._

_В_сражение_жарком,_в_яростном_бою_
_Забыть_я_песни_радостные_мог..._
_Я_песню_боевую_вам_спою,_
_Отточенную,_как_меча_клинок._

_Война_и_смерть..._Не_сосчитать_могил._
_И_навсегда_земли_могильной_плащ_
_Песнь_о_Земле_—_Не_—_Знавшей_—_Смерти_скрыл..._

— Я вам спою о павших в битве плач.

— А если не по сердцу будут вам
Баллады о печали и войне,
Я подберу красивые слова,
Спою о звездах, Солнце и Луне,

— О ветре, что колышет море трав,
О вечных ледниках на пиках гор,
О чистых родниках в тени дубрав...
Но не проситепеть про Валинор!

— Навек забыты песни той земли,
Седой туман окутал гребни волн.
И больше не цветет Лаурелин,
И навсегда увял Тельперион... [3]

— голос эльфа прервался стоном, и Гарав схватил его за руку, за запястье:

— Тебе плохо?!

— Мне? — казалось, эльф очнулся. — Что тебе до моего «плохо» с твоей бедой, человек? Моей тяжести тебе не понять и не поднять. Она очень далеко. Её скрыла даже не прошлая эпоха... И во всём мире она — лишь моя. Так зачем тебе знать о ней? Поделись лучше своей. Не пришло желание?

— Я испугался пытки и боли, — сказал Гарав тихо, отпустив руку эльфа. — Я нарушил клятву верности и пошёл служить Чёрному Королю... — он искоса посмотрел на эльфа, но лицо того было спокойным... и Гарав вдруг понял: а ведь его странный спутник, пожалуй, настолько же сильнее Ангмара, насколько тот сильнее самого Гаравы. И от этой мысли почему — то стало спокойней. — Я жалкий трус и ничтожный предатель, таких казнят мечом, но это слишком почётно для меня.

— Твои друзья погибли из — за тебя? — спросил эльф. Гарав вскинулся:

— Что?! Нет! Я... я смог их выручить... но... мне больно...

— Посмотри, — сказал эльф и, подняв с рукояти меча левую руку, правой снял с неё высокую крагу. Гарав невольно ахнул.

Рука эльфа была сожжена до кости. Собственно, это и была чёрная кость — свирепое пламя съело всю внутреннюю сторону ладони.

— Ожог болит почти пять тысяч человеческих лет, — сказал эльф.

— Ты... — Гарав чуть отстранился. — Ты не... ты живой?! — ему вдруг помнилось, что рядом с ним — дух.

— К сожалению — да, — кивнул эльф, натягивая перчатку. — Хотя временами мне кажется, что я — призрак. Призрак прошлого и призрак самого себя. Я — нарушивший все мыслимые и немыслимые клятвы, которые только может дать разумное существо — чтобы исполнить одну — единственную клятву — клятву ненависти. Смешно и дико.

Эльф и правда рассмеялся. Но горький это был смех — горький, как запах полыни...

— Кто ты? — спросил Гарав робко. И добавил: — Лорд.

— Мэглор Ныйэлло, — сказал эльф. Он явно ждал какой — то реакции, но Гарав только представился в ответ:

— Я Гарав, оруж... Гарав я.

Эльф снова засмеялся — на этот раз почти весело. Гарав насупился:

— Тебя так насмешило моё имя, лорд?!

— Нет, — здоровая рука эльфа легла на плечо мальчишки, успокаивая. — Но я вижу, что это не имя, а прозвище. И я не спрашиваю, почему. Смеялся же я... по другой причине. Спеть тебе ещё? Путь через лес покажется короче, а ты хорошо слушаешь... Вот. Это песня человеческого народа... который когда — то, на заре времён, Финрод Фелагунд встретил на берегах Талоса... Говорит ли тебе что — нибудь имя Финрода, оруженосец?

— Это был король эльфов там, — Гарав вспомнил песни и рассказы Эйнора и показал рукой на запад. — Великий король.

— Великий, — кивнул Мэглор. И снова в его голосе прозвучало что — то странное. — Так слушай.

И он запел, и это была иная песня. В ней не было горечи и грусти и она сильно отличалась от эльфийских баллад — какой — то молодой бесшабашностью... Гарав заслушался с первых строк.

_ — В темноте мерцают звёзды _
_ И цветы. _
_ У костра ночного вместе _
_ Я и ты. _

_ Этой встречи, если честно, _
_ Я искал — _
_ Эй, волчьей песней мир будил и _
_ Звал, _
_ звал, _
_ звал... _

_ Затихает за оврагом _
_ Волчий плач... _
_ Мне в ночи всего — то нужно — _
_ Ты и плащ! _

_ Подарю тебе луну я — _
_ На, бери! _
_ А потом создам другую — _
_ Изнутри... _

Гарав невольно рассмеялся. Он почти представил себе того, кто пел эту песню раньше — молодой мужчина, парень или даже мальчишка... крепкие кулаки, широкие плечи, тяжёлый нож на поясе... вот он стоит, подпирает забор любимой, жуёт травинку и в желтоватых глазах — уверенность, что всё будет по его... и любовь.

— На траве рососою сбитой —
Волчий след.
Намокает плащ забытый —
Нас тут нет...

Поутру тебе в селенье —
Мне же в лес...
Эх, видно я не в свои сани
Снова влез!

А тебя закружат ночи —
Словно дни!
Для тебя горят у леса
Глаз огни!

Для тебя звучит над миром
Волчий плач...
Я забыл в твоей прихожей
Волчий плащ...

Для тебя звучит над миром
Волчий плач...
Я забыл... нарочно, понимаешь...
Волчий плащ... [\[4\]](#)

— Теперь спой ты мне, — неожиданно предложил эльф.

— Я? — Гарав от неожиданности опешил. — Я... не умею.

— Не умеешь петь? — эльф покачал головой. — Что ж... значит, не было в твоей жизни настоящего горя. И не любил ты, и не ненавидел. Выходит, ты солгал мне, Гарав — волчонок...

— Я не лгал! — ошетинился Гарав и вправду как волчонок, разгневанный тем, что кто — то осмеливается подвергать сомнению его страдания. Это до смешного оскорбило мальчишку.

Эльф чуть поднял одну бровь:

— Тогда спой мне. Хотя бы в благодарность — я знаю, что люди не обделены ею.

— Ну не у... — начал снова Гарав и вдруг ощутил себя какой — то ломающейся девчонкой. — Что спеть? — сухо вато спросил он.

— Что хочешь, — странно, эльф как будто сам же и потерял интерес к своей просьбе.

— Хорошо, — согласился мальчишка. Он знал много стихов, а в таких случаях, как правило, трудно выбрать... вот только выбирать не пришлось — первые строчки сами прыгнули на язык, а уж дальше оставалось просто идти следом, тут же перекладывая русский на адунайк и не особо беспокоясь о складе — тут это не было главным...

— Понимаешь, это больно, очень больно,

_Когда_горят_на_берегу_костры,_
_Когда_уходим_снова_добровольно,_
_Когда_сжигаем_наши_корабли..._

Если бы Гарав внимательно смотрел на эльфа — он бы увидел, как тот дёрнулся — словно в него попала стрела. И даже сделал жест, какой делает смертельно раненый.

Но Гарав не смотрел. Он знал, что не умеет петь — и всё — таки пел...

_—_В_руке_зажат_обрывок_гика_—_шкота,_
_Прищурен_взгляд_и_холод_по_спине..._
_Сегодня_ты_взрослее_стал,_чем_кто_—_то_—_
_Так_почему_же_слёзы_на_лице?_

_Не_знали_мы,_что_яхтой_станет_меньше,_
_Что_мы_её_сожжём_своей_рукой,_
_А_после_будем_петь_про_это_песни_
_И_улыбаться_раненой_душой..._

_Года_прошли,_и_многое_забылось,_
_Не_помним_запах_утра_над_рекой..._
_Но_мне_сегодня_почему_—_то_вдруг_приснилось,_
_Что_ветер_стих_и_будто_стал_чужой._

_Выходит,_все_же_что_—_то_здесь_нечестно,_
_Но_кто_подскажет_—_где_мы_не_правы?_
_Ведь_старой_яхте_—_на_море_не_место,_
_К_тому_же_—_с_почестями_мы_её_сожгли..._

_Стояли_в_ряд_мальчишки,_солнце_плыло_—_
_И_даже_ветер_потихоньку_стих..._
_Ах,_вспомнил..._—_ведь_у_яхты_ИМЯ_было,_
_А_мы_забыли_вслух_его_произнести..._

_Понимаешь,_это_больно,_очень_больно_—_
_Когда_горят_на_берегу_костры,_
_Когда_уходим_снова_добровольно,_
_Когда_сжигаем_наши_корабли... [\[5\]](#)

Гарав закончил петь — и поразился тому, как окаменело лицо эльфа. Стало чем — то похоже на маску — не страшную, не отчаянную — нет. Просто никакую. Мёртвую.

Что видел Мэглор, когда пел Гарав

— Почему ты выбрал эту песню? — спросил Мэглор спокойно и негромко. Гарав пожал плечами. Поспешил добавить:

— Не знаю, лорд.

— Было время, когда я убил бы тебя на месте за намёк... — эльф вдруг мягко улыбнулся — как будто зажёгся в ночи фонарик. — Но ты даже не знаешь, что это намёк, ведь так, Гарав? Спасибо. Хорошая песня — и зря ты хулишь свой голос. Ведь важно, о чём петь, а не как петь.

— Так что, голос совсем не важен? — улыбнулся Гарав в ответ.

И тогда эльф взял его одной рукой за затылок — здоровой. И сжал — сильно, больно даже.

Странно — Гарав понимал, что эльф может свернуть ему шею, как цыплёнку. Более того — мальчишка видел, что эльф убил в своей жизни столько людей, что потерял им счёт, если и вёл когда. Но почему — то не боялся. Может быть, потому что глаза эльфа были спокойными и притягивающими, как...

...Гарав не успел придумать сравнения.

Сознание оставило мальчишку мягко и безболезненно — как приходит хороший сон. А с ним милосердно ушли все душевные муки и живая память о страхе и тоске...

...Эльф поднял человека на руки — вместе со всем доспехом и оружием — как добрый хозяин поднимает усталого щенка. И твёрдым ровным шагом пошёл по тропинке, напевая тихо:

_ — Белая лань безрогая, слышишь ли ты мой зов?_
_ Я превратился в гончую с рваной шерстью на тощих боках;_
_ Я был на Тропе Камней и в Чаще Длинных Шипов,_
_ Потому что кто — то вложил боль и ярость, желанье и страх _

_ В ноги мои, чтоб я гнал тебя ночью и днём._
_ Странник с ореховым посохом взглянул мне в глаза,_
_ Взмахнул рукой — и скрылся за тёмным стволом;_
_ И стал мой голос — хриплым лаем гончего пса. _

_ И время исчезло, как прежний мой образ исчез;_
_ Пускай Кабан Без Щетины с Заката придёт скорей,_
_ И выкорчует солнце и месяц и звёзды с небес,_
_ И уляжется спать, ворча, во мгле без теней. [\[6\]](#)

_ Ire queluva Anarinya_
_ Quelienen u — navan minya._
_ Imbe menque yeni, enyare,_
_ Carinava noire vinya,_
_ mre queluva Anarinya._
_ mre tuluvan Mandos minna, _

_Nava_lomea_lume_sina_
_E_ta_lumba_farnesse,_yallo,_
_Ente_fairi_meruvär_linna_
_mre_tuluva_Mandos_minna_
_Ire_Namo_faukava_'n_anto_
_Yasse_vanuvan,_vinyacanta,_
_Nu_talunya_caitavar_—_nande,_
_Linyar_vanime,_tauri_lande,_
_Helma_vayuva_lauca_vilya..._
_Tare_enkenuvanyel,_milya._
_Tare_nanuvan_Valinore,_
_Ar_enkapuvan_minna_more;
_Omentava_ni_nwalca_hwinya_—_
_Ar_enqueluva_Anarinya,_
_mre_queluva_Anarinya... [\[7\]](#)

Шаг его был лёгкий и твёрдый. И далеко по лесу разносилась уже новая песня...

_—_В_неоглядную_даль_гонит_яростный_ветер_бессчётные_серые_волны..._
_Боль,_отчаянье,_смерти_—_безбрежное_море_навек_в_себе_погребло..._
_И_лежат_под_водой_белокрылые_птицы_из_гавани_Альквалонде!_
_И_седая_волна,_уходя_в_глубину,_над_обугленным_плачет_крылом..._
_И_лежат_под_водой_белокрылые_птицы_из_гавани_Альквалонде..._
_И_седая_волна,_уходя_в_глубину,_над_обугленным_плачет_крылом!_

_Корабли!_Парусов_ваших_гордый_размах_до_сих_пор_вас_не_видевшим_снится..

_—_Стая_огненных_птиц_—_неотмщённым_деянием_Зла_вы_летите_во_мгле..._
_И_во_мраке,_окутавшем_мир,_есть_и_вашего_пепла_частица_—_
_Ибо_равно_бессмертны,_к_несчастью,_и_Зло_и_Добро_на_земле!_
_И_во_мраке,_окутавшем_мир,_есть_и_вашего_пепла_частица_—_
_Ибо_равно_бессмертны,_к_несчастью,_и_Зло_и_Добро_на_земле..._

_В_день_конца_своего_всё_прошу_и_забуду_пустеющим_сердцем_холодным..._
_Только_гибели_вашей_—_ни_забыть,_ни_простить_не_дано..._
_Как_я_плачу_о_вас,_белокрылые_лебеди_гавани_Альквалонде,_
_Горький_пепел_смешав_с_погребальным_мучительно_—_терпким_вином..._
_Как_я_плачу_о_вас,_белокрылые_лебеди_гавани_Альквалонде,_
_Горький_пепел_смешав_с_погребальным_мучительно_—_терпким_вином! [\[8\]](#)

Солнце било в глаза.

Прищурившись, Гарав потянулся и улыбнулся солнцу. Звякнула кольчуга — он удобно сидел на плавно изогнутом корне дерева, как на диване с хорошей спинкой — на самой опушке леса. Рядом лежали щит, шлем и арбалет.

А в сотне шагов по траве луга вели коней Эйно́р и Фередир.

Глава 2, в которой никто никого не прощает, потому что это не нужно

Гарав встал и смотрел, как они подходят. Эйно́р поотстал, а Фереди́р почти бежал, ведя в поводу и своего Азара, и Хсана Гарава.

— Ты где был? — заорал Фереди́р, швыряя конский повод Гараву. — Ты как сюда — то попал?! Мы весь день и полночи через лес скакали, а он сидит и спит, как будто так надо!!!

Гарав поймал повод Хсана и улыбнулся, ощутив на щеке конские губы. Потёрся виском о храп. И подумал, что это справедливо.

Всё справедливо. Бежать от себя — бездарное занятие. Как ни оправдывай его и какие причины не выдумывай. Труса нагоняет собственный страх, предателя — те, кого он предал. Так — даже в мире Пашки, что уж здесь...

— Так где ты был?

Эйно́р соскочил с Фиона, передал повод всё ещё изливающему свою радость Фереди́ру. Гарав оттолкнул конскую морду и встал прямее.

— Я... — мальчишка перевёл дыхание. — Я вас предал...

— Да? — без интереса спросил Эйно́р. — Когда?

— Когда... Ангмар пришёл... я хотел разбить себе голову о камни... но он не дал... и он стал меня мучить... просто пальцами так делал, что я рассказал, куда мы ехали... а потом он начал просто говорить... ну... такие вещи, что всё было правильно...

— Подожди, — сказал Эйно́р встревожено. Заглянул в глаза Гараву. — Как хотел разбить себе голову?!

— Ну... как — как... — Гарав съёжился и выталкивал слова по одному. — Я сразу понял, что сейчас меня будут пытаться... и что я не смогу молчать... я же не Фереди́р... и... и... и надо же было что — то делать...

— И ты?.. — выдохнул Эйно́р.

Пряча глаза, Гарав рассказал, что хотел сделать. И как потом пришёл Ангмар. И что он сделал тогда. И как потом была Ломион Мелиссэ. И как он выкупил своих друзей. И за что. И вздрогнул, поднял лицо — твёрдые сильные пальцы Эйно́ра взяли его за предплечья. Мягко... твёрдые — а мягко! Глаза Эйно́ра были полны участием и... уважением!!! А Фереди́р — тот и вовсе смотрел неотрывно и восхищённо...

Но этого же не могло быть!!! Глупость какая...

— Veria rokuennuya...[86 — Храбрый мой рыцарь...] — тихо сказал Эйно́р, чуть встряхнув мальчишку за локти. — Если это называется предательством и трусостью — то что тогда верность и отвага? Скажи — что, Волчонок?

— Но я же всё равно нарушил клятву... — прошептал Гарав, не веря своим ушам, не веря, что всё могло так обернуться.

Эйно́р убрал руки. Его глаза построжали. Фереди́р заморгал.

— Да, — сухо сказал Эйно́р. — Клятву ты нарушил. И меч, на котором ты клялся, тебя и покарает. Дай мне клинок и опустишься на колени.

Всё, почти удовлетворённо подумал Гарав, вытягивая оружие из ножен и передавая Эйно́ру. Мир вокруг стал похож на разогретый клей, звуки — на тягучее тесто.

— Эй... — встревожено начал Фередир, но Эйно́р заставил его замолчать одним жестом. Оруженосец переводил взгляд с рыцаря на младшего оруженосца и обратно.

Шурша кольчугой, Гарав встал на колени. Всё было справедливо и — хорошо, что так — почти не страшно, только немного как — то туповато. И хотелось зевать. Ужасно, до смешного прямо.

— Волосы же будут мешать... — сказал он.

— Нет, — ответил откуда — то сверху Эйно́р.

Ну правильно, с его — то ударом и клинком... Наверное, ничего особо и не почувствуется...

«А ЗНАЕШЬ, КТО ТЕБЯ УБЬЁТ? ХОЧЕШЬ — СКАЖУ?» — засмеялась Ломе Мелиссэ. Знала, вяло подумал Гарав. Ох, поскорей бы, пока не стало страшно. Он попытался вслушаться в слова приговора, но они тоже вязли, как пчёлы в чёрном меду... в гречишном... Жалко, что утро, да ещё такое солнечное — солнечное, тёплое...

— ...покарает его собственный меч, — услышал Гарав финальные слова. И покрепче взялся за коленки, вцепился в них пальцами.

Раздался свист. Вскрикнул Фередир, явно бросаясь вперёд:

— Нет!

Сталь коснулась шеи мальчишки.

Плашмя.

— ...но вот, вижу — меч не хочет тебя рубить, — довершил Эйно́р.

Стало тихо.

Потом засмеялся Фередир. Он узнал эту формулу — формулу прощенья для тех случаев, когда принявший клятву решал, что давший её «изменил без измены». Фередир смеялся, потом бросился поднимать Гарав.

— Всё в порядке, хорошо всё! Ну вставай, вставай! Ты молодец, Волчонок!

Гарав не держали ноги. Он озибался с диким видом, потом икнул и уставился на свой меч, который ему протягивал — рукоятью вперёд — Эйно́р.

— Я тебе это припомню, Зигфрид хренов, — сказал наконец Гарав, беря меч.

— Не стоит ругаться, это слово мы уже выучили, — ответил Эйно́р.

* * *

Горел костёр и пахло свежим жареным кроликом. Мальчишки разлеглись у огня на животах, глотали слюну, мерили (да нет — делили) кролика взглядами и болтали в воздухе пятками. Эйно́р сидел на седле, прислонившись затылком к дереву.

— До чего хорошо быть живым, — вдруг сказал он.

Фередир и Гарав — как полувзрослые щенки, которым свистнул хозяин — повернулись в сторону Эйно́ра.

— Я сказал то, что сказал, — сердито и смущённо ответил тот. — Что вы уставились на меня, как на...

Он не нашёл сравнения достаточно быстро, и оруженосцы воспользовались этим.

— Как на Статуи Королей? — уточнил Фередир.

— Как на мумию Тутанхамона? — невинно добавил Гарав.

— Мне лень вставать, — объявил Эйно́р. И рассмеялся. — Я потом вас накажу.

согласны?

— Ага, — кивнул Фередир и молниеносным движением зажал шею Гарава в нешуточный захват. — Я его придушу, ты меня простишь — и мне достанется больше кролика! А — у!

Гарав боднул его в подбородок, выкрутился из захвата и навалился сверху...

...Кончилось тем, что борющиеся мальчишки закатились под кусты, где в тени было ещё полно росы. Двойной возмущенный вой — и они появились наружу. У Фередира была разбита губа, у Гарава — нос, оба выглядели встрепанными, но в следующий миг на лицах проступило одинаково возмущённое выражение.

Эйнор невозмутимо ел кролика...

...Часовым посреди дневного внепланового отдыха был Эйнор. Он ничего не приказывал, просто что — то невнятно буркнул и ушёл в лес. Мальчишки переглянулись и поняли — можно отдыхать.

Они улеглись по обе стороны от потухшего костра — лицами друг к другу, закутавшись в плащи. Какое — то время смотрели друг на друга, потом Фередир широко улыбнулся и протянул над остывающим пеплом руку. Гарав выпростал из — под плаща свою и пожал пальцы друга. Мальчишки подержали сцепленные руки над кострищем и, смутившись, расцепились.

— Я бы так не смог, как ты, — сказал Фередир.

— А не смог, как ты. Без всяких «бы», — признался Гарав. Вдохнул и добавил: — Былс очень страшно... и больно тоже было. Но я теперь знаю — когда стыдно — в тысячу раз хуже.

— Смешно, — вдруг задумчиво сказал Фередир. — Если бы ты... ну... держался крепче — мы бы все погибли.

А ведь правда, подумал Гарав. Но тут же оборвал себя: не оправдывайся, отмазываешься себя...

— Зато ты теперь знаешь, что можешь умереть, но не предать, — сказал он вслух. Фередир кивнул:

— Да... Хотя я не помню, как выдержал. Кричал — помню. И что было очень больно. И всё. А потом дверь открывается — и там ты... Но вообще знаешь, — неожиданно продолжил Фередир, — я не слышал, чтобы вот так кто — то мог упырю противостоять. Как ты. Ты случайно не эльф? Хоть немножко?

— Нет, конечно, — почти возмутился Гарав. — Я сам не знаю, как получилось.

— Или вы оба спите — или спать ложусь я, а вы дежурите, — слышался голос Эйнора.

Мальчишки умолкли почти с настоящим испугом. И одновременно закрыли глаза...

И — так же одновременно — и мгновенно — уснули...

...На этот раз Гарав хорошо запомнил сон. Но только сам сон был странным, непонятным — хотя, пожалуй, красивым.

Гарав не помнил, где он стоял — то ли на берегу моря, то ли на какой — то скале над морем... Нет, вряд ли на скале — потому что острые носы и белые борта надвигались на него спереди и сверху. Их было много — этих кораблей, огромных и стройных. Кипенно — белые — какими они, наверное, не бывают в жизни — плыли громадины парусов. Беззвучно и красиво, закрывая небо. И почему — то это было не только здорово, но и очень тревожно. Гарав не понимал, почему — но была в этом странном медлительном параде какая — то

горькая обречённость. Как будто последним парадом шло войско, перед тем, как положить знамёна — войско не побеждённое, но обречённое на сдачу трусливым приказом...

— А вы знаете, сколько у нас было баркентин?[87 — Здесь прямая цитата и отсылка к книге В.П.Крапивина «Трое с Площади Карронад» (по этой книге снят недавне небезнадёжный фильм), где содержится весьма нелюбимая критика действий властей, которые в 70-е — 80-е годы XX века превратили в бары и кафе немало парусных кораблей. Автор «Гарава» не горит к парусам и морю ни малейшей любовью, но абсолютно солидарен с мэтром детской литературы в его гневном обличении по двум причинам: 1. Я просто терпеть не могу дорогие претенциозные рыгаловки; 2. Корабль — это не площадка для пьяных бездельников, а воплощение многовековой мечты сотен тысяч мальчишек (не моей, но что с того?) И превращать эту мечту в бар — преступно.] — спросил ниоткуда глуховатый мужской голос. И паруса начала пожирать юркая беспросветная тьма, похожая на беззвучное чёрное пламя...

«Белокрылые лебеди Альквалонде...» — бессвязно подумал Гарав. И тут же подумал: нет. Кораблям Альквалондэ — он во сне чудесным образом знал эту печальную кровавую историю! — повезло больше, чем парусникам России. Прекрасные флотилии тэлэри, о которых плакал Мэглор, сгорели в пламени войны. Пусть нелепой, гражданской. И всё же — это было достойней, чем гнить у причала и ощущать, как на доски палубы льются вино, блевотина и котлетный жир.

Моргот, говорят, ненавидел море. Смешно; уж не Моргот ли уничтожил, стёр в своё время — там, в мире Пашки! — названия мечты: «Вега», «Сириус», «Шокальский» «Орион»... что там ещё? Космическая станция «Мир»[88 — «МИР», орбитальная станция для полета по околоземной орбите. Была создана в СССР на базе конструкции станции «Салют», выведена на орбиту 20 февраля 1986. Оснащена новой системой стыковки с 6 стыковочными узлами. По сравнению с «Салютом» на станции увеличена мощность системы энергопитания, созданы более комфортные условия для работы и отдыха космонавтов. Предназначена для построения многоцелевого постоянно действующего пилотируемого комплекса со специальными орбитальными модулями научного и народнохозяйственного назначения. Максимальная масса около 40 т, максимальная длина около 40 м. Летом 2001 года работоспособная станция была утоплена в океане. Взамен на орбиту была выведена «международная» (американская) «Альфа», прославившаяся постоянными поломками и тем, что русские космонавты на ней выполняют роль извозчиков и услуги. Так была фактически уничтожена космическая программа России... и всего человечества, погиб порыв движения в космос.], прекрасный звёздный остров, о нелепом, злодейски — поспешном уничтожении которого в своё время с таким отчаяньем и гневом говорил Олег Николаевич? Наверное, это была его мечта, что — то значившая для него, как для других — облака многоярусных парусов...

...Мальчишка начал просыпаться, и так чётко горевшие в его сне названия гигантов — красавцев уплывали из памяти... оставалась только обида.

Когда мечты не останутся совсем — Зло победит. Оно стремится не погасить солнце, не заковать всех людей в кандалы, не выстроить по росту — нет! Всё не так эпично. Важней всего для Зла, чтобы никто не мечтал о чём — то большем, чем сытость и покой. Зло вовсе не собирается убивать всех. Оно даже щедро одарит тех, кто склонится перед ним. Воистину щедро. Ломящимися магазинными полками в мире Пашки. Тут... что ж, тут тоже найдётся что — то равноценное сорока сортам колбасы...

Фередир сидел возле костра в какой — то невообразимой позе, раздувал огонь. По луговинке бродили кони. Тихо было, тепло, солнечно и красиво. Гарав даже засмеялся негромко. Фередир оглянулся — он был основательно перепачкан золой:

— Проснулся? А к Эйнору какие — то холмовики приехали, — в голосе оруженосца прозвучало неодобрительное удивление. — И как нашли? А он их ждал, похоже...

— Холмовики? — Гарав сел. — Что за холмовики?..

...— Мы не хотим ни Руэту, ни Чёрного Короля, — за девятерых танов говорил один, невысокий, но чудовищно плечистый, с полуседыми волосами, заплетёнными в косы. Они — восемь в ряд, один впереди — стояли перед Эйнором, положив руки на рукояти длинных мечей. — Но мы знаем, что тарканы себе на уме. Нас на этой земле много. Тарканов — мало. У нас много детей. У тарканов мало, — адунайк в устах холмовика слегка коверкался, и, как видно, он и сам это понимал, потому и говорил отрывисто. — Мы хотим жить на этой земле по своим законам. Мы не отнимали её у тарканов. Мы взяли её у swattawayt[89 — «Чёрный народ» (талиска) — название, данное северянами пригорянам.], потому что они слабы и трусливы. Пусть они берут её у нас обратно, если смогут!

— И вы хотите своего короля? — спросил Эйно́р. Седой богатырь презрительно повёл плечом под багрово — белым клетчатым плащом:

— Хватит с нас и Руэты. Он тоже кричал, что будет королём для всех. А стал королём для Анг... для нашего северного соседа. Не нужны нам короли, мы перегрызёмся друг с другом за трон, как стая псов за мозговую кость — а достанется она кому — то ещё. Нет, таркан. Пусть король будет ваш. Король для swattawayt, король для твоих братьев — тарканов — тех, что ещё уцелели здесь. Король для нас. Будет война — мы дадим ему воинов. Будет мир — мы дадим ему зерно, пиво и скот. Но пусть он не говорит: вот моя земля, и там моя земля, и там моя тоже, а ту землю я отдам родне с юга. Пусть не пишет для нас свои законы. Мы будем жить по своим законам на своей земле, а королю, который придёт с юга, будет уважение, как нашему вождю, — он выдохнул облегчённо после такой длинной тирады на чужом языке.

— В обмен на согласие наших князей на сказанное тобой — что пользы будет нам от вас сейчас? — спросил Эйно́р на тали́ска, вызвав перешёптывание и удивлённые взгляды танов.

— Наши мечи для Руэты и Чёрного Короля — но не рукоятью, а остриём, — сказал тан. Трое его товарищей кивнули. — Наши мечи для Арвелега из Форноста — не остриём, а рукоятью.

— Рукояти ваших мечей — сейчас, в обмен на короля, который не будет указывать вам, как жить и отдаст вам землю, которую вы зовёте вашей — после падения Чёрного Короля, — сказал Эйно́р и обнажил Бар. — Мои слова — слова князя Арвелега: да будет так, как сказали вы.

Холмовики обменялись возбуждёнными возгласами.

— Серый Старик говорил нам, что ты и твои князья честные люди, — сказал старший из танов. — Ну что ж, возьми и нашу клятву и донеси её своим правителям, юноша, говорящий голосом Арвелега...

...Когда Эйно́р вернулся, оруженосцы — плечом к плечу, тихие и послушные, сидели на

брёвнышке, сложив руки на коленях и преданно смотрели на рыцаря.

— Что? — подозрительно спросил он, останавливаясь возле кустов, из которых вышел.

Оруженосцы вздохнули. Вместе, в унисон.

— Что? — более нервно уточнил Эйно́р.

— Вместе столько дорог прошли, — сказал Гарав со слезой в голосе. Фередир закивал и хлопнул носом. — Плечом к плечу стояли, одним плащом укрывались, одним лопухом подтир... кгхмр... Все лишения делили, радости и беды... — тут его слегка заперло, мальчишка задумался, что же они могли делать с радостями и бедами. Вместо него включился Фередир:

— Ты мне как отец родной, — убеждённо сказал он, и Эйно́р вытаращил глаза. — А я тебе — как сын...

— Храни Валары от такого блудливого щенка в сыновьях... — пробормотал Эйно́р. Феридир затряс головой:

— Не спорь, я лучше знаю... Какие тайны у отца от верного сына?!

— И вот заехали мы в глушь глухую, — влючился Гарав, — и быв зверьми кусаны и людьми пуганы немилосердно, и виденицы злые нас терзали... и думали мы, что старший наш — вроде брата нам родного и справедливого...

— Так отца или брата? — уточнил Эйно́р.

— А оно вон как вышло, — гнул своё Гарав. Мальчишки повесили головы. — Закрыв брат наш и отец от нас, глупых, своё сердце... — плечи Фереди́ра вздрагивали. — Ходит окрест, а чего, куда — нам не сказывает... Что ж нам, доверия лишённым, делать?! Закинуть петельки на берёзоньку, да и... — Гарав сглотнул и выдавил слезу. — Чем жить в таком позорном недоверии — уж лучше живота лишиться...

— Верно, верно... — простонал Фередир подозрительно срывающимся (явно не от рыданий) голосом.

— Нет, ты, Фередир, раньше таким наглым определённо не был, — задумчиво сказал Эйно́р, расстёгивая перевязи.

— А это зачем? — с неподдельным интересом спросил Гарав, чутко следивший за движениями рыцаря. Эйно́р ласково улыбнулся. — Федька — а... — пропел Гарав, поднимаясь с места...

... — А как ты всё — таки вперёд нас через лес прошёл? — спросил Эйно́р, жуя твёрдую полоску вяленого мяса. — Мы скакали полдня и всю ночь. А тебя вообще не видели, выезжаем — ты спишь на корне.

Гарав сердито зыркнул на рыцаря, натягивая левый сапог. Потёр по очереди плечи, по которым сильно досталось перевязью. Но потом хмыкнул и начал рассказывать, не замечая, что Эйно́р с середины рассказа застыл, держа в руке мясо, а Фередир сел рядом прямо на землю и вытаращил глаза.

— КТО?! — с каким — то звоном выкрикнул Эйно́р, когда Гарав назвал имя певца — эльфа, а Фередир обеими руками с отчётливым шлепком зажал себе рот и ещё более выпученными глазами повёл в сторону дальнего леса. — Мэглор Ньйэлло?!

— Ну... он так сказал... — Гарав даже немного испугался. — А что, вы его знаете, что ли? — он поочерёдно посмотрел на своих друзей.

— Macalauré Feanaro — hino! — выкрикнул Эйно́р. Он был бледный и как будто даже Гарав не видел. — Помнишь, я как — то пел его песню... в самом начале! Макалаурэ сын Феанаро! Мэглор, иначе говоря! Мэглор сын Феанора! Мэглор Ньйэлло! Мэглор Певец!!! С

Валар!!! Ты харадский длинношёрстный баран, Гарав! Ты не волчонок, ты слепой крот!
— Чего это я... — вяло бормотнул Гарав и спросил: — Это ТОТ САМЫЙ?! Из древних времён?!
— Древних... — Фередир не то икнул, не то хихикнул. — Когда он пропал без вести — Нуменора ещё не было... правда, Эйнор?
Рыцарь только рукой махнул. И с какой — то нелепой надеждой — или страхом? — спросил:
— А тебе это не приснилось, Волчонок?
Гарав честно подумал над этим. И со вздохом пожал плечами:
— Не знаю.
Эйнор ещё какое — то время смотрел на него. Потом встал и скомандовал:
— Собираемся. И так задержались.
Мальчишки стали ускоренно сворачивать маленький импровизированный лагерь. Что ни говори, а у двоих это получалось намного быстрее и слаженней, чем у одного. Наблюдая за их вознёй, Эйнор подумал: «Что ж, видимо, Волчонок теперь и правда от меня никуда не денется. Ну и к лучшему, хороший он парень. И будет хорошим рыцарем.»
— Мы едем в Зимру, — сказал Эйнор, затягивая подпругу Фиона. Фередир поднял голову от щита, который крепил в чехле на конском боку. Гарав спросил равнодушно:
— В Раздол не поедём?
— Нет, — покачал головой Эйнор. — Прости, Волчонок. В Зимру.
— Мне — то что, — так же равнодушно сказал Гарав, вскакивая в седло. Разобрал поводья. — В Зимру — так в Зимру... — и закончил по — русски: — Нны, холера!

* * *

_ — _Лето, _ты _где _шлялся?_
_ — _Считал, _сколько _есть _шансов,_
_Что _наша _река _высохнет._
_ — _Ты _что, _надо _мной _издеваешься?_
_Садись, _а _то _суп _выстынет._
_...Мальчика _звали _Летом._
_Дали _в _детстве _такую _кличку,_
_Потому _что _на _лицо _ — _все _приметы:_
_Температура _ — _сорок _с _лишним,_
_Голова _горяча: _хоть _котлеты_
_На _лобешнике _жарь, _хоть _блинчик,_
_Удивлялись _родители: _«Как _это?_
_И _в _кого _он _такой _вышел?»_
_(Вся _семья _ — _как _посыпана _снегом)._
_Папа _зуб _точил _на _соседа,_
_Но _сосед _был _до _одури _честным,_
_Ходил _в _церковь, _носил _крестик,_
_И, _к _тому _же, _весной _стал _птицей,_
_Так _что _папа _утихомирился, _

И забыл о своей версии...
...Мальчика звали Летом
И он откликался, как правило.
Он говорил — словно бредил,
Смышленный — что взрослым завидно,
Веселый — не нахохочешься,
Но шутки стали, как ежики —
Сказал, губки сделал бантиком,
Игратья ушел с приятелем,
Кататься на велосипеде,
А у тетенек и дяденек
Мурашки ползут по коже —
Чешутся, словно йети,
Блохастые от неухоженности:
«Вот это пошли дети,
Вот это растут сложности».
— О чем ты задумался, Лето?
— О космосе.
— Подумать, все дети, как дети,
А этот... Господи!..
...13 лет длилось лето.
Мальчик вырос неправильным,
И понял, что на планете
Ему места не оставлено,
Что он — как бобовое зернышко
Из сказки —
Среди горошин.
Что небо рукой достать может он
Но небо его —
Не может.
Бог любит горох,
Что Богу
Какой — то боб.
Что проку
От этого переростка?
Он даже сказать просто
Не может. Мымрит стихами.
И ангел, который хвостик
Скрывал, под бельё пихая,
Шепнул Богу: «Пап, дай мне»
Бог сказал: «Нет вопросов!»
И отдал его. С потрохами...
— Доктор, что с нашим мальчиком?
— Мальчик Ваш неудачливый.
Пару годков, не иначе как

Отправите ваше Лето
В милом таком ящичке
Плыть по реке Лете...
...Осталась горячка от лета,
Мальчик, в пальто кутаясь
Держался за сигарету
И за вбитую в голову глупость,
Что вертится он на вертеле
Кебабом у адского пламени,
Какая — то хворь жалила:
Это чертенок шарики
Катал по крови детской,
Мальчик решил: «Бог — жадина,
Ему в падло содержать меня,
Украл у меня детство:
Волосы вон лезут,
Как глобус башка гладкая».
Бог занят был интересным
Чем — то и содержательным,
Не поспешил слезть и
Мальчишку к груди прижать своей.
А зов со словом ругательным
По почте ушел небесной
К самому главному бесу,
И тот решил действительно
Мальчику отвесить
Боли, убить заразою
Мысли о небе, и взять себе
В ад его.
Председателем.
«Иди ко мне, мой сладенький
Ясный мой...»...
— Мне больно. Уйми боль мою.
— Ложись на подушку.
— А можно, я проснусь в раю?
Я почти свят, не вру,
Не целованный, непьющий.
— Окей. Отстегни душу.
В чистилище простирну
И вечный тебе уют
В будущем...
...Мальчик совсем сбрендил:
Метался меж Богом и Бесом.
И тот ведь на «Бэ» и этот,
По три буквы каждый весом.

Кому отдать предпочтение?
Он таял песочным печеньем,
В чьей — то доброй руке над чашкой
Чая крепкого — вверх тормашками...
... — Боже, пусти, так тяжко мне...
В ответ слышен хохот бесов.
Мальчик хрипит и кашляет:
Глаза, как июль, горячие,
И не кислород, а лезвия
Вокруг, и дышать — мочи нет...
...Млея в массажном кресле,
Бес ему: «Что ж не весел?
Кривишь лицо и корчишься?
Счастливо было закончится.
Молись и целуй мне перстень».
Он целовал, брезгуя.
То перстень,
То на шнурке крестик...
...Проснулся утром: «Где я?
Нигде не болит. Я умер?»
Рядом сидит фея
И пейзаж на холсте рисует.
Фея:
— Тебя не добудишься!
Во сне говоришь, крутишься,
Хныкаешь, капризуля.
Смотри: на щеке пуговицы
Оставили штампы — оттиски.
— Я спал?
— Все четыре осени!
Бог возвратился из отпуска
И спрашивал: «Где горошина,
Та, что самая крупная,
Любимая моя клумбная?»
— Чтобы скорей в суп ее?
— Глупенький ты, глупенький,
Разве Бог суп кушает?
Вставай, иди чисть зубики.
На кухне, как погремушками
Звенеть начала посудой.
Мальчик потер макушку:
«Ого, как запутались кудри!» [\[9\]](#)

сёдлах. Потом Фередир сказал:

— Хорошая баллада. Не всё понятно, но... хорошая.

— Я знаю, — грустно сказал Гарав. Эйно́р улы́бнулся:

— Не грусти. Ты ещё побываешь в Раздо́ле, Волчоно́к.

— Зачем он мне? — удивился Гарав. Эйно́р не стал отвечать, а спросил о другом:

— Ты ведь пишешь. А говорил, что неграмотный. Это письмо твоего народа?

— Да. Моего народа, — кивнул Гарав и чуть подшпорил Хсана. Тот вынес его вперёд — туда, где тропка из рощ уводила в луга. Там он остановил коня, развернул его и вытащил меч, вскинул в руке к солнцу. Эйно́р и Фе́редир остано́вили своих коней. Гарав встал в стремя́х и застыл, подняв лицо и руку с мечом. Солнце вспыхнуло искрой на остром кончике клинка, и по нему вниз побежали алые молнии кардоланского узора. — Са́дрон — ве́рный, — сказа́л Гарав.

Глава 3, в которой выясняется, что все пути ведут в Раздол, а Гарав совершает первое убийство

На ночь остановились под крышей. Гарав не поинтересовался, как называлось село — но жили в нём пригоряне, и кардоланскому рыцарю и его оруженосцам хоть и опасливо, но без вопросов, предоставили место для ночлега. В небольшом трактирчике — каменном, с низкими балками — без потолка — под крышей, закопченной огнём большого открытого очага — отыскалась комнатка с большой кроватью.

Село стояло в стороне от торной дороги, на северных склонах гряды холмов. Дорога шла по южным, проскакивала перевал, стиснутый между двумя скальными выходами и шла дальше на юго — восток — а к селу через холмы вела скорей тропка, чем дорога. Видимо, это был один из тех полузатерянных мирков, где люди живут десятилетиями в одном и том же ритме. Но то, что Рудаур — нуменорское княжество, а Руэта — самозванец — тут всё — таки помнили.

Вечером — видно, тоже по обычаю — в трактире собрались как бы не все мужчины села. Кардоланцев обходили стороной — гостеприимство гостеприимством, а в такие дела лучше не лезть, чтоб всегда можно было сказать: приехали, отдохнули, уехали — трактир же!

Юноша и мальчишки вышли в общий зал, чтобы поесть и выпить пива. Пиво тут оказалось очень даже ничего — по словам Фередира — а на ужин предложили целую гору жареных карасей, штук полста. Небольших, но прожаренных до хруста, очень вкусных — и буквально за медяки — сказывалась близость реки. Повар умело надсёк рыбок поперёк, и мелкие косточки — проклятье речной рыбы — почти не ощущались, а от хребта мясо отставало половинками.

Гарав увлечённо хрустел хвостиками и плавничками. Рыбу он обожал чуть меньше, чем грибы. Но на этот раз спутники не морщились и не принимались, как было с грибами — лопали, хватая из — под рук друг у друга. А что местные на них не обращали внимания — так оно и к лучшему.

— Вкусно, — признал Эйно́р. Щёки у него были перемазаны маслом, на котором жарились карасики. — Но тунец в вине вкусней.

— Хрень. — отрезал Гарав. Тунца в вине он никогда не пробовал, но повторил: — Хрень. Морская рыба не может быть такой вкусной, как речная.

— Не ел — и молчи! — возмутился Фереди́р. — Приедем в Зимру — угощу тебя. Эйно́р помнишь ту таверну на набережной — «Пьяный тунец»?

Эйно́р медленно кивнул. И вдруг сказал:

— Знаешь, боюсь я одной вещи, Гарав. Не отстанет Чёрный ни от нас, ни от тебя. Не простит того, как ты его надул. Ты, может быть, просто не понимаешь, как ты его обкидал грязью.

Мда. Слова в этом мире всё ещё имели силу. Гарав убедился в этом немедленно. А Эйно́ру следовало это помнить...

...Хлопнула дверь.

И сразу стало тихо.

Вастаков было пятеро. Видно, они оставили коней снаружи и сейчас переглядывались,

щурились, держа руки на рукоятках сабель. На плоских шлемах качались перья.

— Слушайте! — сказал на адунайке один из них — в позолоченной кольчуге, тонкие вислые усы его были украшены золотыми шариками на концах. — Завтра утром, с рассветом, по дороге с той стороны холмов проследует на юг Руэта, князь Рудаура и ваш законный властитель! Мы — его гонцы! Склонитесь перед Руэтой — и окажите нам честь и почёт!

Пригоряне угрюмо помалкивали. Фередир вытянул ноги под стол. Эйно́р следил за Гаравом и вдруг увидел, что в прищурившихся глазах мальчишки разливается непомерное море злости.

— Чурки е...ные... и предъявы точно такие... — пробормотал Волчонок на своём языке.

Вастаки, удостоверившись, что честь и почёт оказаны уже сейчас (молчание они воспринимали как общий страх), уселись за один стол и начали заказывать ужин, причём требовали вина, а не пива, а платить явно не собирались. На троих кардоланцев — в дальнем углу, без доспехов — они и внимания не обратили. А местные потихоньку потянулись из трактира, и вскоре зал почти что опустел — остались лишь вастаки, хозяин с женой, кардоланцы да сидевший в другом дальнем углу невысокого роста посетитель в плаще с капюшоном, пивший уже третью кружку пива.

— Надо уйти наверх, — сказал Фередир сердито и тихо. — Смотреть на них...

Гарав издал неопределенный насмешливый звук. А Эйно́р — совершенно неожиданно для самого себя, сказать по чести! — устроился удобней, кашлянул, стукнул по столу кулаком — и голос юноши, казалось, приподнял низкую крышу:

_Впечатан_в_землю_четкий_шаг,_
_Содрогнется_земля,_
_Идут_воители_меча,_
_Гвардейцы_Короля!_

_Ведет_нас_солнца_ясный_жар,_
_И_землю_опалит_
_Клинков_серебряный_пожар,_
_Что_среди_небес_горит!_

_Услышь_же_нас,_великий_град:_
_«Zagir_annardi_anGimlad!»_
_Услышь,_подзвездная_земля:_
«Zagir'nArun_'nAbarzayan!»_

Вастаки, громко разговаривавшие на своём языке, замолчали и оглянулись изумлённо. Честно сказать, и оруженосца уставились на своего рыцаря с удивлением. А Эйно́р распевал, пристукивая кулаком:

_Когда_Король_дает_приказ,_
_Превыше_воли_нет!_
_Его_слова_прочертит_сталь_

В тени_ звенящих_ лет!_

Гимлад свободу_ обретет_
От смерти_ злых_ оков,_
Прославится героев_ род,_
Избраников веков!_

Услышь же_ нас,_ великий_ град:_
«Zagir annardi_ anGimlad!»_
Услышь, подзвездная_ земля:_
«Zagir 'nArun_ 'nAbarzayan!»_

И в_ наших_ душах_ жар_ огня,_
Нам светит_ Азрубэл,_
Своих воителей_ храня_
От язв,_ мечей_ и_ стрел!_

Гори, огонь!_ Исчезни,_ враг!_
Пред нами_ жалок_ тот,_
Кто побороть_ не_ смеет_ страх,_
В чьем_ сердце_ —_ талый_ лед!_

Услышь же_ нас,_ великий_ град:_
«Zagir annardi_ anGimlad!»_
Услышь, подзвездная_ земля:_
«Zagir 'nArun_ 'nAbarzayan!»_

Вообще — то это была песня врагов предков Эйнора. Людей Короля. Но было в ней что — то... в общем, что — то такое. Такое. Да и Эйнору явно было сейчас важно бросить вызов вастакам — а ничего более вызывающего, чем перекатывающиеся слова: «Zagir annardi anGimlad!» — для них не было.

Стоит Гимлад_ среди_ вечных_ вод,_
И Остров_ охранит_
Златая Гвардия_ его,_
Надежный, крепкий_ щит!_

Так говорит_ нам_ нардубар,_
И в_ этом_ службы_ соль:_
«Превыше жизни_ Зэннабар,_
А выше_ —_ лишь_ Король!»_

Услышь же_ нас,_ великий_ град:_
«Zagir annardi_ anGimlad!»_

Последний припев все трое уже проорали вместе — Фередир и Гарав переглядывались с сияющими лицами и тоже лупили кулаками. Они и не заметили даже, что невысокий человек в плаще бросил пить и тоже смотрит в их сторону.

Над столом вастаков молча сверкнули кривые лучи сабель. Они повскакали, отшвыривая стулья; хозяин, ещё до этого успевший жену, шарахнулся за стойку.

— Тарканы! — крикнул сташий. — Враги Господина! Вперёд, дети мои!

— Барук Казад! — грохнуло позади, и командир вастаков, с хрипом прогнувшись — он пытался увидеть, что же ударило его в спину? — рухнул на пол. Между лопаток торчал небольшой метательный топор. Вскочивший посетитель отбросил плащ и оказался гномом — довольно высоким для своего рода, с грозно топорщащейся бородой. Гном крутил в лапах второй топор — на длинной рукояти. — Барук Казад! Руби их, люди!

— Дагор, Кардолан! — крикнул Эйно́р, выхватывая Бар.

Вистину штамп — «всё смешалось». Но ненадолго — четверо на четверо было невыгодным раскладом для вастаков. Вскоре все четверо лежали мёртвые, и улыбающийся гном пожимал предплечье тяжело дышащему Эйнору:

— Фенодири, горный мастер, — пробурчал он из бороды. — Позорно было видеть, как люди трусят в своём же доме, да один я бы не справился.

— Эйно́р сын Иолфа, рыцарь Кардолана, — ответил Эйно́р. — Почтенный гном очень вовремя начал драку.

Гарав зарубил своего вастака в углу у очага — раскроив тому шею колющим выпа­дом. Сопротивлявшийся с отчаяньем загнанной в угол крысы, вастак успел рассечь бездоспешному мальчишке левое плечо, и теперь Гарав, шипя, терпел руки Фередира, который усадил друга за стол и, сбегав за набором, зашивал длинную рану серебряной гнутой иглой.

— Их сабли — не оружие, — рассуждал Фередир. — Глянешь — страшно, порез в пол — ярда, кровища льёт... А посмотришь — там глубина с муравьиную ножку. Вон как ты его — другое дело, он только — плям, плям... — оруженосец смешно передразнил звуки, которые издавал вастак, пытаясь вдохнуть распоротым горлом... Ещё пару стежков...

— Я тебе что, коврик, что ли... сссссссссСССССССССС!!!

— Разреши — ка мне, уважаемый оруженосец, — Фенодири, закончивший вытирать свой топор, подошёл к мальчишкам и открыл маленькую серебряную коробочку. — Это слёзы гор, драгоценнейшая мазь... — при слове «драгоценнейшая» голос гнома слегка дрогнул, а глаза стали сомневающимися — стоит ли тратить средство на обычного человеческого мальчишку, каких вокруг десятки тысяч? — Раны от неё заживают в одну ночь.

Старательно сопя, гном аккуратно — и экономно, сволочь бородатая! — намазал свежий шов тёмной, щипучей и остро пахнущей дрянью из коробочки, которую тут же решительно убрал, как будто опасаясь, что люди потребуют ещё.

— Благодарю, почтенный гном, да удлинится бесконечно твоя борода, — с некоторым сомнением воспользовался Гарав прочитанной в книге Пашкой благодарностью (он не понимал, как кому — то может нравиться бесконечно удлиняющаяся борода?!). Но, как ни

странно, попал в цель — гном впустил бороду рукой, его глазки довольно блеснули.

— Оруженосец вежлив, — признал он. Фередир издал неопределённый звук.

Эйно́р между тем препирался с хозяином, все претензии которого сводились к обвинению: «Подставили!!!» В принципе, он был не так уж не прав — и успокоился только когда Эйно́р сказал, что они спрячут трупы, уведут коней, а трактирщику сыпанул чуть ли не дюжину кастаров.

Этим пришлось заниматься часа два. Сын хозяина — мальчишка лет десяти, который, в отличие от родителей, образ действий гостей совершенно одобрял — показал в трети лиги от деревни расщелину, помог — без малейшей брезгливости — перетаскать вастаков и тут же начал проситься с кардоланцами. Клятвенно обещая не быть обузой, служить, разжигать, варить, чистить и быть бесстрашным в бою. За всеми этими хлопотами — от мальчишки удалось отвязаться, только объяснив ему, что все сражения ещё впереди и смелые витязи понадобятся «на местах» — почтенный Фенодири тихо слинял, прихватив с собой всех лошадей вастаков (необычно для гнома) и их кошель. Умаявшиеся кардоланцы, обнаружившие это только по возвращении в трактир, ошалело помолчали, а потом начали хохотать.

— У нас это называется — жук, — заключил Гарав, садясь на постель.

— А у нас — разведчик, — Эйно́р усмехнулся напоследок и стал раздёргивать перевязи. Фередир округлил глаза:

— Думаешь?!

— Уверен. Делает то же, что и мы делали. Скорей всего, выполняет волю этого старого скота Фрора из Мории.

— За что ты о нём так? — удивился Гарав. Эйно́р поморщился:

— Морийские гномы — наши союзники и верные ненавистники зла, это правда. Но правда и то, что их Государь — старый скот, скряга и негодяй.

Больше рыцарь ничего объяснять не стал. Фередир между тем проверял мощный засов на прочной двери.

— Выходит, Руэ́та выступил в поход, — сказал он, возвращаясь к постели и садясь. — Куда, неужели на нас?!

— Скорей всего, — угрюмо согласился Эйно́р. — В Зимру, утром — в Зимру, галопом... И вряд ли это один Руэ́та.

— Думаешь — и Чёрный Король тоже? — Фередир передёрнулся.

Эйно́р молча кивнул.

* * *

Гарав проснулся задолго до рассвета.

Эйно́р и Фередир спали — молча, только Фередир по своей всегдашней привычке улёгся на живот между рыцарем и младшим оруженосцем и сопел в подушку.

Гараву приснился залитый кровью двор и человек в седле — с чёрными с проседью волосами и насмешливым лицом — разрубающий другого человека за отказ предать.

Руэ́та Рудаурский.

Плечо дёргало, но это была боль уже заживающей раны — гном не обманул. Ох, ещё шёлк выдёргивать... Гарав поморщился в невидимый потолок. Вспомнил тот перевал, через

который они проезжали вчера. «Завтра утром, с рассветом, по дороге с той стороны холмов проследует на юг Руэта, князь Рудаура...»

Дорога там одна. Через пару часов по ней поедет тот, кто ударил Фередира ногой в лицо... Тот, кто верно служит Ангмару...

Мальчишка бесшумно откинул свой край большущего одеяла и тихо спустил ноги с кровати.

* * *

Хсана он оставил внизу, у подножья холмов, где лежал густящий непроглядный туман. Но, когда он поднялся вверх, там было чисто и почти светло — солнце готовилось взойти.

Перевал с холма был как на ладони. В четверти километра.

Мальчишка стал искать место для засидки...

Двести пятьдесят метров — хорошее расстояние для прицельного выстрела и из огнестрельного оружия. Он покосился на лежащий рядом арбалет, осторожно потрогал — нет, скорей погладил — тетиву и лук, в которых ощутимо жила под пальцами тугая страшная мощь.

— Не подведи, — пробормотал он. — Только не подведи.

Мальчишка хорошо понимал, что четверть километра для его арбалета — это много, очень много. И дело даже не в расстоянии в первую очередь. Просто те 150 килограммов усилия, которые даст его дуга, на таком расстоянии не позволят пробить даже прочную кожаную кирасу. Значит, надо бить в лицо.

Только в лицо.

Всё, что осталось — _пропасть и крик..._
Кто дотянулся — _будет убит._
Крылья стальные. Бег от себя.
Вот и взошла восьмая луна!

Гарав положил щеку на руки, скрещенные на прикладе арбалета. И стал думать про Мэлет — мысли были светлыми и пустыми, как прозрачная вода в тихой речке в ясный солнечный день. Других мыслей ему сейчас не хотелось...

...Кавалькада под яркими знамёнами начала переваливать через седловину холма с первыми лучами солнца. Впереди скакал всадник в пронзительно — зелёном плаще.

Гарав лёг удобней. Как можно удобней. Уперся ногой в заранее присмотренный камень и положил арбалет между заранее приготовленными камнями.

_Что_охраняет_камень_наших_лиц?_
_Зачем_звезда_с_росой_полночной_спорят,_
_Рождая_ожиданье_для_убийц_
_И_время_пасть_в_обойме_для_героя?.._

Не было ни волнения, ни азарта, ни страха, ни ощущения того, что делаешь историю. Взрослые люди и нелюди долго забавлялись с мальчиком, с его душой, с его мозгом, с его телом и вот — всё сделано, он не боится, не жалеет и не ждёт.

_Говори,_говори,_моё_счастье..._
_Говори,_задыхаясь_от_боли..._
_Серебристым_рассветом_однажды_
_Я_тебя_обесчестил_любовью..._

Они все идут убить её, виденную один раз, любимую навсегда...

Отдавай, отдавай моё счастье — _
Жар раскатистым ядом по венам...
Так у нас получается часто — _
Изменённый — _всегда неизменный... [\[11\]](#)

Этого достаточно.

Руэта остановил коня и поднял руку. Ну конечно. Все они делают историю и обязаны говорить красивые слова, которые запишут в летописях и которые будут с восторгом повторять в школах через тысячу лет наивные юные идиоты, которые не знают, например, как пахнет то, что вываливается из распотрошённого человека и как люди собирают это обратно в живот... Там будет написано, как появился великий Рудаур, страна отваги, родина свободных, отчизна верных.

Ни слова не будет сказано о рассечённом мечом человеке, который отказался предать клятву. О том, как пытали Фередира и как выламывали душу кричащему от ужаса мальчику по имени Пашка...

...Ну нет, князь Руэта.

Ну нет, король Ангмар...

...Гарав поймал «на мушку» еле различимый овал лица. Чутьочку поправил прицел — на таком расстоянии стрела неизбежно снизится, и уже немало... вот так должно хватить. Сделал вдох. Выдох.

И выстрелил.

Две секунды Гарав оставался неподвижным, как камни, среди которых лежал. А потом... потом он увидел, как всадник сделал короткое движение рукой — и начал валиться из седла на конский круп...

...Болт с гранёным бронебойным наконечником попал Руэте Рудаурскому в левый глаз.

Вождь холмовиков и самозванный князь Рудаура умер ещё до того, как начал заваливаться на спину.

Мгновенно.

А Гарав — Гарав спасло то, что никто из окружавших Руэту телохранителей не мог даже предположить, что прицельный выстрел из арбалета сделан за две с половиной сотни ярдов. На гряде холмов за деревьями никому просто не пришлось в голову посмотреть.

Потому что он и не думал никуда бежать. Он сел, осторожно положил арбалет на колени. Покачал головой и закрыл глаза.

* * *

Руки Эйнора не легли Гараву на плечи — нет, вцепились, как стальные штурмовые крючья в обрез стены.

— Ты застрелил Руэту из арбалета?! — бешено спросил нуменорец, подтягивая

оруженосца ближе к засветившимся гневом глазам. Гарав кивнул, не пытаясь сопротивляться. — Без всякой чести?!

— Какой чести ему надо? — процедил мальчишка. Он не был испуган, скорее подкатило туповатое равнодушие. — Получил, на что давно нарывался...

«Нарывался» Гарав сказал по — русски. Эйно́р тряхнул оруженосца, как старый плащ: — Не смей говорить непонятно!

— Ты же всё равно не помёшь, — Гарав вернулся к адунайку. — Даже если я буду говорить на этом языке, рыцарь Эйно́р... Ты не видел, как он зарубил людей, не хотевших изменить присяге. Только за это. Какой чести он ждал? Я сделал то, что сделал. И рассказал тебе, и это правда — ты можешь поехать туда и послушать, как там воют по этой сволочи... И я рад тому, что сделал. Можешь меня высечь, отослать прочь, убить; наконец — опозорить своим словом на весь Север... Руэты больше нет. Как нет во мне раскаянья к содеянному.

— Ты сам умрёшь от стрелы, пущенной без чести, — сказал Эйно́р спокойно, даже отстранённо как — то, выпуская плечи оруженосца. — Уходи прочь и сделай так, чтобы я тебя не видел хотя бы этот день. Я ничему не научил тебя.

Гарав поправил одежду. Молча отсалютовал кулаком — к сердцу — вперёд — вверх. Чётко, непонятно повернулся — красиво так, пристукнув каблуками. И вышел.

— Ты неправ, Эйно́р... — сказал молчавший всё это время Фередир. И не опустил глаз, когда нуменорец обернулся к нему — с прежним бешенством. — Ты не прав, рыцарь Кардолана, — упрямо повторил Фередир, вставая. — Если и судить Гараву, то не тебе и не мне. Не нам, спасшимся ценой щедрого ломтя, отрезанного от его души.

— В благодарность я должен покрывать выстрел труса?! — огрызнулся Эйно́р. Но как — то неуверенно.

— И второй раз ты не прав, пророча ему такое, — продолжал Фередир. — Люди твоей крови должны следить за тем, что говорят в гневе. А Руэ́та был смел, но подл. И получил впрямь давно отмерянное судьбой; вот только передать свой дар она как — то не удосуживалась, пришлось послужить гонцом Гараву.

Фередир тоже отдал честь и вышел.

Эйно́р остался стоять посреди комнаты...

...Гарав Фередир отыскал за сараем, где тот сосредоточенно и деловито ломал арбалет. Несомненно, Волчонок слышал шаги друга, но глаз не поднял, кинжалом пытаясь расщепить удобный приклад.

— Он пожалеет о своих словах. Уже пожалел, — сказал Фередир. — Волчонок, слышишь?

— Да, — белая щепка окрасилась кровью из порезанного пальца. Фередир сел рядом, взял друга за руку и, дёрнув не глядя подорожник из — под ног, стал приматывать его вытащенной из кошеля на поясе полоской ткани. Гарав больше ничего не говорил, только кривился и кривился... Фередир потупился, чтобы не видеть слёз. И лишь изумился, снова вскинул голову, когда услышал, как Гарав сказал со смехом:

— Veria rokuennya... он так сказал тогда... я почти поверил, что это правда... а теперь он так меня ударил... — и неожиданно запел:

_ — _Разводит_огонь_в_очаге_каждый_свой_
_Каждый_смертный_под_кровом_своим..._
_И_четыре_ветра,_что_правят_землей,_

_Отовсюду_приносят_дым..._

— Гар!.. — ахнул Фередир. И умолк, потому что не узнавал голоса друга. Нет, спорить нечего, это, конечно, был голос Гарава... но как он пел!!!

_ — _То_по_холмам,_то_по_далям_морским,_
_То_в_изменчивых_небесах_
_Все_четыре_ветра_несут_ко_мне_дым_ — _
_Так,_что_слезы_стоят_в_глазах!_

_Так,_что_слезы_от_дыма_стоят_в_глазах,_
_Что_от_скорби_сердце_щемит..._
_Весть_о_прежних_днях,_о_былых_часах_
_Каждый_ветер_в_себе_таит..._

_Стоит_раз_любому_из_них_подуть_ — _
_Тут_же_весть_различу_я_в_нем._
_В_четырех_краях_пролегал_мой_путь_ — _
_И_езде_мне_был_кров_и_дом._

_И_езде_был_очаг_среди_ночей_сырых,_
_В_непогоду_езде_был_кров!_
_Я,_любя_и_ликуя_за_четверых,_
_Спел_им_песнь_четырёх_ветров!_

_И_могу_ль_с_беспристрастной_душой_судить,_
_В_чем_дому_огонь_горячей,_
_Если_мне_в_одних_довелось_гостить,_
_А_в_других_принимать_гостей?_

_И_могу_ли_любого_я_не_понять_ — _
_Скорбь_и_радость_в_его_очах_ — _
_Это_все_и_мне_пришлось_испытать,_
_Это_помнит_и_мой_очаг!_

_О,_четыре_ветра,_вас_нет_быстрее,_
_Вы_же_знаете_ — _я_не_лгу!_
_Донесите_ж_песнь_мою_до_друзей,_
_Пред_которыми_я_в_долгу!_

_Кто_меня_отогрел_среди_ночей_сырых,_
_В_непогоду_пустил_под_кров..._
_Я,_любя_и_ликуя_за_четверых,_
_Спел_им_песнь_четырёх_ветров... [\[12\]](#)

— Это... он? — Фередир часто дышал. — Это Мэглор... сделал?

Гарав кивнул.

— Наверное. Наверное, он мне всё — таки не приснился.

А потом оруженосцы увидели идущего к ним Эйнора. И встали — оба, плечом к плечу. Гарав уронил с колен уничтоженный арбалет.

Эйнор остановился в двух шагах от мальчишек. Вытащил меч — медленно, неспешно, длинно. Потом встал на колено и склонил голову, вонзив меч рядом и опершись на него рукой.

— Гарав, прости меня, — тихо сказал он. — Прости за то, что я сделал с тобой, Волчонок. И слова мои прости... если можешь.

Гарав часто заморгал. И глупо сказал:

— Ну чего ты...

— Прости, — Эйнор не поднимал лица.

— Ну чего... — Гарав стал поднимать рыцаря. — Эйнор... ну не надо так... ну ты на себя не похож... — он хлопнул носом и вдруг (Эйнор всё — таки встал) разревелся по — настоящему, навзрыд. И обхватил Эйнора сухо зашуршавшими кольчужными руками, громко всхлипывая и жалобно выплакивая полудетскую — полумужскую обиду и тяжёлый, долгий, неподъёмный даже для взрослого — страх: — Я так боялся... мне так страшно было... я совсем думал, что конец... а ты меня после всего так... как щенка под живот сапога — о — о — о — о — ом!..

Эйнор уронил меч (Фередир поймал неувловимым движением) и прижал к себе плачущего оруженосца.

— Прости меня, — снова повторил он надорванным голосом. Гарав готовно закивал, царапая нос о кольчугу под оплечьем Эйнора.

Фередир вздохнул. Подошёл и, не выпуская из руки Бара, обнял — на сколько хватило рук — своих друзей. И рыцаря, и младшего оруженосца...

...Арбалет Гарав взял с собой.

* * *

Левым берегом Буйной шла армия.

Не отряд — именно армия. Нет, в ней не было слитной чёткости римских легионов или греческих фаланг (почему — то Гарав именно это вспомнил — памятью Пашки). Она не двигалась, она скорей текла — текла десятками извивающихся ручейков, которые сближались, отдалялись, а иногда даже впадали друг в друга или разделялись вновь. Некоторые ручейки текли быстрее, некоторые медленней, некоторые — вообще еле ползли. Гарав различал чёрные отряды орков — составлявшие основную массу войска, они еле двигались, рассыпая вокруг себя точки отставших (солнце, хоть и вновь спрятанное за ползущими с севера тучами, явно «давило на голову» этим воякам). Различал искристо сверкающие сталью группы холмовиков — под тяжёлыми стягами кланов. Тут и там гарцевали группы всадников, но явно лёгких — вастаки. И только в двух местах Гарав различил ровно и быстро идущие длинные и почти ровные прямоугольники конных

панцырных сотен.

Видимо, гибель Руэты в этом движении уже не могла ничего остановить.

— Ё — бли — и — иннн... — процедил мальчишка, рефлекторно вцепляясь пальцами в камень. Он впервые видел тут настоящую армию. И неожиданно подумал — а что могут противопоставить этому его друзья? Сколько воинов стоит за Эйнором? Он напряг память, пытаясь вспомнить — какой была судьба Кардолана. Вот дурак же, ну что стоило взять у Олега Николаевича все книги Толкиена и прочитать!!!

— Они идут на Имладрис, — процедил Эйно́р, сползая вниз со скалы. Гарав и Фереди́р прыгнули рядом. — Не на Зимру. Вообще не на нас. Проклятье! Мастер Элронд ничего не знает... Идут через Рудаур, как у себя дома — наверняка к мосту через Буйную. Такая орава собьёт стражу с ходу...

— В Имладрисе знают, наверное, — неуверенно сказал Фереди́р. — Мастер Элронд видит всё...

— Король — Чародей умён и силен, — Эйно́р вытер лицо ладонью, словно липкую маску с себя стягивал. — А Элронд смотрит сейчас не сюда, дел хватает на Востоке...

— Их не меньше двадцати тысяч, — Гарав соскочил сверху. — Это только те, которых видно и можно прикинуть на глаз... А сколько воинов в Раздоле?

— Тысячи три тысячи, не больше, — ответил Эйно́р зло. — Конечно, они не чета не то что оркам, но и холмовикам. Но если удастся напасть внезапно...

— Так какого чёрта мы тут сидим? — грубо спросил Гарав. — Надо скакать в Раздол и предупредить эльфов. Я с самого начала так хотел!

— Боюсь, что их передовые отряды уже почти у моста, — покачал головой Эйно́р и оглянулся на реку. — Надо плыть.

— Эйно́р! — выкрикнул Фереди́р, вытягивая руку. — Они нас заметили! Вон же! Скачут сюда!

— Проклятье... — рыцарь побелел. — Скорей, щенки!!!

Глава 4, в которой оживает одна детская сказка

Когда Хсан с маху рухнул наземь, Гарав успел выдернуть ноги из стремян и, пробежав вперёд с десятков шагов, даже остался на ногах. Крутнулся на месте, бегом вернулся к хрипящему и стонущему коню, который пытался подняться на ноги.

— Ну что же ты?! Ну вставай! — мальчишка перекошил лицо, ударил коня под нижнюю челюсть кулаком. — Ну вставай! Вставай, скотина! — Хсан жалобно и протяжно заржал. — Вста — ва — а — ай! — закричал Гарав, рывками за узду пытаюсь поднять коня. В глазах Хсана была мука и мольба: «Ну ты же видишь, хозяин, я не могу — я правда не могу! Дай мне отдохнуть, пощади меня, пожалей...» — Что же ты?! — Гарав обнял шею коня, падая рядом с ним на колени. — Прости... прости меня... Но как же мы теперь... Не везёт мне с конями... а может — им со мной.

Подскакали Эйно́р и Фере́дир. Фион шёл достаточно ровно, а вот Азар шатался и закидывал голову, хрипя. Ясно было, что и он сейчас рухнет. Фере́дир соскочил наземь — Азар благодарно прохрипел что — то — и прижал к груди голову коня, с состраданием глядя на друга.

— Он больше не может, — страдальчески кривя лицо, поднял Гарав голову. — Эйно́р...

— Я вижу, — рыцарь покачал головой и оглянулся. Фере́дир глухо сказал:

— Азар тоже не протянет долго...

— Я могу сделать так, что они будут скакать ещё часов пять галопом, — Эйно́р потрепал уши Фиона. — Но потом... — он не договорил и покачал головой.

— Нет, — покачал головой Фере́дир.

Гарав встал, отряхнул колени от пыли. Вдохнул:

— Нет. Мы останемся, а ты скачи в Раздол. Мы их задержим, место удобное.

— Бросить вас? — на скулах Эйно́ра вспухли желваки. Фере́дир проворчал:

— Ерунда. Всё верно, мы их задержим.

Эйно́р в бешенстве прогарцевал несколько шагов в сторону. Сжал шенкеля.

— Гарав, ты из нас самый лёгкий и самый худший боец, — сказал он. — Скачи на Фионе ты.

Мальчишка поднял голову (он снова опустился на одно колено и поглаживал голову коня, касаясь губами то надглазьев, то храпа). Медленно и горько усмехнулся:

— Мне и так бывает тяжело жить после того, что я сделал в Карн Думе, — прошептал он. — Зачем ты хочешь сделать меня дважды предателем, рыцарь Эйно́р?

— Фере́дир! — Эйно́р крутнулся в седле. — Ты...

— ...я измучен пытками и вообще обязан тебя слушаться, — закончил за рыцаря Фере́дир и снял с коня лук. — Но я уж ослушаюсь тебя в этот раз, Эйно́р сын Иолфа. Счастья тебе.

— Я вернусь, — Эйно́р отъехал ещё на десятков шагов. Вскинул руку. — Я вернусь!

— Скачи! — поднял ладонь Гарав. Фере́дир просто помахал рукой. В глазах его стояли слёзы.

Фион понёсся прочь...

— Давай их расседлаем и вообще, — предложил Гарав, как будто ничего особенного не произошло. — Пусть гуляют.

— Давай, — кивнул Фередир. — Смотри, вон там дерево хорошо стоит. Давай быстро, а потом повалим его на дорогу.

Мальчишки освободили коней, отнесли в кусты сумы, вообще всё лишнее. Подсекли, работая по очереди, дерево — оно точно рухнуло поперёк тропы. Криками и хлопками кое — как заставили подняться Хсана — и свистом отогнали обоих коней прочь. Те побрели и скоро скрылись за деревьями.

— Во — от, — Гарав мазнул по глазам ладонью. — Ну...

— Идут, — обыденно — спокойно сказал Фередир.

Гарав оглянулся. И увидел маленькие, но чёткие фигурки — всадники шли галопом на противоположной стороне долины.

Три. Семь. Десять. Пятнадцать. Двадцать. Двадцать две...

Двадцать два всадника.

Они исчезли в низине. И это значило, что вот — вот появятся здесь, на тропе.

— Угу, — Гарав взвёл арбалет, положил на дерево. — Раза два успею выстрелить, — он смерил взглядом расстояние от того места, где тропа выходила на подъём. — Если не остановятся.

— Не остановятся, — хмыкнул Фередир, натягивая лук. — Злы сильно.

Без особой спешки мальчишки помогли друг другу с доспехами. И — «как украли» время.

Первые трое всадников вылетели галопом на тропу. Почти один за другим. Наверное, они не ожидали, что их ждут. Яркие рукава и подолы подроспешных рубах трепыхались под ветром бешеной скачки.

Фередир успел выстрелить один раз до выстрела Гарава и дважды — после. Первая его стрела вошла точнёхонько в горло скакавшему впереди — конечно, Фередир не был таким мастером лука, как северяне или тем более эльфы, но с разделявшего стоящих за деревом мальчишек и всадников расстояния стрела длиной в ярд прошибла кольчужный шарф и расколола позвоночник. Холмовик вылетел из седла мёртвый и тяжело грохнулся на обочину, конь скакнул влево и принял боком вторую стрелу Фередира, с визгом взбрыкнул и шарахнулся в сторону, в подлесок обочь тропы. Третья стрела Фередира чиркнула по шлему скакавшего последним — второй в это время тоже валялся уже на земле — болт Гарава вошёл ему точно между глаз, пробив налобник, как тонкую деревяшку. Гарав издал удовлетворённый урчащий звук — не от точности попадания, а от того, что сбылась надежда, о которой он не говорил: уцелевший холмовик соскочил с коня и закрылся овальным щитом, присел. Можно научить человека ездить верхом. Но конным воином он от этого не станет. И на лошадь будет смотреть только как на транспорт.

Ага. Холмовик что — то прокричал своим. Гарав, натягивая арбалет, спросил Фередира: — Что он орёт?

— Что тут лучники и чтобы не совались верхом, — Фередир засмеялся. — Вот глупцы... — он прокричал: — Alla yam ist loyta!

— Что ты им сказал? — поинтересовался Гарав, устраиваясь удобней.

— Что они все дураки, — хмыкнул Фередир. — Конными они бы смяли нас даже за этим бревном. И потеряли бы ещё двоих, ну — троих от стрел, да и то если совсем глупые. И всё. А теперь.... — он махнул рукой.

— Теперь они будут подбираться к нам по лесу... ой! — Гарав отклонился в сторону, гудящий в полёте топор со смачным «счак» вонзился в дерево шагах в пяти позади. —

Ничего себе бросок!

— Вниз! — Фередир присел, выставляя щит, и второй топор едва не свалил его с ног, врубившись в верхний край. Третий грохнул в центр щита Гарава, отлетел с визгом от умбона, четвёртый врезался в поваленное дерево — едва ли не на пол — полотно. Следующий холмовик бросить топор не успел — Гарав вогнал болт ему в грудину как раз на замахе, и воин косо рухнул на обочину. По кустам яростно взвыли, понеслась ругань.

— Обещают разорвать нас конями, что живых, что мёртвых, — сообщил Фередир. Гарав передёрнул плечами, натягивая арбалет. Думать о том, что такое сделают даже с мёртвым его телом, было противно. Но — не страшно.

— Их осталось девятнадцать, — вслух сказал он. Фередир бросил пару стрел навесом по кустам, тоже выругался и покачал головой:

— Нет, больше не буду тратить.

Вообще — то по сторонам мальчишек было свободное место, а сзади — вообще тропа. Но слева и справа открыты были ярдов по пять, не больше. Один хороший бросок для любого, кто подползёт кустами. Оставалось надеяться, что кольчужному воину сделать это бесшумно просто не под силу. Гарав и Фередир вслушивались из всех сил. По сторонам пока что было тихо. Спереди, правда, тоже — больше не ругались и ни разу не предложили сдаться. Топоры тоже не кидали...

— Ага, — выдохнул Фередир.

Появились шестеро — три щита в ряд, ещё три — как крыша над головами второго ряда, причём с сильным скосом. Фередир выпустил стрелу навесом и выругался — она отскочила от щита, вырвав клочок кожи из обтяжки. «Мини — черепаха», как подумал Гарав по — русски, перешла на бег.

Гарав выстрелил в среднего — над верхним краем щита. Болт, ударивший в левый глаз, швырнул воина на бежавшего следом; открывшемуся слева стрела Фередира вошла в горло, вторая — в бок третьему. Мальчишки, не стреляя, наблюдали, как один из уцелевших подхватил раненого в бок, и они, прикрываемые щитами пятого и шестого, поспешили обратно. На тропинке остались два трупа.

— Чего ещё не стрелял? — усмехнулся Гарав. Фередир улыбнулся — наносье разделило улыбку надвое:

— А ты? Они — то нас не пожалеют!

— А я не они.

— Ну и я... — Фередир поправил оплечье. — Шестнадцать... — он явно ещё хотел что — то сказать, но промолчал. Однако, Гарав договорил за друга: «Может, продержимся?» И честно ответил себе: нет. Едва ли. Даже если Эйно́р доскачет — и тут же обратно с десятком эльфов... он будет тут часа через три, не раньше. Три часа... Три урока с переменами в школе. Может, и правда?..

С того конца тропинки прилетело копье — метательное. Пустяшное дело, Фередир поймал его и отправил обратно — не докинул. На той стороне засмеялись и что — то спросили. Фередир засмеялся и ответил. Перевёл Гараву:

— Они говорят, чем я кидал — ногой? Я ответил, что обмотал концом и кинул.

Гарав хихикнул, представив себе эту картину. С того конца опять закричали, и Фередир весело перевёл:

— Говорят, что мне они мёртвому вырвут язык, чтобы не поганил их речь. А того, кто так метко стреляет из оружия трусов — это они тебя — постараются взять живым и

подольше сохранить тебе жизнь. Так что лучше тебе к ним живым не попадать.

— Я и не собираюсь, — удивился Гарав. — А на их месте я бы сделал... — он примолк, кинув взгляд на тропинку. — Ну, примерно это и сделал бы.

— Проклятье, — буркнул Фередир и пустил стрелу, растянув тетиву до уха.

Стрела пробила движущуюся по тропинке здоровенную грубую плетёнку. Но за нею, потеряв силу, явно стукнулась в щит. Послышался смех, плетёнка поползла быстрее. Гарав выстрелил из арбалета — эффект был явно тот же.

— Ну, всё, кажется, — обыденно сказал он, аккуратно откладывая арбалет и беря на руку щит. — Эйнора им теперь не догнать.

Мальчишки обнажили мечи и стукнулись плечами, как научил Феремира Гарав — а потом оба рассмеялись. Фередир стал негромко напевать:

_ — Их было так мало еще до рождения._
_ Один нес на крыльях сияние неба._
_ Другой обрастал серебристою шерстью,_
_ А третий ел плоть и кровь вместо хлеба._

_ Но встал между ними один из многих_
_ На сбитой когтями желтой дороге._
_ И тихо сказал «уйдем»_
_ Мальчик с деревянным мечом._

_ Их было так трудно собрать воедино._
_ Один прятал сердце и теплые слезы,_
_ Другой замерзал белоснежною льдиной,_
_ А третий царапался дикою розой._

_ Но мягко светился меч деревянный,_
_ И таяли души немногих упрямых._
_ И тихо шептал «Пойдем»_
_ Мальчик с деревянным мечом. [\[13\]](#)

— Хорошая песня, — одобрил Гарав, перемахивая бревно. — А вот и мы, кто тут назвал меня трусом?!

Холмовики посыпали из — за уже ненужной плетёнки — влево — вправо, угрожающе выкрикивая что — то — видимо, боевой клич своего клана. Мальчишки немедленно прыгнули спина к спине — с одного бока их защищало бревно, и на круг на них могло толком напасть — так, чтобы не мешать друг другу — не более трёх человек. Вопрос был только в одном — противники могли меняться и выходить из боя при малейшей опасности — ранении или усталости. Они и не особо совались, только довольно умело заставляли мальчишек непрерывно взмахивать мечами. И явно стремились ранить обоих, чтобы потом захватить. Скорее всего, холмовики уже поняли, что упустили третьего воина и теперь — прежде чем вернуться навстречу неизбежному гневу Руэты (и не только его, что и было страшнее всего...) — собирались сорвать зло на взятых в плен оруженосцах.

А ведь хана, подумал Гарав. В какой — то момент я просто не успею вовремя шевельнуть рукой. Он старался принимать удары на щит, не шевеля им, а левую руку опускал — дать отдых. Но в такой момент кто — нибудь обязательно начинал лезть сбоку, угрожая клинком...

Леворукость помогла Гараву. Сменивший отшагнувшего — отдохнуть — товарища боец то ли не видел того, что Гарав левша, то ли не успел к этому приноровиться, и меч мальчишки вспорол штанину и ногу холмовика — под нижним краем щита, левую. Холмовик ахнул, пригнулся — и Гарав достал его в открытое горло (этому кольчужный шарф был явно не по карману). Тот хлюпнул, выплюнул кровь (из шеи тоже фыркнул фонтанчик), на неверных ногах попятился и завалился перед своими товарищами, дёргаясь — а Гарав разрубил ещё одному запястье, а другому — щёку; одновременно с этим, пользуясь сумятицей, Фередир сильным колющим ударом прорвал кольчугу на своём противнике и выпустил ему кишки.

— Ага, вашу мать! — заорал Гарав по — русски. — Четырнадцать осталось!

Правильней сказать, осталась всего дюжина — раненые Гаравом вышли из строя. Но и этого вполне хватало. Тем более, что холмовики отошли — и... начали метать дротики. Гарав ощущал удары в щит и слышал, как ругается Фередир. Что такое дротик? Буханка хлеба. А если их пять? Уже вес... Мальчишка попытался отрубить древки — и тоже выругался — матом, в три колена. Как у римских пилумов и франкских ангонов, стальной маленький наконечник дротика венчал собой стержень из мягкого железа. Он и раньше это видел, но не придавал значения... Под ударами меча стержни гнулись — и не более того.

— С — с — с — с — с... — Гарав яростно швырнул щит в холмовиков и выхватил правой рукой кинжал. Шевельнул лопатками — и ощутил ответное движение Фередира. Он тоже отшвырнул свой щит — ещё раньше.

— Прощай, Гарав, — сказал Фередир. — Ты был хорошим другом.

— Прощай, Фередир, — ответил Гарав. — Прости меня.

Холмовики стали приближаться, выставив мечи.

— Дагор, Кардолан! — прокричал Фередир. И Гарав поддержал его дерзко:

— Дагор, Кардолан! В топку Ангмар!!! В Бобруйск вашего Короля!!!

Стрела — не такая, как у Фередира, короче и оперённая по двум сторонам белым — словно бы выросла в глазу у одного из них. Холмовик рухнул на спину. Остальные замерли... и тут же под высокий и непонятный боевой клич стрелы посыпались на воинов градом.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Они летели из чащи — с обеих сторон, лёгкие, с костяными наконечниками, явно охотничьи. Неспособные пробить кольчугу или щит, стрелы тем не менее засыпали холмовиков. Ещё двое упали замертво, трое или четверо с проклятиями вырывали стрелы из тела. Наконец, прикрываясь щитами и оттаскивая раненых, холмовики бросились бежать к лошадям!!! Стрелы летели им вслед, пока воины не скрылись на склоне — а через несколько секунд послышался слитный топот конских копыт.

— Что... это?.. — Гарав только теперь ощутил, как устал и взмок от пота. Мальчишка едва держался на ногах, сил не хватало даже стащить шлем. Да и потом... кто стрелял — то?! — Фере... дир?..

— Не... зна... ю... — кардоланец тоже задыхался от усталости. Оруженосцы озирались, не в силах даже осознать, что спасены.

А из чащи стали один за другим появляться...

— Блин! — Гарав уронил руки. — Это же...

— Банакили! — изумлённо вскрикнул Фередир. — Настоящие банакили из легенд!

— Бана... — Гарав во все глаза смотрел на опасливо приближающихся существ. Похожие на людей сложением, но низенькие, максимум метра по полтора, в свободной зелёной одежде, с луками, колчанами и ножами на поясах... босые — с ногами, покрытыми густой шёрсткой. — Бана... кто?! Это же хоббиты обычные! Ой ёлки мама!!!

— Банакили! — Фередир засмеялся совсем как маленький ребёнок, увидевший воплощение сказки. — Говорят, они жили по ту сторону Мглистых Гор рядом с народом моей матери, ловили рыбу и охотились — а мы водили коней и пахали землю. Вроде как даже торговали с ними... — мальчишки разговаривали, словно обсуждая картинку, а не реальность (которая, остановившись поодаль, переговаривалась на полупонятном языке). — А! При дворе говорили, что они вроде бы вот уже как век перебираются по эту сторону гор, даже живут в Пригорье кое — где, но я сам не видел и не верил, думал — они просто сказка!!!

— Они нас спасли, выходит — они за нас, — рассудительно сказал Гарав и неожиданно засмеялся тоже. — Вот чёрт, как с картинок в книжке!

— Перестань говорить по — своему, я не понимаю, — сердито сказал Фередир. Но тут же добавил по — русски: — Ёе понимайу! — и засмеялся ещё веселей.

Хоббиты между тем переглядывались, переговаривались, опустили луки, и кое — кто тоже начал улыбаться. Потом один из них — рыжеватый, с обручем на волосах — сказал на вполне понятном адунайке:

— Тарки служат князю — эльфу из Раздола? Тарки служат князю — человеку из Форноста?

— Мы служим князю людей из Зимры, — Фередир стащил шлем. Гарав последовал его примеру. У хоббитов это вызвало оживлённые переговоры — и всё тот же, с обручем, спросил:

— Тарки не друзья Чародею из Карн Дума?

— Ну нет, мы его враги, — проворчал Фередир.

— Тарки дети, — сочувственно и осуждающе сказал хоббит. — Зачем бьются дети? Где взрослые тарки?

— Мы воины! — возмутился Фередир. — А вы недомерки!!! Вас вообще не бывает!!!

— Тихо, тихо! — Гарав остановил друга движением руки и поклонился: — Прошу простить моего друга, он горяч и вспыльчив... Мы благодарны вам за спасение, пришедшее так вовремя... Я — Гарав, мой друг — Фередир сын Фаэла. Мы воины и враги Карн Дума. Наш старший ускакал в Раздол с вестями, а мы остались выполнять свой долг — и нам бы это едва ли удалось без вашей своевременной и умелой помощи... Признательны вам, — он снова поклонился. То, что хоббиты — учтивый народ — сильно запало в память и вот — пригодилось...

— Меня зови — Роримак сын Лонго, мой народ — бельчуки, — хоббит в ответ тоже поклонился — с явным удовольствием. Остальные одобрительно примолкли. — Мы оттуда, — он указал на восток. — Там жить нельзя. Мы пришли сюда. Дальше идут ещё кудук. Князь — эльф в Раздоле сказал — тут хватит земли. Он сказал — тут тоже война. Но нам некуда обратно. Мы решили быть тут. И мы рады помочь таркам против Чародея, — Роримак снова отвесил поклон. — Мы плохо воюем. Но хорошо стреляем из луков.

— Это мы заметили... — пробормотал Фередир.

Глава 5, в которой кругом одни эльфы!!!

Эйно́р обогнал остальное отря́д на пол — лиги, не меньше.

Он вылетел на тропку из — под холма, бешено колотя коня шпорами. Фион шёл диким карьером, километров семьдесят в час прикинул Гарав. И, когда Эйно́р, чтобы не затоптать хоббитов, осадил его — конь почти упал.

— Вы живы, — Эйно́р соскочил назе́мь. — Вы живы, и это хорошо, — голос его был спокойным. На хоббитов он сперва особого внимания не обратил. Так же спокойно повторил: — Вы живы.

— Живы, благодаря своевременной и неоценимой помощи наших новых друзей и добрых подданных князя, — Гарав показал вокруг рукой. Фереди́р громко фыркнул — «детей» персонажам своих детских сказок он не простил.

Эйно́р отвесил хоббитам общий поклон:

— Я слышал о вашем переселении, — сказал он. — Боюсь только, что не очень — то удачное время вы выбрали. В эти края идёт война.

— Мы не боимся, — покачал головой Рори́мак, и остальные поддержали его сдержанным шумом. — За нашими спинами худшая война. Мы спрячем детей и женщин в таких местах, куда не пролезут глупые лю... хм, враги князя. А сами пойдём служить проводниками и следопытами. Это теперь и наша земля.

Гарав покачал головой. Судя по Толкиену, хоббиты имели воинственность примерно равную воинственности хомячка. То ли их сидячая жизнь так изменила, то ли Толкиен что — то не то написал — но эти хоббиты выглядели если и не воинами, то людь... существами, вполне способными постоять за себя.

— Пусть будет так, — наклонил голову Эйно́р, и в этом жесте было уважение. — Но всё — таки будьте осторожны. Сюда идут и орки. Они беспощадны.

Хоббиты снова зашумели, но и на этот раз в шуме не было страха — только сдержанный гнев.

— Мы не боимся, — повторил Рори́мак. — Мы можем проводить вас до переправы через реку, за которой живёт князь — эльф.

— В этом нет нужды, храбрый Рори́мак, — улыбнулся Эйно́р. — Сюда скачут воины князя. Вам же надо спешить к своим семьям. Может быть, мы ещё увидимся — в лучшие дни.

— Мы увидимся в лучшие дни, — со спокойной уверенностью и удивительным достоинством ответил хоббит. — Солнце может зайти за тучу или уступить ночи. Но оно всегда есть. Всегда всходит. Удачи вам, тарки.

И по его сигналу хоббиты словно бы растаяли среди кустов и деревьев, оставив конскую сбрую и вещи людей — их они взялись нести сами, не слушая отказов. Люди проводили их взглядами.

— Вы живы, — повторил Эйно́р. — Я скакал, чтобы найти ваши тела, оруженосцы. И скакал бы дальше... по следам убийц. И я...

— Не надо слов, командир, — грубо сказал Гарав. И вздохнул. Фереди́р тоже испустил глубокий вздох и признался:

— Но я думал, что с нами покончено... Ты предупредил?

— Да, — Эйно́р кивнул. — Там не знали. Представляете — и правда не знали! — он покачал головой. — Следят за востоком, а на западе надеются на нас. Боюсь, что Глорфиндэйл напрасно обещал нам помощь — у них хватит своих забот. Не подвёл бы Кирдэн...

— Ну, их надежды оправдались, разве нет? — рассудительно спросил Фередир. А Гарав вскрикнул:

— Скачут!..

...Увидев эльфийских воинов, Пашка — именно Пашка — поразился. Он почему — то представлял их себе легко вооружёнными и снаряжёнными — ну, в кольчугах, в открытых шлемах... мечи — копья и щиты. И всё. А то, что он увидел, даже больше напоминало средневековых рыцарей, чем Эйно́р.

Эльфов было десята два. Всадники скакали рысью, плавной иноходью, на рослых лошадях — хотя и тонконогих, но явно очень сильных, несущих не только всадников, но и кольчужные фартуки, металлические маски и тоже нелёгонькие вальтрапы из плотной ткани. На конях не было уздечек, но были сёдла со стремянами и высокой задней лукой в виде буквы Т — очевидно, для максимально плотной посадки в бою. И сами воины казались цельнометаллическими статуями — необычным, колдовским образом оживлёнными и очень гибкими. Гарав не мог углядеть ни одного открытого участка тела — кроме углов губ. Даже глаза прятались где — то в глубине миндалевидных глазниц, обрамлённых выпуклыми дугами наглазников. Все сочленения пластин прикрывала двойная кольчужная сетка. Небольшие треугольные щиты явно были металлическими полностью. В правой руке каждый эльф держал копье — не пику, а именно копье — с «ушастым» наконечником. На левом бедре у каждого висел длинный меч. Доспехи — от щитка для ступни до верха шлема — покрывала узорчатая гравировка. Елки зелёные, ошеломлённо подумал уже Гарав, хотя и словами Пашки, да такого даже если с коня сшибёшь и оглушишь — ещё сто раз голову сломаешь, как убить, куда ткнуть!

— Смотри, наши кони! — Фередир засмеялся, указывая на гордо скачущих в середине строя Азара и Хсана. Вид своего коня превозмог даже неприязнь к эльфам, сначала чётко отразившуюся на лице мальчишки.

Эльфы, ловко рассыпавшись на два потока, обошли стоящих на тропке людей и выстроились в тройной ряд за ними. Лишь один — следом за его конём побежали Азар и Хсан — подскакал к кардоланцам и, соскочив наземь, снял шлем, украшенный высоким двойным гребнем в виде полос травы и цветов. Гарав поразилось, как бесшумно и легко двигался эльф, закованный в металл.

— Привет отважным воинам, — весело сказал эльф. У него были пепельные волосы, рухнувшие из — под шлема волной, серые глаза с искрами золота и широкая улыбка. — Я вижу, в нашей помощи тут не нуждаются. Но мы по крайней мере привели лошадей и можем достойно сопроводить вас в Раздол... если, конечно, вы не откажетесь. Я Фарон из дома Элронда, сотник тяжёлой конницы Имладриса.

Эйно́р представил своих оруженосцев, почтительно склонивших головы. Фарон ответил таким же почтительным кивком и заметил:

— Я вижу, вы побывали в бою. И ещё я чувствую, что у тебя, Гарав Ульфойл, — он поклонился уже отдельно Гараву, — болит плечо — разошлась недавняя рана. Ты можешь потерпеть, или мне посмотреть её сейчас?

Гарав и правда ощущал, что шов от сабли вастака разошёлся. Правда, болело оно не так

уж и сильно — наверное, гномье снадобье всё — таки помогло.

— Я потерплю, — коротко (от смущения) ответил он. И, чтобы не показаться невежливым, добавил: — Но я от всей души благодарю тебя за заботу, сотник Фарон. Elen sila lumenn' omentielvo.

Лицо эльфа стало вдруг смущённым, и он развёл металлическими руками:

— Увы, оруженосец... я не знаю древнего языка дома Элронда.

* * *

Ехать с эльфами было приятно. Именно приятно. И весело. Они оказались вовсе не «царственными» или «надменными»; узнав, что схватки не будет, все поснимали шлемы, и большинство выглядело совсем молодыми весёлыми парнями. Эльфы перебрасывались шуточками (только на адунайке, как заметил Гарав), и даже Фередир, зыркавший по сторонам, немного оттаял. А Гарав наоборт смутился и помалкивал. Только когда проехали с лигу, он негромко обратился к Эйнору:

— Я бы не отказался от таких доспехов, как у них.

Эйнор обернулся в седле:

— Эльфийские доспехи не годятся человеку. Они весят больше ста фунтов... Эльфы намного сильнее людей. Пожалуй, и мои предки из Нуменора не смогли бы носить такое... Даже зелёные эльфы сильнее, не то что синдары, о нолдорах и вообще разговор не идёт.

— Насколько сильнее? — слегка оскорбённо спросил Гарав. Эйнор пожал плечами:

— Не знаю. В два, может — в три раза... Но что ещё важнее — они в десять раз выносливее нас. Эти доспехи из защиты превратятся для человека — даже очень сильного — в гроб. А теперь представь себе, что к таким доспехам — воинский опыт, накопленный за столетия, а у некоторых — за тысячелетия боёв.

— Мда... — Гарав и правда себе это представил. А Эйнор продолжал, глядя на озадаченного мальчишку:

— Поэтому каждый эльф в бою — ходячая смерть для врагов. Были случаи, когда люди одолевали эльфов в поединках. Но это были либо редкие богатыри, либо им просто везло.

— Tirin! [\[14\]](#) — выкрикнул скакавший первым эльф. — Imladris!

...Гарав был удивлён и... разочарован, если честно. Он ожидал увидеть смесь крепости и великолепнейшего дворца — ну, что — то вроде более красивого и утончённого Форноста. А увидел...

С высоких Мглистых гор — они росли на горизонте все последние дни — сбегала река, берега которой тонули в зелени — река то разливалась и становилась спокойной, то — там, где её стискивали скалы — вспенивалась и начинала бурлить. А на берегу реки — за каменной стеной, да, но невысокой, даже какой — то несерьёзной — поднимались острая крыша большого дома и высокие башни, но явно не боевые, а просто... ну, просто башни, так подумал Гарав. Тут и там вокруг этого поместья — именно такое слово пришло в голову Гараву — виднелись домики — хуторки. Ну и фигурки эльфов тут и там тоже были видны.

— О чёрт, — вырвалось у Гаравы. — Да это же ангмарцам на полчаса работы.

— Думаешь? — усмехнулся Эйнор.

— Ну я понимаю, — Гарав огляделся. Эльфийские всадники, перекликаясь и даже распевая, скатывались рысью по вымощенной красным камнем дороге к мосту, словно и

забыв про людей. — Ну да, они воины. Но ты ж сам видел, какое там войско! И это мы ведь ещё не всех рассмотрели...

— Князь Элронд хозяин этих мест, — сказал Фередир, подъезжая (он чуть приотстал). — Если он захочет...

— Не надо говорить о том, что он захочет и чего он не захочет, — резко оборвал оруженосца Эйно́р. — Не нам об этом судить... Но, Гарав, Фередир прав. Это место защищено куда лучше, чем ты думаешь и чем это может показаться с первого взгляда.

— Что же вы остановились, друзья? — весело спросил вернувшийся к людям Фарон и взмахнул рукой: — Добро пожаловать в Имладрис, дом мастера Элронда, именуемый так же Последней Приветной Обителью!

Гарав поймал себя на том, что улыбается. Этот дом разные люди могли называть по — разному. Для него же это было местом, где жила Мэлет.

«Мэлет, я пришёл», — подумал он. И в этот миг, как ни дико, был благодарен Ангмару, чья воля двинула войска на Имладрис — и заставила Эйно́ра изменить пути на юг.

* * *

Вблизи Гарав несколько примирился с действительностью. Во — первых, оказалось, что дом Элронда обладает каким — то странным свойством — он словно бы был изнутри больше, чем снаружи. Во всяком случае, Гарав почти мгновенно запутался, пока они следовали за проводником — эльфом — поставив коней на конюшню и волоча вещи (волочили Фередир и Гарав). Переходы выводили в какие — то залы, где одной стеной служил водопад... или на тропинки в рощицах, внезапно превращавшиеся в отделанные камнем светлые коридоры с окнами в форме цветочных бутонов... или на террасы, над которыми склонялись лиственные каскады ив, а где — то под ногами журчала вода... или в комнаты, прямо через которые протекали ручьи... Фередир вертел головой, всякий раз вздрагивая, когда навстречу попадались эльфы. Сколько их было — Гарав не взялся бы объяснить (он с трудом держал закрытым рот), потому что они казались такой же частью этого места, как водопад — частью зала. Сперва — то он сразу же хотел спросить про Мэлет... но через минуту бессовестно про неё забыл, поражённый тем, как можно построить дом, не разрушая то, среди чего он стоит — природу. Для человека это было бы непостижимо.

Наконец эльф — провожатый предложил оставить вещи, сказав, что комнаты для гостей — вот они, рядом, и вещи доставят по назначению и сложат аккуратно... а вон там — воон там, видите? — там можно помыться. Мальчишки охотно поставили сумки — и все трое начали вылезать из доспехов. Эльф, терпеливо ждавший, поинтересовался, как у Гарав плечо и предупредил, что сразу после купания можно будет показать его лекарю. Гарав поблагодарил... и хотел было спросить о Мэлет — но внезапно смутился и промолчал. Вместо этого он осторожно подвыдвинул Садрон из ножен и погладил клинок. Наверное, в мире Пашки это показалось бы смешным.

Но тут был другой мир. Лучше.

«Я так подумал?!» — поразился Гарав. И сказал эльфу:

— Будь с ним повежливей, хорошо?

— Конечно, — серьёзно ответил эльф...

... — Нам сюда, — подтолкнул Эйно́р оруженосцев в спины, когда эльф с ещё одним появившимся товарищем легко унесли и одежду, и доспехи — и все трое прошли вперёд и свернули за колоннаду. Колонны в виде дубов были сделаны из полированного гранита — алого с ветвистыми черными прожилками, и Гарав передёрнул плечами — вспомнил вдруг тот сосновый бор на границе Ангмара и Рудаура, через который их гнали весной.

За колоннами в большом квадратном бассейне — шагов по десять каждая сторона — мягко побулькивала и плыла паром вода. Со всех четырёх сторон спускались в воду широкие ступени из чёрного мрамора. По углам из сифонов в виде драконьих голов текли струи — две холодных, послабей, две горячих, посильней. Вдоль стен помещения шли скамьи — тоже каменные, чёрные. Неуютные, подумал мальчишка и вспомнил деревянные, тёплые и даже мягкие на вид полки в русских банях. Интересно, можно будет как — нибудь тут построить такую?

— Фух, вода, — выдохнул Гарав и стал поспешно раздеваться, бросая одежду на скамью (а она оказалась тёплой!) — Ну наконец — то!

Сперва он хотел прыгнуть в воду, но потом вдруг понял, что не хочется. Совсем. Хотелось тишины и покоя. Мельком посмотрев на плечо (рана хоть и разошлась, но — наверное, из — за бальзама — поджила и не кровоточила, а вот шрам теперь обещал быть некрасивым, широким и глубоким), мальчишка вошёл в горячую воду по ступенькам — по грудь, в бассейне так и было — по грудь. Потом чуть вернулся и сел на лестницу — так, чтобы вода доходила до горла. И даже застонал от наслаждения — громко, с подвывом. Фередир его поддержал, а Эйно́р рассмеялся и поплыл по кругу.

_ Помогу тебе по силам,_
_ Только пользуйся — ка мылом..._
_ Да не жри, а мойся им!_
_ Ну, в дорогу! Что стоим?!_

— проговорил Гарав, растягиваясь на ступеньках удобнее.

— Это что? — заинтересовался Фередир, усаживаясь рядом, вытягиваясь и давая телу подвсплыть. Пошевелил ногами.

— А, не знаю, — пожал плечами Гарав и хотел сделать то же, но сидеть так было очень уютно, и он остался неподвижным. Эйно́р между тем, фыркая, выбрался на один из драконоголовых сифонов с холодной водой и устроился там, свесив ноги и отжимая волосы. — Может, стихи какие будут, а может — так останется...[96 — Строки на самом деле из одного из стихотворений П.Зубкова.]

— А петь ты стал здорово, — вспомнил Фередир. — Даже завидно, — признался он после недолгой паузы. — Может, подашься в барды?

Гарав несколько секунд всерьёз обдумывал эту возможность. Потом помотал головой:

— Нет, я рыцарем буду. Если силы найду отсюда выбраться. Из бассейна, в смысле.

Эйно́р между тем переместился поближе к горячей воде и тщательно промывал волосы — именно с мылом. Оруженосцы непочтительно захихикали.

— Эйно́р, а что, мыло невкусное? — невинно осведомился Гарав. Он потянулся, зевнул широко — и тут же кусок мыла, приятно пахнувший фиалками, угодил оруженосцу точно в рот. Гарав возмущённо плюнул — мыло рыбкой ушло на глубину. Фередир хохотал, колотя

ногами по воде.

— Ныряй, — невозмутимо сообщил Эйно́р, начиная смывать с волос синеватую пенную шапку.

— Да пожалуйста, — Гарав лениво сполз со ступеней, перевернулся и ловко ушёл на дно, где и разлёгся, пуская пузыри.

— Подумаешь, — сказал Фередир, когда Гара́ы вынырнул через минуту с лишним, держа в руке мыло. — Я могу вдвое больше под водой быть. Дай мыло...

...Эйно́ру пришлось вытаскивать раскисших оруженосцев из бассейна силой. Мальчишки никуда не хотели идти, еле разлепляли глаза и откровенно ныли: Гарав погромче и с претензией, Фередир потише и за компанию.

Эльфы как — то незаметно унесли кожаную подроспешную одежду и даже нижние рубашки и штаны (Гарав обнаружил, что утащили и его трусы — здорово обветшавшие) и оставили свою — узкие серые штаны, лёгкие туфли, тонкие нижние рубашки — тоже серые — и чёрные с золотом верхние туники со вшитыми поясами. Всё было абсолютно впору, хотя — как эльфы этого добились, осталось непонятным.

Комната, в которой поместили кардоланцев, оказалась — Гарав захлопал глазами — в сущности верандой. Посередине — круглый стол с двумя полукруглыми скамьями, на нём — кувшин с высоким узким горлом, три стеклянных бокала (почти невидимых, настолько тонким и прозрачным было стекло!), прикрытое тканью блюдо... Вещи лежали аккуратно на одной из четырёх кроватей — лавок, три остальных были застланы постелями.

— А на траве снаружи они не могли нам постелить?! — почти оскорблённо сказал Фередир.

— Если бы ты был эльфом — они бы так и сделали, — серьёзно сказал Эйно́р, подходя к каменным перилам между колонн. Гарав тоже подошёл, встал рядом с ним.

Ночь была тёплой и тихой. С веранды был виден тёмный лес — или парк? — и начинающаяся тропинка, смутно блестящая в темноте. Подальше — через чёрную листву — мигали несколько огоньков, слышались два голоса, то ли певших, то ли говоривших; россыпь огоньков виднелась и слева, где, наверное, и было основное здание — то, которое Гарав видел из — за реки.

— Ты что, Волчонок? — тихо спросил Эйно́р.

— Ничего, — вздохнул Гарав. — Можно мы ляжем спать?

— Конечно, если не хотите есть, — улыбнулся, не поворачиваясь, Эйно́р — он глядел на смутные громады гор, нависшие над Раздолом.

Фередир уже лёг и успел уснуть! Но Гарав не особо удивился — когда он уселся на выбранное ложе и, расстегнув пояс, потянул через голову тунику, то понял, что остатки сил, было появившиеся при виде странного места ночлега, просто вытекают, как вода через сито. Только теперь мальчишка понял, как чудовищно он устал за последние два месяца. Непредставимо устал, так не устают люди. Он был чистый (впервые за те же два месяца по — настоящему чистый). Он был без оружия и доспехов (и это ощущение оказалось не очень приятным, но тело отдыхало и благодарно подвывало). Он был в безопасности (вообще забытое ощущение).

И где — то тут была Мэлет...

...Когда Эйно́р, вздохнув тихо, обернулся наконец — то сперва поднял брови, а потом по его губам поехала улыбка.

Его младший оруженосец спал полусидя, уронив на колени руку со снятой туфлей.

Вторую снять он, видимо, не смог.

Эйно́р покачал головой, подошёл к мальчишке, легко закинул его на постель (Гарав пискнул — в точности как взятый за шкурку волчонок) и, стащив вторую туфлю, с ворчанием закинул одеялом. Размер мальчишки под лёгкой тёплой шерстью минимизировался до предела — доблестный оруженосец свернулся в клубок.

Эйно́р проверил Фере́ди́ра — у стойкого и закалённого ветерана хватило сил раздеться и самому залезть под одеяло, торчала только макушка.

«Безопасность», — понял рыцарь. И, чувствуя, как стремительно валится в бархатную ласковую ткань сна, стал поспешно раздеваться сам. Стоя, потому что понял: он уснёт, как только сядет.

Неподалёку под звёздами звучала лютня...

Глава 6, в которой Гарав счастлив. А потом его допрашивают, но он всё равно счастлив

Гарав проснулся, как часто бывало, первым. И какое — то время изумлённо смотрел на солнечный луч, золотым весёлым пятном лежащий на камне потолка. Где — то слышались смех, журчала вода и шумела листва.

Где я?

Сколько я спал?

Потом он вспомнил про Раздол и сел, откидывая одеяло.

Первое, что он ощутил — было идущее от каменного пола тепло. Второе — сильнейший голод.

Первое, что он увидел — была их одежда, вычищенная и аккуратно сложенная рядом с прочими вещами. Второе — то, что друзья ещё спят.

А уж третье — стол, на котором стояли так и не съеденные вчера продукты.

Гарав подсел к столу. Веранду насквозь продувал ветерок, но он был лёгкий и тёплый. Мальчишка налил себе золотистого вина, откинул ткань с блюда — там оказались не фрукты, как он опасался, а нарезанная пластами копчёная ветчина и свежий, ничуть не подчёрствевший хлеб. Урча, Гарав вцепился сразу в ломоть хлеба и кусок ветчины, почти одновременно запивая полупрожёванное вином — лёгким, холодным, с запахом каких — то цветов...

...Он уже почти наелся, когда почувствовал чей — то взгляд и одновременно услышал негромкий звонкий смех.

— Мэлет! — выдохнул — выкрикнул мальчишка, вскакивая и оборачиваясь...

...Да, это была она. Эльфийка — похожая на какую — то стремительную птицу в чёрном с золотом узко приталенном платье, босиком — стояла в дверном проёме. Она всё ещё улыбалась — только улыбка стала немного растерянно — когда мальчишка, буквально подлетев к ней, подхватил на руки и вскинул девочку перед собой. Мэлет, охнув, невольно обхватила Гараву за шею, смущённая и сломленная таким непосредственным напором.

Признаться, Гарав тоже смутился тому, что сделал — порывисто, не подумав. Но переделывать — значило стать смешным. И он продолжал держать Мэлет на руках. А она не разнимала своих рук на его шее. И с изумлением смотрела в лицо мальчика — человека — виденного несколько часов и полюбившегося навсегда (она это знала, как только может знать эльфийка!). Нет, Гарав не изменился — внешне. Но как раз для эльфийки не составляло труда увидеть — как «видит» опытный кузнец «сердце» металла — что внутри мальчик вырос и повзрослел. Словно пальцами на коже, эльфийка в ошеломлении и жалости «касалась» шрамов, оставленных болью, страхом, тоской, сомнением, одиночеством, обидой... Но как для настоящей женщины шрамы на теле и лице мужчины — не уродство, а повод для гордости воином и защитником — так и эльфийка понимала: душа мальчишки не сломалась и не исказилась — лишь окрепла и возмужала. Грудь мальчика резко, толчками, вздымалась и опускалась — и куда — то в бедро Мэлет упруго и смешно стучало быстрое неутомимое сердце человека.

Мэлет засмеялась и крепче сжала руки. И это было сладостное и незнакомое чувство —

отбросить прочь разум, как плащ, размышления и сомнения — как скомканные исписанные листы... Как уже было в последние недели, когда она, пугая подруг, вдруг начинала не по своей воле грезить наяву — и касалась Гарва, когда ему было плохо. Неделью назад она чуть — чуть не потеряла себя, когда отдала Гараву, которым овладело что — то непредставимо жуткое и сильное, часть своего фэа. Глорфиндэйл не мог понять, что с дочерью. А она молчала. И была счастлива тем, что мальчик спасся... а что он, наверное, и не подозревал о её помощи... ну что ж, пусть. Это было не важно.

— Поставь меня на пол, — строго сказала Мэлет. Гарав замотал головой и улыбнулся почти идиотски. — Я тяжёлая! — Мэлет брыкнула ногой. Гарав замотал головой снова. — Ну поставь! — взмолилась эльфийка. — Поставь и оденься, а мне пора...

— Куда пора?! — возмутился Гарав.

— Я была в горах и скакала всю ночь, когда узнала, что ты приехал, — Мэлет улыбалась. — Только — только помылась и переоделась, даже не видела отца — сразу прибежала к тебе. Ну же, Гарав!

Со вздохом мальчишка исполнил её приказание:

— Слушаю и повинуюсь, королева.

Он склонил голову, и эльфийка довольно безжалостно взялась за светлые пряди на висках, подёргала голову мальчишки...

...Эйнор лежал с закрытыми глазами, неподвижный. Спящий.

Лежал и думал, что делать теперь.

* * *

В эльфа Гарав врезался, когда бежал по какой — то галерее — бегом. В принципе он никуда не торопился и даже не искал Мэлет (она обещала придти лишь на следующее утро, не раньше — а почему — Гарав не стал спрашивать). Он просто бежал, бежал, бежал... и вдруг врезался в вышедшего из — за колонн эльфа.

Бум, так сказать.

Эльф был не особо высокий (для эльфа), в золотом с алым и чёрном одеянии, пышные, тяжёлые разрезные рукава которого спадали почти до пола. Странно — у него не было меча; Гарав отвык от безоружных и сам сейчас был уже переодет в кожу, а на пояс повесил Садрон и кинжал (как — то само собой получилось). Пепельную волну волос (не убранных в косы, как у большинства эльфов, а свободных и лёгких) облегал верхом венец — тонкий серебряный обруч с фиалковыми и зелёными камнями. А на руке, которой эльф задержал мальчишку, Гараву на миг почудился какой — то острый синий блеск — словно кольцо... нет, показалось.

— Прости, — Гарав отдышался. — Я бежал...

— Я заметил, — в мелодичном голосе эльфа было веселье без насмешки. — Ты бежал ОТ или К? Если К — пожалуй, ты можешь продолжать путь. А если ОТ — может быть, ты мог бы мне уделить какое — то время?

— Я бежал ПРОСТО, — невольно улыбнулся Гарав. — И я, конечно, уделю тебе время... хотя у меня его не столько, сколько у детей твоего народа.

— Это вежливое напоминание о том, что у тебя есть дела? — уточнил эльф.

— Ну... — Гарав смутился. — Нет, это просто попытка умничать, — честно признался

он. — Рядом с эльфами хочется быть умным. Я и пытаюсь.

— Получается? — с искренним интересом спросил эльф. Они уже шли по галерее... и это вдруг напомнило Гараву другую галерею, по которой он шёл за... — Не бойся Его, — сказал эльф. — Тут он бессилен.

— Я боюсь не его, а себя, — признался Гарав угрюмо. — Себя. Того, что могу совершить от страха. Оказывается, от страха я могу стать предателем и совершить подвиг. Но это одинаково обидно. Кто же мной правит — страх или я?

— Получается, — сказал эльф.

— Что? — не понял Гарав.

— Быть умным, — пояснил эльф, и Гарав рассмеялся.

— Ты, конечно, знаешь меня, — сказал мальчишка, — ведь тут всего трое людей. А я не знаю тебя, а ведь ты из хозяев этого места. Кто же назвал меня умным?

— Я Элронд сын Эарендила, — сказал эльф.

— Мастер... — Гарав запнулся и, опустившись на колени, прижал ладонь к груди. — Прости, мастер!

— За что? — эльф поднял мальчика. — За то, что ты быстро бегаешь и громко смеёшься? Но это значит, что тебе хорошо здесь — не это ли высшая похвала для хозяина? За то, что пытался умничать? Но право — у тебя это неплохо получалось... И, по чести сказать, я ведь искал тебя, Гарав Ульфойл.

— Меня, мастер Элронд? — Гарав недоверчиво посмотрел на эльфийского владыку. — Но я всего лишь оруженосец Эйнора. Младший даже.

— И тем не менее... Послушай, — неожиданно поднял ладонь эльф.

Девичьи голоса совсем недалеко пели непонятное, но красивое:

_U — hlapa_hrestannar_haire,_
_з — ola_Taniquetil_orna:_
_Rondoryassen_Valie_Vaire_
_Ambartaly'_eserie_morna._

_MM_ungwe,_mi_rieli_carine,_
_Ve_parmasse_namar_nar_tehte:_
_Man_firuva_nennen,_man_narinen,_
_Man_lantuv'_o_maica_nehte._

_Nan_metta_ — _na_ilyave_metta:_
_Li_hiruv'_u — hlarima_yalme,_
_Et_antollo_keluva_quetta_
_«Si_firan...»_ — _ar_queluva_calme..._

_Mi_Mandos_encoyuva_faire,_
_Ar_mettale_kenuva_'n_ambar,_
_Y'_etekie_Valie_Vaire_
_O_melke_rondoryaron_rambar._

_Ar_loicolya_kemenn'_entulala_

_Ve_kemello_orte_mi — yesta,_
_Ar_ter_ande_yeni,_u — sulala,_
_Caitava_undumesse,_esta._

_...Nan..._ye!_O_sin'_ard'_apa_l3mi_
_Atanion_lacuva_seldo,_
_Ar_rucuva_linte_talluni_
_i_loti_or_noire_Eldo. [\[15\]](#)

— Мэглор, — сказал Гарав. Он сам не знал, почему у него вырвалось это имя. Но он был уверен, что прав — и это стихи Мэглора.

— Да, это Мэглор, — сказал Элронд спокойно. — Я его слышал. И видел. А ты?

— Видел и слышал, — коротко и серьёзно ответил Гарав.

Элронд оперся ладонью на перила.

— Тогда спой мне, Гарав Ульфойл.

Мальчишка задумался. Потом вскинул голову и посмотрел эльфу в глаза — серыми в серые.

_Живёт_создатель_Миров,_
_Живёт_хранитель_Миров,_
_И_заключён_договор_
_«О_неизбежности_слов»._

_Они_с_собою_зовут,_
_Как_будто_в_плен_нас_берут..._
_А_мы_живём_ — _пополам,_
_Живём_не_там_ — _и_не_тут._

_А_мне_ — _идти_по_Мирам,_
_Как_по_колени_в_траве._
_А_мне_идти_ — _по_Мирам,_
_Не_первый,_может_быть,_век._

_Пока_настала_пора,_
_Покуда_крылья_хранят..._
_А_мне_идти_по_Мирам_ — _
_Они_не_гонят_меня._

_Строка_прочитанных_книг_
_Переплетает_века,_
_Но_тяжела_эта_нить_
_Для_одного_игрока._

_И_нас_дороги_ведут,_

И в паутину манят,
Вливая в сердце и в кровь
Парализующий яд.

Но мне — идти по Мирам,
Как по колено в траве.
Но мне идти — по Мирам,
Не первый, может быть, век.

Пока настала пора,
Покуда крылья хранят...
Но мне идти по Мирам —
Они сильнее меня.

Живёт создатель Миров,
Живёт хранитель Миров,
Но им и дня не прожить
Без нашей веры и снов.

Пока страницы — горят,
Пока дороги — пусты...
И только старый мотив
Соединяет мосты.

И мне — идти по Мирам,
Как по колено в траве.
И мне идти — по Мирам,
Не первый, может быть, век.

Пока настала пора,
Покуда крылья хранят...
И мне идти по Мирам —
Им не прожить без меня. [\[16\]](#)

— Чьи это стихи? — спросил Элронд, слушавший молча и с неослабным вниманием.

— Их написала женщина из моих мест, — ответил Гарав. — А я перевёл на адунайк.

— Ты не только певец, но и поэт?

— Слишком большое слово для меня — поэт, — признался мальчишка. — А петь я раньше и вовсе не умел.

— Спой ещё что —нибудь, — как ни в чём не бывало предложил Элронд. В Гараве шевельнулось недовольство: да у них мания просто. Встретился в лесу, где кругом гауры, с шеститысячелетним эльфом — пой, блин! Других забот нет. Встретился с Элрондом — пой снова, а как же?!

Гаравом овладело вредное ехидство. Он прокашлялся, посмотрел в потолок и запел на

широко известный в далёких краях мотив:

_ Широка страна моя родная,_
_ Много в ней лесов, полей и гор,_
_ Эту землю дружно выбираем,_
_ Фиг нам нужен этот Валинор!_

_ От Нэвраста до Оссирианда,_
_ С Мглистых Гор до харадских пляжей,_
_ Феаноринг возит контрабанду_
_ В виде копий, луков и ножей!_

_ Если Враг отрезать нам захочет_
_ Скажем, руку, в яростной борьбе — _
_ Феаноринг весел и находчив:_
_ У него все это на резьбе..._

_ Это Мы! Сковали Сильмариллы!_
_ Это Мы! Склепали Палантир!_
_ Мы сильны, как юные гориллы_
_ И умны, как старый Митрандир!_

_ Широка страна моя родная,_
_ Много в ней лесов, полей и гор,_
_ Эту землю дружно забираем,_
_ Впереди нас — батька Феанор! [\[17\]](#)

Исполнив это, Гарав с запоздалой опаской посмотрел на на Элронда. Но Владыка Раздола... хохотал — почти беззвучно, но искренне, запрокидывая голову.

— Вообще — то такие они и были, — вдруг сказал он. — Но знаешь... — и он положил палец на губы мальчишки. — Не превращай умение смеяться над великим и великими в ремесло. Один раз — можно. А если это войдёт в привычку...

— Прости... — пробормотал Гарав. — Я понимаю.

— Надеюсь.

— Понимаю, — уже уверенно кивнул Гарав. — Прости, мастер Элронд. И вот... послушай ещё...

Эту песню пел в деревне у фородвэйт Эйно́р. Гарав просто перевёл.

_ Отцовское наследство мы добыли,_
_ Его у нас теперь не отобрать._
_ Но обжигают руки Сильмариллы..._
_ Как страшно мы с тобой ошиблись, брат!_

_ Нам Клятва жить спокойно не давала._

Сражаться в ослеплении своем
Готовы были мы хоть против Валар,
Хоть против мира целого — вдвоем.

Никто на нас оружие не поднял,
Никто нам к бегству путь не преградил.
Но не уйти ни от огня в ладонях,
Ни от огня отчаянья в груди.

Так значит, пали зря отец и братья?
Мы Право потеряли, зло творя.
Убийства в Альквалондэ, в Дориате...
Шесть сотен лет войны и крови — зря?!

Над Средиземьем битвы пролетели,
Лик мира изменил Великий Гнев,
Среди равнин открылись в бездну щели,
Вихрь огненный бушует в глубине.

Но пламя — то, что сжечь мне руку хочет,
И то, что сердце жжет, — сильнее стократ.
Сегодня — День Свершения Пророчеств.
Я ухожу в огонь. Прощай же, брат! [\[18\]](#)

— Что ж, ты понял, — как ни в чём не бывало сказал Элронд. — А теперь пойдём. Нас ждёт важный разговор.

* * *

В небольшой затемнённой шторами комнатке, куда привёл Гарава Элронд — очевидно, в одной из башен, мальчишка и не понял толком — в трёх удобных креслах (четвёртое пустовало) — плотная ткань, натянутая на причудливо выгнутый каркас из тёмного дерева — по сторонам от пылающего камина алого камня сидели, глядя на вошедших трое стариков, закутанных в разноцветные балахоны. Рядом с каждым стоял длинный посох с причудливым навершием.

Гарав узнал Гэндальфа, который дружелюбно кивнул мальчишке. И отвесил поклон — всем сразу. Двух других стариков он не знал: один — крюконосый, сухолицый, с пронизательными горящими глазами, в белом балахоне; другой — в коричневом — намного ниже, но зато моложе двух других, широколицый, плечистый.

— Расскажи всё, что было с тобой в Ангмаре. Подробно, — негромко попросил Элронд, занимая пустующее кресло. Гараву сесть не предложили, и он ощутил себя неуютно — как будто под четырьмя прицелами. Он понял, что это — настоящий допрос. И глубоко вздохнул: что ж...

...Когда Гарав закончил говорить — ноги у него подкашивались, а перед глазами всё плыло. Он с трудом дышал нормально и очень хотел опустить глаза — если честно, казалось, что его надели живьём на четыре пары раскалённых нитей, пронизывающих комнату.

— Мальчик сейчас упадёт, — сказал Коричневый Балахон. — Сколько можно, всё совершенно ясно.

— Неудивительно, — Гэндальф вдруг улыбнулся и, встав, указал Гараву на своё кресло.

— Я... — мальчишка залился краской, переступил с ноги на ногу. — Я благодарю, но... — и обнаружил, что сидит в кресле, а в правой руке у него большой кубок с чем — то прозрачным и приятно пахнущим. Гарав машинально переложил кубок в левую и отпил. У прозрачной прохладной жидкости — не вина — был вкус мёда, и усталось отступила, а голова прояснилась.

— Мальчик левша, — заметил Белый Плащ... — и Гарав вдруг понял: да это ж Саруман!!! Он же... или не сейчас? Нет, наверное, он ещё не предатель... а ну, перестань думать!

— Хочешь сказать о печати проклятья? — Гэндальф начал расхаживать по комнате. Но Саруман неожиданно засмеялся — суховато, но искренне:

— Хочу всего лишь сказать, что он опасный противник в схватке.

— Армия Ангмара стоит в десяти лигах от мостов. Дальше не идут, на наш берег не переправляются, — заметил Элронд. — Общая численность войск Ангмара примерно сто — сто десять тысяч. Против нас выставлены около тридцати. Впечатление такое, что нас хотят просто напугать... и сковать на случай каких — то иных действий.

— Я так и не понял, при чём тут искажённая майя, — сказал Коричневый Балахон. Гэндальф досадливо отмахнулся:

— Совершенно ни при чём, как ни при чём и мальчик. Очевидно, что он — чист, а Ломион Мелиссэ просто решила в очередной раз развлечься.

— В прошлый раз после её развлечений между Люной и Мороком не осталось ни одного человека, — Саруман пропустил через пальцы длинную бороду. — Но я согласен с Гэндальфом. Совпадения и случайности... Реальность — то, что Ангмар знает о планах воссоздания Арнора. И скорей всего обрушит удар туда... Радагаст, что ты думаешь о гномах Мории?

— Друзья, — Элронд встал, — думаю, мальчика ждут свои дела. Не менее важные, чем наши.

Гарав встал, поставил кубок на подлокотник кресла. И снова поклонился всем сразу — перед тем, как выйти.

Глава 7, короткая. Но зато в ней действует великий герой русского народа Тарзан

Кони чувствовали себя великолепно. Ни Эйнора, ни Фередира Гарав не нашёл и не особо огорчился — отправился на конюшню и помиловался с Хсаном, не забыв и Фиона с Азаром. А потом просто побрёл, куда глаза глядят, насвистывая и отвечая кивками и улыбкой на приветствия встречных эльфов, которым, казалось, и дела нет до того, что на другом берегу Буйной — совсем недалеко от них — стоит вражеская армия.

Между прочим, допрос в башне продолжался аж полдня, Гарав сообразил это, когда вышел наружу и увидел солнце, давно перелезшее через зенит.

— Аi!!! — услышал Гарав звонкий выкрик, потом — плеск и смех. Он свернул к краю тропы, по которой неспешно шагал — и неожиданно для себя увидел короткий крутой спуск, а ниже — пляж с полоской золотистого песка. Бруинен в этом месте делал широкую петлю и обретал спокойствие — открывался широкий неглубокий плёс. А на пляже купались с дюжину... эльфёнков? Эльфят? Гарав улыбнулся и перестал искать «правильное» название. В конце концов, они практически ничем не отличались от красивых человеческих детей. Даже глазами. Особенно глазами. В глазах взрослых эльфов была печаль. Эйнор объяснил это как — то — мол, за эльфом стоит память не только его длинной и не всегда счастливой жизни, но и то, что к людям приходит лишь во сне — память всех прошлых воплощений. Для эльфа это не сон, а его собственные воспоминания, которые приносит из прошлых жизней телу — хроа вселяющийся в него дух — фэа. Да уж, тут поневоле загрустишь — под таким грузом... Но приходит эта печальная память не сразу, постепенно, десятилетие за десятилетием. Может, потому так долго у эльфов длится детство. И поэтому глаза их детей похожи на глаза детей человека... нет, на то, какими должны быть глаза детей человека: в них лишь наивное чистое веселье и неуёмная жажда знания.

Гарав и раньше видел эльфийских детей. Правда, их было очень мало в Раздоле. Едва по одному на полсотни взрослых эльфов. И сейчас, наблюдая за тем, как под восторженные вопли тех, кто помладше, четверо мальчишек примерно лет по 10–12 (ха — ха, Гарав, как тебя обманывают твои зоркие глаза — по сто? По сто двадцать?) играют в «колесницу» — сцепившись руками намертво, несясь по песку трое, четвёртый удерживается на их спинах, переступает, раскинув руки и покрикивая весело: «Аi!!! Аi!!! Аi!!!» — так вот, сейчас Гарав вдруг ощутил тяжёлый толчок тёмной злости. Нет, не на них, не на эльфов — нет! Наоборот!!! Ну почему, почему, скручивая злость в тугой тоскливый комоч, подумал мальчишка. Почему нас — НАС!!! — так мало? И здесь, и там, в том мире? Мало, так мало... А этой грязной чёрной пены, этих человекокрыс с глазами трусливого и злобного хищника — их мириады, они плодятся и копошатся, мечтая испоганить весь мир... Здесь их хотя бы можно убивать!!! Да и то... Гарав вздохнул и покачал головой. С какой радостью, с каким изуверским наслаждением эти твари убивают беспомощных, не понимающих ничего детей человека... и эльфа. С наслаждением и со страхом — не дать вырасти, потому что взрослый воин аданов или эльдаров с лёгкостью может снести головы десятку визгливых двуногих тварей — так убить его ещё ребёнком! (А разве там, разве там — не так?! Разве там — не то же?!) А вот поднимется ли меч взрослого эльфа на орчонка? Нет, не поднимется... Люди

куда жесточе — но и из них далеко не всякий зарубит тварёныша, хотя понимает: вырастет не знающее благодарности существо и с охотой сожжёт человеческий дом вместе со своим состарившимся и вновь, как в детстве, бессильным и беспомощным «спасителем»...)

Я буду убивать, ожесточённо подумал Гарав. Я буду убивать без разбора, пока их лапы ещё не могут держать ятаган, клеймо, рабский ошейник... И если за этот меня проклянут здешние боги — пусть.

Но злые мысли откатились прочь, словно мусор, смытый чистой волной — «колесница» завалилась наконец и с весёлыми воплями барахталась на песке. А чуть в стороне — Гарав расширил глаза, только сейчас заметил! — двое малышей выстроили замок... нет, не замок. Дворец. Каким — то чудом держались арки мостов и высоченные башни, соединённые переходами. Не верилось, что всё это — мокрый песок, который рухнет, едва высохнув (но и не раньше — нет здесь того, кто ради интереса, случайно или по злобе растопчет этот дворец...). Один из мальчишек... эльфишек... тьфу!.. ещё возился с постройкой, что — то отделявая и отпихивая с лица локтем слипшиеся и набитые песком волосы. А второй стоял на коленках возле общего творения — руки ладонями верх на бёдрах, голова склонена набок, а в глазах — радостное изумление: до чего же здорово вышло!!! Он позвал неугомонного мастера, тот присел рядом, мальчишки положили руки друг другу на плечи и застыли, разглядывая то, что получилось. Постепенно начали подходить остальные — вставляли или присаживались рядом...

...Когда Гарав вернулся на пляж через четверть часа — дворец никуда не делся, но возле него никого не было. Все куролесили в воде.

Скинув сапоги и рубашку, Гарав влез на дерево, сучья которого нависали и над краем пляжа и над водой. Его сразу же заметили. Не обращая внимания, Гарав прочно привязал тонкий крепкий канат к одному из сучьев и стал вязать в свободный конец прочную короткую палку.

— Что это будет, человек? — звонким ясным голосом спросил на адунайке один из мальчишек, строивших замок. Остальные выжидающе и сдержанно сопели — видно было, что им тоже интересно. Тот, что был в колеснице «правым конём», уточнил задиристо:

— Это наш пляж, и мы хотим знать, что ты тут хочешь сделать? — но его толкнули в бока сразу с двух сторон.

— Это будет тарзанка, — сообщил Гарав, свешивая ноги с ветки. — Тарзан — такой богатырь... мммм... моего народа. Он жил в лесу вместе со зверями и боролся с... в общем, со злыми силами. А когда был мальчишкой, то придумал такую шутку... — Гарав вылез из штанов, бросил их на берег. — Вода тёплая? — и, не дожидаясь ответа, прыгнул.

Мотнуло здорово!!! Его вынесло аж на середину реки, стало жутко разжимать руки... но не возвращаться же было на берег?

Гарав отпустил палку...

...Вода оказалась прохладной, но приемлемой. Когда он вынырнул, на берегу вопила и махала руками ошалевшая от такого зрелища ребятня, а двое постарше уже лезли на дерево...

...Эйнор отыскал обоих оруженосцев на реке. Фередир присоединился к Гараву, видимо, недавно — по крайней мере, он выглядел не таким растрёпанным и запыхавшимся.

— Эй! — замахал рукой Гарав, выскакивая из очереди к дереву, с которого как раз с истошно — весёлым воплем слетел в воду на какой — то верёвке эльфийский мальчишка. — Иди к нам!

Эйнор махнул рукой в ответ и улыбнулся. Пошёл дальше, хотя собирался найти хоть

какую — то работу обоим пропавшим без единого слова отважным воинам...

... — Гарав.

— М.

— Га — равввв...

— Муй... крых. Удди.

— Гаррррав! — шепотом прорычал на ухо другу Фередир, зажал ему нос... и поймал в лоб локтем. — Уй!

— Чего тебе?! — Гарав сел, сердито глядя на Фередира. Потом потянулся.

— Иди скорее сюда! — Фередир, потиравший лоб, похоже, ни капли не обиделся. — Иди скорее!

Гарав спустил ноги с изящной лежанки (а сперва — то он боялся лечиться, думал, что эта штука просто для красоты и наверняка холодная — ажурное каменное плетение), откидывая тонкое одеяло, не пропускавшее ночного ветерка — впрочем, приятного, теплого и пахнущего чем — то цветочным, тонким, как золотистое вино в кувшине на столе.

— Ну чего будишь? — проворчал он. Фередир потащил его за собой по лестнице, потом — тропинкой в чёрной резной тени деревьев — на берег, туда, где они купались днём.

— Смотри — и — и — и... — выдохнул он в ухо всё ещё ничего не соображающему и сердитому Гараву. Тот хотел уже разозлиться по — настоящему...

...и пролетевший над рекой на «тарзанке» Эйно́р обрушился в реку с пушечным громом, разогнавшим ночную тишину вниз и вверх по течению.

Глава 8, в которой... а, что там. Плохо всё. Даже в конце

Высокий золотоволосый эльф смотрел на сидящих на выступе ивового корня человеческого мальчика и эльфийскую девочку — свою дочь.

Лицо полководца Элронда было каменным, как лица изваяний древних вождей нолдоров, которые находят иногда на побережье за Голубыми Горами.

— Мэлет, — сказал он негромко. Он подошёл бесшумно, человек не мог слышать... а дочь — дочь, похоже, вообще ничего не слышала более... кроме голоса человека.

Обернулись и встали и эльфийка и человек. От Глорфиндэйла не укрылось то, что дочь сидела на подстеленном плаще человека, не укрылся и тот жест — непроизвольное движение — которым Мэлет полускрылась за спину мальчика.

Глорфиндэйл из Дома Элронда

А тот посмотрел прямо в глаза эльфа и сказал:

— Отважный Глорфиндэйл... ведь это ты Глорфиндэйл, отец Мэлэт? — золотая голова наклонилась. — Мне надо говорить с тобой по очень важному делу.

— Иди за мной, — сказал Глорфиндэйл...

...В небольшой залитой солнцем комнате было пусто. Только Глорфиндэйл, севший в массивное кресло (длинный меч между ног) — и Гарав, остановившийся прямо перед ним. Но голос мальчика звучал, как в огромном зале — рождая эхо.

— Отважный Глорфиндэйл из дома Элронда. Я — Гарав Ульфойл, оруженосец кардоланского рыцаря Эйнора сына Иолфа, прошу у тебя руки твоей дочери Мэлэт. Я люблю её, Глорфиндэйл.

Глорфиндэйл встал. С грохотом отлетело и ударилось о стену тяжёлое кресло. Движение было таким неожиданным, порывистым и... страшным — да, страшным! — что и Гарав вскочил и отшатнулся, ещё ничего не понимая — но перепуганный.

— Ты... человек! — это слово прозвучало, как ругательство. — Даже не адан — просто человек! — но и как — то растерянно это прозвучало. Гарав услышал эту растерянность, только не обратил внимания. Эльф был страшен. Казалось, он — и без того выше мальчишки как бы не на три головы — стал ещё выше, а глаза сделались большими и засияли холодным голубоватым светом. Левая рука полководца Элронда взялась за рукоять меча, и Гарав увидел, что и там — из — под пальцев — льётся сияние. Комната бешено закружилась, и Гараву послышались звуки — то ли вой, то ли рычание, то ли грохот обвала — шум, нарастая, валился как бы со всех сторон и придавливал к полу, замораживал, одевал в камень... Под пальцами Глорфиндэйла угрожающе и ликующе запел на ладонь вышедший из ножен клинок: «Нуагггггга... ну — у — уага — а — а...»[101 — Режь... (квэнья)] — услышал Гарав.

Да — а — а... от такого можно было только бежать со всех ног. И глаза эльфа отталкивали — как две могучих руки: ну, беги, прочь отсюда!!!

Гарав не побежал.

Он стиснул зубы и взялся за меч. Склонился всем телом — словно пробивался через сильный встречный ветер... но головы не опустил, не отвёл глаз от полыхающего взгляда жуткого нимри.

— Так Ангмар говорил правду?! — прорезал сгустившийся тяжёлый воздух дерзкий высокий голос мальчишки, сорвавшийся на последнем слове — но не смешно, а яростно и даже презрительно! — на глуховатый басок. — Правду, что мы, люди, для вас, эльфов — полуживотные?! Вот жаль, что я не остался там, в Карн Думе — по мне лучше уж было отдать душу какому —нибудь гауру и пасть без чести от рук наших же воинов, чем жить и дальше человеком — без твоей дочери, нимри! А ведь я человек, Глорфиндэйл — ЧЕЛОВЕК!!! И это немало!

Эльф слушал мальчишку, высоко подняв брови и отпустив рукоять меча. И даже когда Гарав, тяжело дыша и не выпуская оружия, замолчал и только смотрел на эльфа — яростно и непримиримо — Глорфиндэйл по — прежнему молчал. Молчал, разглядывая мальчишку со смесью грусти, удивления, гнева и уважения. Когда же он заговорил — голос его больше не был угрожающим, скорее — грустным.

— Прощлое помнит два союза между дочерьми эльфов и сыновьями людей. Берен Эрхамион и Лютиэн Тинувиэль... Эльвинг Светлая и Эарендил Мореход... Ты ли Берен? Ты ли Эарендил?

— Тебе нужны Сильмариллы? Тебе нужен новый Вингилот? — вопросами ответил Гарав. — Скажи, и я...

— Нет, — Глорфиндэйл поднял руку. В жесте не было нетерпения — лишь просьба внимания. — Я верю и вижу, что ты готов на всё ради моей дочери. И я не о том. И Берену и Эарендилу Эру даровал бессмертие. Дар... или проклятие эльфов, как людям даровано их проклятие — или дар? — Смерть. По вашему счёту Мэлэт больше ста лет. Больше ста. Гарав... Тебе четырнадцать и ты даже не Адан — ты из Людей Сумерек. Сколько ты проживёшь на этой земле? Пусть минует тебя смерть в бою и болезнь. Ещё полвека. Пусть шесть десятилетий. Семь. Да пусть хоть сто лет. Хотя состаришься и потеряешь и красоту и силу ты намного раньше. А Мэлэт не заметит этих лет. И что ей останется? Подумай — что?

Не было гнева в голосе эльфа. Не было торжества или злости. Ничего не было такого, на что стоило бы злиться...

Только правда. Не такая, как у Ангмара.

Настоящая. Но не менее жестокая и беспощадная.

Вечность — минуту — Гарав молчал. Глядя в пол. Потом — гордо вскинул голову и сузил глаза, в которых родился стылый лёд:

— Прощай, Глорфиндэйл из Дома Элронда. Никогда более я не потревожу покоя твоего дома и взгляда твоей дочери, — церемонно сказал мальчишка.

Кажется, эльф хотел что — то ещё сказать. Но Гарав коротко поклонился и, повернувшись, вышел прочь, хлестнув краем плаща по косяку — словно вылетела большая хищная птица. Глорфиндэйл услышал, как по коридору — трах — трах — трах! — раскатились звонки, чёткие шаги. (Эльфу представилось, как их следы навсегда остаются на белом полированном полу — впечатанные в камень гневом, яростью, тоской и разочарованием...). Глорфиндэйл тряхнул головой и на миг склонил её:

— Angayasseyá, ^[19] — прошептал он.

Гарав прошёл по какому — то мосту, сам того не заметив — свистя плащом по камню, сжимая рукоять меча и сжав губы. Его мысли были холодны и остры — как будто их заточило отчаянье.

Ускакать прочь. Сейчас. Немедленно. Тут же. Навсегда. Не оглядываясь. В первой же деревне людей найти красивую девчонку. Их тут много. Взять у неё всё, что может взять мужчина у женщины. И отдать ей... что? То, что он нёс Мэлэт, не отдать, как не вырвать из груди сердца — сразу умрёшь... Пусть. Тогда просто отдать той девчонке своё тело. Там найдётся немало желающих лечь с оруженосцем кардоланского рыцаря. Никакого насилия, никакого обмана. В конце концов, ему тут жить и ему нужен дом. И та, которая будет о нём заботиться, а потом родит ему детей. Это может быть любая. Разве не всё равно, чьи руки примут постирать рубашку, и разве в темноте видно лицо? И разве не всё равно — всё вообще — если сердце всё — таки вырвали... а ты почему — то остался жить?

Он стиснул и оскалил зубы, задавив всхлип. Влево и вправо отшагнули двое шедших навстречу эльфов — они о чём — то беседовали и изумлённо посмотрели вслед человеку; кажется, даже окликнули сочувственно... зачем ему их сочувствие?! Он искал лишь понимания и разрешения быть с Мэлэт...

Но Глорфиндэйл прав. Прочь отсюда! Скорей! Бежать!

Он побежал. И бежал до самой конюшни.

До самых дверей, возле которых, высоко подняв руку и опершись ею на косяк, стояла Мэлет.

— Отказал? — резко и высоко спросила она, откидывая волосы с лица коротким поворотом головы.

— Да, — выдохнул Гарав.

— Ambar, ^[20] — эльфийка выпрямилась.

— Что? — спросил Гарав вместо того, чтобы обойти её, оседлать Хсана и умчаться прочь, не оглядываясь.

— Возьми меня, — просто сказала Мэлет. И, протянув руку, словно бы тонкий и прочный браслет надела на запястье Гаравы. — Выбор отца — это выбор отца. Но и я могу выбирать.

Тысячи слов хлынули на язык Гаравы — и прочно забили ему рот. Тогда вместо любого из них — и любое прозвучало бы глупо — мальчишка взмахнул плащом в левой руке, окутывая им себя и эльфийку. И шагнул вперёд — увлекая её следом за собой...

...Потом был тот же плащ, падающий на рассыпанное сено — казалось, медленно, как лист с дерева.

А дальше Гарав не запомнил. То, что было у него с Тазар, тут почти не годилось и напоминало происходящее лишь отдалённо. Ему только казалось, что и он падает, падает, падает в тёплое сияние — падает, не может упасть... и в какой — то момент сияние становится обжигающим, и он вспыхивает и... сгорает, наверное, но это — не важно...

...Лёжа ничком, сквозь полуопущенные ресницы Гарав смотрел, как сидящая рядом Мэлет расчёсывает волосы. Между остриями серебряного гребня — в основе вспыхивал при каждом движении зелёный камень — с лёгким треском струились золотые волны, и с этим мягким потрескиванием мешался тихий голос эльфийки — Гараву казалось, что он слышал уже эту песню, но никак не вспоминалось — где же...

Предавать легко,_
Забывать легко,_
Убивать легко,_
Оставляя легко._

Ты с_ улыбкой_ пел,_
Но в_ твоих_ глазах_
Пустота и_ боль_
Светом что_ погас._

Предавать легко._
Только предав,_ ты_ —_
Один навсегда._
Один на_ один_
С глазами_ того,_
Кого предал,_
Кому так_ легко_ простить._

_Оставлять_легко._
_Только_оставив_
_Ты_будешь_бояться_
_Смотреть_назад_
_В_лицо_своей_тени_
_Бессильной_в_ответе_
_И_острой_горечи_правды._

_Предавать_легко,_
_Забывать_легко,_
_Убивать_легко,_
_Оставлять_легко._

_Тот,кто_даст_тебе_
_Этих_слов_глотнуть_
_Или_дурак,_
_Или_мудрец._

_Убивать_легко._
_Ведь_убить_себя_
_Невеликий_грех,_
_Если_духом_мертв_
_Умирать_легко._
_Ведь_тысячи_лет_
_Назад_это_было_с_тобой_

_Оставлять_легко._
_Ведь_в_конце_пути_
_Ты_снова_встретишь_тех,_
_Кого_ждал._
_И_любить_легко._
_Тот,кто_это_сказал_
_Был_либо_безумец,_
_Либо_святой. [\[21\]](#)

— Мэлэт, — Гарав повернулся на бок и коснулся её волос, удивившись, какой грубой и даже грязной кажется его ладонь в сравнении с этим невесомым золотом. Эльфийка обернулась через плечо — с грустной и светлой улыбкой. — Я не... обидел тебя, Мэлэт?

Вместо ответа эльфийка прилегла рядом и занялась самым обычным для влюблённой человеческой девчонки любых времён и пространств, лежащей рядом с любимым мальчишкой, делом — стала пальцем исследовать тело Гаравы, глядя ему в глаза.

— А... йесссли кто вввв... йдёт? — смалодушничал мальчишка.

— Никто не войдёт, — шепнула Мэлэт. — Я всё — таки дочь своего отца. Про конюшню подумают, когда мы выйдем отсюда, melimanya [\[22\]](#), не раньше... — и она, тихо

засмеявшись, продолжала водить пальцем по коже мальчишки. Гарав закрыл глаза и вытянул руки над головой, обмяк на плаще, наслаждаясь этими прикосновениями.

— Meldanya... arinquanya ohtatyaro... nessima maianya... [\[23\]](#) — слышал он шёпот над собой в бархатной ласковой тьме. И лишь на ощупь обнял восхитительное живое тепло, вновь прильнувшее к нему через какое — то время...

_...Враги_в_нашем_доме,_земля_в_муках_стонет,_
_Убийца_на_троне,_он_зло_во_плоти!_
_Война_на_пороге,_увы_—_мы_не_боги,_
_Назад_нет_дороги,_туман_впереди..._

...— Странно, — Мэлет покачала головой. — Ты рассказал мне сейчас, что ты из другого мира... и я не имею причин тебе не верить... но я не чувствую ничего другого, — она провела двумя пальцами по лбу мальчишки. Не ласково, а сильно, так, что Гарав даже поморщился. — В тебе есть кровь Аданов... Аданов Дома Хурина... она почти растворена в крови каких — то неизвестных мне народов Сумерек... невежественных, но храбрых и гордых... — она примолкла на миг, а потом — удивлённо засмеялась. — И даже капелька крови синдаров в тебе есть. Очень мало, но она есть.

— Эльфов?! — Гарав удивлённо рассмеялся и тут же притих. Глаза Мэлет были строгими и смотрели куда — то вдаль и вглубь. — Шутишь?

— Нет, — эльфийка медленно покачала головой — нет, даже просто повернула её: влево, вправо. — Ты сын этого мира, мой волчонок. Это странно, потому что я не знаю, где твой народ и твой дом... мне кажется, что их странным образом нет... ЕЩЁ нет... но они не чужие здесь. И ты не чужой.

— Не чужой... — медленно произнёс Гарав.

И вдруг... вдруг понял.

Понял сразу ВСЁ.

Не было мира, выдуманного Толкиеном. Да он никогда и не говорил, что выдумал этот мир, Олег Николаевич упоминал об этом... говорил про легенды и сны, из которых сложил английский гений мир Средиземья.

Было — прошлое.

Прошлое мира Пашки, настоящее мира Гарава.

И, видимо, те земли, где встанут Киев, Новгород, Москва — они лежали на востоке. А те земли, из которых ещё придут предки предков русских — ещё дальше на востоке.

— О чёрт, — потрясённо пробормотал Гарав по — русски, поднеся руки к лицу. Он и сам не знал, почему так потрясло его это открытие.

Мэлет легла рядом, вытянувшись рядом с Гаравом, повторив своим телом — изгибы его тела. И скрестила руки на груди человека:

— Отдохнул? — спросила она.

Я не хочу тебя потерять, почти закричал Гарав, забыв обо всём, сказанном за минуту до этого — потрясшее его открытие стало мелким и неважным. Но закричать так — значило, терзать Мэлет.

И Гарав обнял её. И перестал думать о чём — то, кроме Мэлет.

Глава 9, в которой друзья покидают Раздол — а позже выясняется, что у всех есть свои слабости

Так Эйно́р не бил Гарава ни разу. Мальчишка стиснул зубы и терпел, хотя боль от перевязи со стальными бляхами очень скоро стала просто невыносимой. Кроме того, стыдно было смотреть в лицо Эйно́ра — белое, с закушенной до кровавой струйки губой и сумасшедшими глазами.

Но ещё ужасней были две мысли. Первая — сколько он причинил Эйно́ру неприятностей. А вторая... вторая мысль была о том, что Гарав не раскаивался в том, что сделал в Раздole. Тоже ужасная...

Наконец Фереди́р не выдержал и молча стал оттаскивать рыцаря. Наверное, впервые в жизни. Тот сам швырнул перевязь и сел на постель, уронив руки.

— Что ты наделал? — спросил Эйно́р убито. — Ты понимаешь, что натворил?! Мы же тут гости. Гости. Нас приняли, как своих. А ты... блудливый щенок!.. — но и это он не крикнул, просто сказал тихо. — Валар, зачем я тебя подобрал...

— Затем, чтобы мы остались живы, — сказал Фереди́р. Эйно́р вздохнул и признался:

— Правда... Вот тебе и подобранный камешек...

Гарав попытался встать — он стоял на коленках возле своего ложа — опираясь на него руками. Не смог. Перевёл дыхание и всё — таки поднялся. Покачался и устоял.

— Отдай меня эльфам, — предложил он и не выдержал — застонал. Но коротко, заставил себя замолчать.

— Ну на кой ты им пёс? — с тихим отчаяньем спросил Эйно́р. — Не казнят они людей. Тем более, ты им не присягал.

— Я её люблю, и она меня — тоже, — отрезал Гарав так же тихо, но решительно. — Я понимаю, что сделал гадость в доме, который нам оказал гостеприимство. Но я не раскаиваюсь.

— Младшие, — вздохнул Эйно́р. — Младшие. Когда же вы научитесь думать головой.

— Не мы утопили Нуменор, — огрызнулся Фереди́р, беря Гарава за плечи. — Да — а — а... Орки обошлись с ним мягче, Эйно́р.

Эйно́р посмотрел мутновато от заботы. Гараву было всё равно. Жгучая боль, упрямство и какое — то дикое ликование его переполняли с головой.

— Не вздумай её украсть, — предупредил Эйно́р севшим голосом. Такая мысль и правда мелькнула у Гарава... но он помотал головой:

— Нет. Этого я не сделаю. Не хочу, чтобы она прожила жизнь... мою жизнь в бегах от эльфов и людей. Я бы и ни на что вообще не претендовал, но она так захотела. И я благодарен ей...

— Ты хоть понимаешь, что у неё будет ребёнок? — спросил Эйно́р. — Раз она тебе отдалась, то у неё будет ребёнок. У эльфов не бывает иначе!

Гарав посмотрел на Эйно́ра изумлённо, даже забыв про боль (а она стала жгучей — Фереди́р усадил Гарава на ложе и смазывал ему спину, обтирая кровь). Эта мысль не приходила ему в голову. Но Гарав был не тот, что два месяца назад. Не тот, что даже месяц назад.

— Я знаю, что от этого бывают дети, — сказал он. Теперь воззрился на оруженосца уже Эйно́р. А тот продолжал: — И что с того? Когда сыну исполнится семь лет, я заберу его — к тому времени я уже буду рыцарем — и сделаю пажом, потом оруженосцем.

— А... — Эйно́р открыл рот. — Ты... Ну... Да кто тебе его отдаст?!

— Да я и спрашивать не буду! — огрызнулся Гара́в. — Больно, Федька!

Эйно́р вскочил. Эйно́р пробежался по по беседке. Эйно́р пнул скамью.

— Ублюдок! — заорал он.

— Не спорю, — процедил Гара́в, выгибаясь от боли. — А когда Фере́дир закончит, я пойду к Гло́рфиндэ́йлу и расскажу ему о случившемся между мною и его дочерью.

Эйно́р побелел:

— Ну нет, — сказал он. — Ты у меня на службе, и рассказывать придётся мне.

— Не расскажет никто и никому, — послышался повелительный девичий голос.

Мэ́лет стояла на пороге. Фере́дир поднялся; они с Эйно́ром склонились. Гара́в остался сидеть. Эльфи́йка подошла к нему, посмотрела на спину, забрала у Фере́дира льняной лоскут и сильно провела по спине мальчишки. Гара́в, онемев от боли, запрокинулся... и обмяк. По спине разлилась мягкая прохлада и растворила эту пронзительную боль, проникшую было до самого позвоночника. Эльфи́йка, продолжая водить лоскутом по иссеченной спине мальчика, гневно посмотрела на Эйно́ра — ноздри тонкого носа раздулись и отвердели.

— Я иногда сомневаюсь, что люди — это люди, а не просто умные звери, — сказала она. — Почему ты решил, рыцарь Эйно́р, что можешь платить за мой дом? И с чего взял, что ему нанесена обида?

Она говорила жёстко и твёрдо. Но голос Эйно́ра был не менее жёсток:

— Позволь мне решать, дочь Гло́рфиндэ́йла, об обидах дома твоего отца и паскудстве моего оруженосца. Это не женское дело. А вам не быть вместе, как не быть вместе воде ручья и дубу, что растёт на берегу. Мы уедем через час. А перед этим...

— Ты скажешь мастеру Э́лронду, что вы торопитесь в Зи́мру, тем более — что это правда, — отрезала Мэ́лет. Гара́в поймал её руку обеими своими и прижался к ней щекой. С Эйно́ра он не сводил глаз.

— Вы хотите меня же заставить чувствовать себя виноватым? — спросил Эйно́р зло. Фере́дир, окаменевший у стены, издал невнятный звук — на его лице мешались любовь к рыцарю и жалость к Гара́ву.

— Вот уж нет, — искренне сказал Гара́в. — Какая вина? Это жизнь.

— Объяснил, — вздохнул Эйно́р. — Как всё просто и легко объяснил. Право слово, я бы хотел побывать в твоей земле! Страна мудрецов!

— Тебе бы там не понравилось, — сказал Гара́в неожиданно угрюмо.

* * *

Если эльфы и были удивлены желанием людей покинуть Имла́дрис и ехать к бродам, за которыми ждёт неподалёку армия Ангма́ра — они никак этого не показали. Продукты в дорогу, корм для коней и даже золотые монеты, переданные Эйно́ру — всё было как обычные сборы в дорогу друзей и союзников.

Спина у Гара́ва не то чтобы зажила, но не беспокоила. Он делал какие — то дела, седлал Фиона, потом — Хсана... и сам себе удивлялся — неужели он вот сейчас уедет?

Неужели это возможно — сейчас уехать? Это не сон, не глупая сказка, не бред? Сейчас кончатся эти два дня счастья? Ему вдруг захотелось закричать и вцепиться в колонну, в коновязь, в косяк конюшни... На пришедших провожать эльфов смотреть не хотелось — Гарав немного оттаял когда увидел среди них мальчишек, которые прыгали с тарзанки. Они дружно помахали Гараву, а потом один из них подошёл к оруженосцу и — Гарав узнал одного из строителей песчаного замка — подал ему свёрнутый в трубку лист плотной бумаги. Гарав развернул — и улыбнулся: как живой, он сидел на дереве и налаживал тарзанку, а снизу глазели эльфийские пацаны. Поразительно живой рисунок окружала выписанная золотом и чернью виньетка орнамента.

— Это тебе, — сказал эльфёнок. — Мы сделали ещё две... тарзанки, — он старательно выговорил слово, — одну для девочек на другом пляже. Приезжай в Имладрис, человек — мы будем рады тебе, даже когда ты повзрослеешь.

— Спасибо, — кивнул Гарав.

Элронд пришёл провожать тоже — один, пеший и уже к самым воротам. Видимо, он говорил с Эйнором до этого, потому что сказал — будто в продолжение разговора:

— Так ты уверен, что не стоит посылать с тобой конных? Вам ехать по землям Рудаура, пусть и недолго.

— Нет, мастер Элронд, — покачал головой Эйнор, перехватывая конский повод. — Нет особой опасности, а тебе скоро может понадобится каждое копьё. Благодарим тебя за гостеприимство.

— Вы принесли недобрые вести — но эти вести, может быть, спасли Имладрис, — сказал Элронд. — Пусть будет прямой и быстрой ваша дорога.

Оба оруженосца промолчали. Фередир — потому что явно горел нетерпением ехать. А Гарав... что ж Гарав...

* * *

Они проехали около двух лиг. В полнейшем молчании. Ни разу не оглянулся Гарав. Не позволил себе. Ехал и почему — то представлял, как вернётся через тридцать лет — уже немолодым... а Мэлет... что ж Мэлет? Она не изменится...

Потом он стал думать про своего сына... или дочь? Мысль была чудной. Странной. Это со смехом сопротивлялся удивлённый Пашка. А Гарав просто принял эту мысль. Нет, он приедет в Имладрис раньше. Не через тридцать лет. Через восемь. Обязательно. Проверить, кто родился и вырос... и сказать Глорфиндэйлу: «Я забираю его!» — если это будет сын. И пусть попробует не отдать.

А восемь лет — не видеть Мэлет?

Предстоящие годы превратились в чёрный холодный колодец. Интересно, подумал Гарав, не так ли смотрит в своё будущее Король — Чародей? От этой мысли стало жутковато. Но развернуть её в полномасштабное самоистязание Гарав не успел.

Ехавший первым Эйнор остановил коня.

Гэндалф сидел на плоском камне и читал растрёпанный свиток. Его конь — большущий, серый, как балахон хозяина — перегородил дорогу и смотрел на кардоланцев с возмущением старожилы, которого попросили подвинуться какие — то мигранты. Из — под плаща Серого Странника торчал длинный меч. Рядом стоял всё тот же посох с надетой

шляпой.

— Одну минутку, две строки, — замтеил Гэндальф, не поднимая головы. Эйнор переглянулся с догнавшими его оруженосцами. Гэндальф между тем хмыкнул, свернул свиток, ловким прыжком взлетел в седло и нетерпеливо заявил, подхватывая посох и шляпу: — Мы едем или нет?

— Мы — да, — согласился Эйнор, подъезжая к нему. — А ты едешь с нами, Серый Странник?

— Нам просто по пути, — отрезал Гэндальф. — Ровно до того места, где я решу, что наши пути расходятся... Кстати, Гарав, я так и не имел удовольствия послушать, как ты поёшь.

— У меня нет настроения, — буркнул Гарав. Брови Гэндальфа приподняли шляпу.

— Но тогда петь придётся мне, — почти жалобно сказал он, дряхлея в седле до такой степени, что Фередир сделал движение — поддержать старика под локоть. — Это будет тяжким испытанием для всех моих спутников... Неужели ты не можешь снизойти к моим сединам, юный оруженосец?! — лицо Серого Странника стало горестным.

Гарав сильно подозревал, что Гэндальф по обычаю гонит (помнится, он умел делать ВСЁ, а дряхлым временами нагло прикидывался). Но Эйнор на Гараву не смотрел, а Фередир смотрел выжидающе.

Мальчишка вздохнул. И махнул рукой:

— А! Ладно!

_В_Аласе,_кормче_«Три_дуба»_
_Обжился_Менестрель,_
_Была_с_ним_медная_труба_
_И_медяков_кошель._

_В_заплатах_плащ_
_Кинжальчик_в_нем..._
Зачем?
_Когда — нибудь_поймем._

_Давал_концерты_за_гроши,_
_И_чувства_в_людях_ворошил._
_Пел_про_великие_походы,_
_Про_чужедальние_народы._
_Про_честь,_отвагу,_боль_и_страх,_
_Про_тех,_забыт_кто_уж_в_веках..._

_Вот_как — то_вечером,_под_ночь,_
_Он_арфу_в_руки_взял._
Сказал:
_«Послушать_песнь,_друзья,_не_прочь?»_
_Подумал_и_начал:_

_ — _Быть_героем_может_каждый,_

Но не каждому по силам,
Вот героем быть может
Человек ленивый —

Лень хвосты рубить драконам,
Лень спасать принцесс,
Страшно предпочесть дорогам,
Темный, жуткий лес...

...Пел так долго, весь он вечер,
Вел куплетом за куплет,
А закончил песню речью,
Малость рифмы в коей нет:

— Быть героем должен каждый!
Помни, друг — ведь это важно!
Когда поборешь лень и страх
Тогда поедешь на руках. [\[24\]](#)

— Готов покляться, что стихи твои, — сказал Гэндальф. — И — неплохие, кстати, стихи; я знал людей, которых называли поэтами за худшие... А где это — Алас?

— В моей земле, — ответил мальчишка...

...Ехать в компании с Гэндальфом оказалось весьма и весьма приятно. Серый Странник в старческий образ больше не входил и вёл себя очень даже шумно и компанейски, но к полудню утомился и перешёл на бесконечные — но при этом почему — то не надоедавшие — истории из давнего прошлого.

— Инглор был сыном Гилнора Светлого из Дориата и Ирит Нарготрондской, чье имя на Высоком Наречии было Ириссэ... — мерно покачиваясь в седле, рассказывал он как раз одну такую, а кардоланцы слушали, и дорога плыла мимо. — Однажды Гилнор ушел ненадолго из Дориата, но назад не вернулся. Вскоре стали говорить, что его убили орки, которые даже в годы Осады Ангбанда проникали в Восточный Белерианд. Но Ирит не поверила этим слухам. Как — то раз Ангрод сын Финарфина гостил в Менегроте, и увидел юного Инглора. Мальчик восхищенно взидал на воина — нолдо, и попросил князя взять его к себе в дом и научить сражаться. А среди эльфов было принято отдавать детей, когда те повзрослеют, на воспитание. Ангроду полюбился юный Инглор, и он посадил его себе на колени, назвав своим приемным сыном. Ирит испросила у Тингола согласия и поселилась вместе с сыном в Бар — эн — Эмин в Дортонионе... [\[25\]](#) — Гэндальф прервался. И вытянулся в седле.

— Впереди что — то происходит, — сказал он уверенно. — К оружию, кардоланцы.

Гарав немедленно подал Эйнору шлем, Фередир — щит. Мальчишки тоже полностью снарядились, и Фередир вежливо, но непреклонно сказал:

— Прошу тебя, Серый Странник, займи место между нами.

Мальчишки встали позади Эйнора — и справа — слева, образовав такой мини — клин.

Гэндальф хмыкнул, но противиться не стал, и все четверо двинулись рысью.

Уже через полминуты Гараву стало ясно, что маг был прав. Спереди — из — за рощицы за небольшим лужком — донеслись шум, неразборчивые крики и прилязгиванье металла. Воины преодолели луг и осторожно въехали в рощу, скрывшись за её зеленью.

Почти сразу же Фион вздыбился, и Эйно́р склонился с седла вниз. Гарав не сразу различил, что в подлеске прячутся не меньше двух десятков тяжело дышащих хоббитов — женщин и детей. Они порскнули из — под копыт огромных коней в разные стороны, дети подняли крик, но это уже не интересовало людей, потому что за рошей шёл бой.

С полдюжины хоббитов с луками, прячась и перебегая по краю оврага, отделявшего рощу от ещё одной луговины, отстреливались от вертящихся там и тоже стреляющих в ответ вастаков. Тех было с десятков, они пускали стрелы с седла. Тут и там лежали тушки небольших лошадок — пони, какой — то разбросанный скарб, тела — двое вастаков, не меньше двух десятков хоббитов... и большинство тел были женскими и детскими.

Гарав увидел, что глаза Фередира стали бешеными, а губы искривились, обнажая оскал. Маг нахмурился и неожиданно ласково сказал продолжающим метаться и кричать хоббитам (их мужчины оборачивались в отчаяньи, думая, что в рощу пробрался враг — кое — кто явно собирался лезть через овраг на выручку):

— Не бойтесь, друзья. Мы поможем! — и вдруг...

Гараву почудилось, что маг с конём превратился в большое крылатое существо — птицу не птицу... Взметнулись полы балахона — и его серый перелетел овраг одним могучим прыжком. Более того — кони людей ринулись следом, Гарав еле успел вцепиться в узду и луку седла...

...Жёстко тряхнуло. Мальчишка плотно сжал колени и с изумлением понял, что сидит в седле. Мага видно не было, зато послышался крик Эйнора:

— Гараз слева, Фередир справа — смерть убийцам — дагор, Кардолан!

«УаааарrrrrrPPR!» — зарычал его рог — когда успел схватить с перевязи и протрубить?!

— Даго — о — о — ор!!! — закричал Фередир, склоняя пику. И Гарав подхватил его крик:

— Даго — о — о — ор!!!

...Неизвестно, что подумали хоббиты при виде воинов — людей. Но, конечно, им показалось, что на помощь пришли могучие сверхъестественные силы — Гарав потом долго с удовольствием вспоминал молодое, изумлённое лицо с огромными глазами, в которых обречённая тоска сменилась надеждой на чудо. А Хсан уже нёс всадника дальше — и Гарав понял, что это будет первый его конный бой.

И как бы не последний — на коне мальчишка воевал плохо...

Высокая посадка позволяла вастакам приподниматься и стрелять из лука на скаку во все стороны. Но в конной сшибке посадка кардоланцев — глубокая, с прямыми ногами, прочно упёртыми в стремя — была идеальной для таранного удара. Кроме того, лошади у кардоланцев были мощней вастакских. А расстояние для луков позволяло сделать один залп. Один, да и то — не всем, потому что Гэндальф серым вихрем, в котором сверкали синие молнии, налетел на ближних вастаков.

Эйнор схлестнулся с вастаком, чей шлем был дополнен кольчужной маской и украшен пучком синих и золотых перьев. А потом Гарав получил страшной силы удар в щит и кувыркнулся с коня.

Его спасли сразу несколько вещей. Во — первых, вастак, наслышанный о конной

посадке врагов, явно не рассчитывал, что сшибёт соперника одним ударом — и проскакал ещё полсотни шагов, прежде чем развернулся. Во — вторых, мальчишка умел падать и не покалечился, не выпустил ни щита, ни копья. А в третьих, враг явно не подозревал, как можно драться таким копьём, как у Гарава.

Падение оглушило и разозлило мальчишку. Во всяком случае, он не сделал того, что, по мнению вастака, должен был сделать одинокий пехотинец перед всадником — не побежал. Вместо этого он пригнулся и стал ждать, глядя только на летящую к нему солнечную искру — наконечник хвостатого копья вастака, который скакал полным карьером.

Копьё с треском ударило в подставленный щит. Но в последний момент, повинувшись чутью, Гарав чуть повернул его — и одновременно выкинул вперёд — вверх своё копьё, упирая его в землю тупьём.

Вастак взревел, но коротко и захлёбисто. Войдя под нижний край его круглого щита, широкий наконечник выскочил, пройдя через кожаный доспех, внутренности, почку — наружу — и выбил всадника наземь, проткнутого копьём навывлет. Конь вастака с жалобным ржанием полетел в сторону. Гарав обернулся — как раз вовремя, чтобы увидеть, как валится из седла — по хоббитской стреле в каждом глазу — подскакавший и замахнувшийся на него второй враг.

В двадцати шагах рубились Эйно́р и командир вастаков — видно, они не одолели друг друга копьём и пикой. Гэндальф возвращался с дальнего края луговины. Фереди́р, спешившись, осматривал бок Азара.

— Чёрт, всего один! — досадливо вскрикнул Гарав. — Один всего!

К нему подошёл Хсан. Удивлённо фыркнул — мол, ты куда делся, хозяин, мы так хорошо начали?! Гарав обнял коня, поцеловал:

— Прости неумеху...

Сабля упала из перерубленной над локтем руки вастака. Гарав услышал крик на адунайке:

— Пощады!

— Ты пощадил?! — свирепо прорычал Эйно́р — непохоже на себя, Гараву на миг почудился золотой ореол, окруживший Эйно́ра и превративший юного рыцаря в огромного воина (и было в войне что — то... страшное, если честно...).

И Бар, сверкнув на солнце синей сталью и алым узором, рассёк вастака надвое — от макушки до седла...

...— Смотри, — Фереди́р гадливо показал Гараву наконечник подобранной вастакской стрелы — с двойным шипом. — Не вырвешь сразу, только вырезать из тела... Погань смрадная, хуже орков.

— Не сравнивай даже скверных людей с орками, — сказал Эйно́р. — Что с Азаром?

— Бок поцарапал, в коня били, да я увернулся — знаю их сучью повадку исподтишка кусать...

Эйно́р кивнул. И повернулся к Гараву:

— Кувыркнулся ты знатно.

Гарав повесил голову. Он понимал, что уцелел случайно.

— А вот как ты конного поддел — это смотреть было приятно, — закончил Эйно́р. — В общем, ни хвалить, ни ругать не буду.

— Я научусь... — пробормотал Гарав. Эйно́р махнул рукой:

— Закончили.

Хоббиты между тем собрались вокруг спешившегося Гэндальфа — он казался добрым и терпеливым дедушкой в окружении множества внучат. А между тем этот дедушка зарубил пятерых вастаков — столько же, сколько кардорланцы вместе, даже больше на одного. (Двое было за Фередиром, по одному — за Эйнором и Гаравом.) Впрочем, собрались там только женщины и дети — мужчины ходили по полю. Они потеряли всех пони... и, хотя разбросанные вещи уцелели, среди убитых были четыре женщины и десять детей. Почти все они были либо заколоты в спину копьями, либо зарублены ударом по голове, в лицо — такой удар всадник наносит, уже проскакав мимо бегущего от него пешего — удар назад и вниз, от него почти нет спасенья.

— Сволочи, — сказал Гарав по — русски, увидел маленькую девочку (почти человеческую) с разрубленной надвое головкой. Сплотнул и, присев, стал осторожно обвязывать бинтом из сумки страшную рану, чтобы скрыть её от глаз. — Сволочи, за что они их?! Твари, гады... — он вытер намокшие глаза о плечо и расцарапал лицо жёсткой кожей колета. — С ними так надо, пойти в их земли и с ними так надо со всеми...

— Не говори так, оруженосец... — тихо сказал подошедший Серый Странник. Гарав вскинул глаза:

— Ты знаешь мой язык?!

— Я читаю по твоему лицу, — печально ответил Гэндальф, становясь на колени и опираясь на посох. — Но знаешь... Падение Нуменора началось не с того дня, когда его короли открыто возжелали зла. Нет. С того дня, когда они решили, что обладают единственной правдой — и она так велика и правдива, что не грех принести её и другим людям... да хотя бы и на остриях мечей. Ради их пользы... Твой рыцарь был прав, Гарав, — Гэндальф повёл вокруг рукой, — это — тоже люди. Плохие, злобные, глупые — но люди...

— Это не люди! — запальчиво и яростно крикнул Гарав. — Ты не прав, Гэндальф, это — не люди, и никогда я не соглашусь с этим!

Гэндальф ссутулился.

— Ну что ж, — сказал он тихо и устало. — Каждый идёт своей дорогой, Гарав. Своей. Это и есть милость и право...

Он поднялся и тихо, но заливисто свистнул. Кони вастаков, бродившие тут и там по луговине, наострили уши и стали собираться к магу — в этом было что — то жутковатое. А Гэндальф заговорил, обращаясь к хоббитам — на странном, ни на что не похожем языке. Те внимательно слушали, тоже подходя ближе — гораздо решительней коней, которые одобрительно кивали речи мага. Наконец Гэндальф обратился к Эйнору:

— Рассчитывал я с вами доехать до моста. Но сами видите, малышам моя помощь нужна гораздо больше. Я помогу им похоронить павших и с поклажей добраться до Имладриса... А ты, рыцарь Эйнор, не откажешься ли выполнить мою просьбу?

— Всё, что смогу, — коротко ответил Эйнор, передавая шлем Гараву.

— Отложи ещё ненадолго свой путь на юг. За мостом стоит большой объединённый отряд артедайнцев и кардоланцев. Им командует Арафор сын Арвелега, — Гарав заметил, как брови Эйнора дёрнулись, — и ты передай ему всё, что видел и слышал в последние дни.

— Я сделаю это, — кивнул Эйнор. И не удержался: — Откуда ты знаешь про отряд, Серый Странник?

Гэндальф нахмурился:

— Что сказали тебе в ту ночь, когда принимали в рыцари, Эйнор сын Иолфа?

Эйнор усмехнулся:

— Я понял тебя, — и махнул рукой: — В сёдла, живо!

* * *

При виде отряда у Гарава стало легче на сердце. До сих пор самым большим соединением «хороших парней», которое он видел, были эльфы Фарона, и Гарав где — то в глубине души продолжал побаиваться малочисленности «наших». Но тут...

За мостом, к югу от Восточного Тракта (вот уж насквозь знакомое место...), стояли бесчисленные шатры, полыхали костры — и висел над лагерем ровный шум, сложенный, как из кусочков мозаики, из лязга металла, ржания коней, людских голосов, песен и смеха. Даже издали были видны знамёна — серебряная на синем шестиконечная звезда Артедайна, красные на чёрном Мечи Кардолана — и ещё какие — то: серые с алым орлом и голубые с белым лебедем. Солнце как раз начинало садиться за спинами путников за далёкие теперь Мглистые горы, и его лучи освещали лагерь, придавая многоцветью ясное веселье.

— Здесь Кирдэн! — воскликнул радостно Эйно́р, привстав в стремянах, и по его лицу Гарав понял вдруг: рыцарь всё это время беспокоился и мучился сомнениями. — Лебедь! Хвала Валарам!

— И даже рудаурцы здесь, — Фередир дёрнул Гарава за рукав кольчуги. — Орёл — это герб Рудаура... Тысяч восемь — десять, — оценил он общую численность войска.

— А сколько может выставить Кардолан? — спросил Гарав, пуская коня за рыцарем, Фион которого уже зарысил вперёд. Фередир пожал плечами. Эйно́р ответил, не оборачиваясь:

— Тяжёлой конницы — восемь сотен. Средней — две тысячи. Тяжёлой пехоты — восемь тысяч, лучников — пять. И тысячи две вспомогательных частей... Артедайн может больше; здесь, кстати, считай четверть нашего войска.

— А ополчение? — Гарав посчитал около восемнадцати тысяч, сложил это с — ну, пусть! — тридцатью тысячами Артедайна, округлил до большего, и получившиеся пятьдесят тысяч — хорошо если, только вдвое меньше, чем у Ангмара! — ему не понравились. Эйно́р отозвался:

— Можно созвать. Но его не поведёшь воевать далеко от своих земель.

— Ха, — вмешался Фередир довольно нахально. — У Гондора одной тяжёлой конницы двадцать тысяч! А сколько людей у наших родичей к северо — востоку от Мглистых гор? — про эльфов он не говорил принципиально. — Мы раздавим Ангмар, как улитку! — и дёрнул ногой в стремя, давая воображаемого врага.

Гарав промолчал. Он мучительно старался вспомнить, чем же закончилась история арнорских княжеств? Явно ничем добрым, иначе Арагорн не был бы Бродяжником (телконтаром, усмехнулся мальчишка, вспомнив старого оружейника в Форносте)... но когда? Как?..

...Княжич Арафор, как уже давно сказали Гараву, на своего отца — тот пошёл в бабку — северянку, редкий брак в династии князей Артедайна! — похож не был. В принципе, Гарав подумал бы, что это дальний родич Эйно́ра. Арафору было лет двадцать, не больше; высокий, темноволосый, быстрый, с повелительными жестами и жёсткой речью, он по приятельски приобнялся с Эйно́ром, кивнул оруженосцам, показав рукой, чтобы поднялись с колена и, выслушав короткий рассказ на квэнья, поморщился:

— Они стоят дальше по берегу Буйной и никуда не идут. Две других армии — чуть меньше — напротив Форноста и на севере нагорий, почти у залива Форохел. Четвёртая — в Карн Думе... откуда ты так счастливо выбрался, — Арафор улыбнулся, и Гарав с Фередиром напряглись — им одновременно почудилось в этих словах княжича что — то вроде подозрительного упрёка Эйнору. Но Эйно́р засмеялся, и Арафор весело сказал мальчишкам: — Не поднимайте шерсть на загривках, *titte huani*. Я сказал то, что сказал, и второго дна у моих слов нет... Ты останешься ночевать? — снова повернулся он к Эйнору.

— Нет, благодарю, — покачал тот головой (оруженосцы разочарованно засопели в унисон). — Раз уж меня занесло сюда — загляну в Пригорье... по делам. А оттуда спущусь по Барандуину прямо в Зимру.

— Как знаешь, — развёл руками Арафор. — Нужны деньги или припасы? — Эйно́р покачал головой. — Я провожу вас сам...

...И он правда проводил — не меньше лиги ехал впереди рядом с Эйно́ром (они о чём — то говорили на квэнья), следом — Гарав с Федериром и трое оруженосцев Арафора (двое чуть младше его самого, один — в возрасте Гаравы), дальше — два десятка конных из личной сотни княжича. Оруженосцы тоже не молчали — и Гарав подумал, что, если все они похожи на этих и на Фереди́ра — то, наверное, общаться с ними будет легко, надо только поглубже вникнуть в темы коней и охотничьих собак и привыкнуть, что женщин часто обсуждают вовсе не «куртуазно»... ну а про оружие он и сейчас мог говорить свободно и даже поспорил с одним из оруженосцев насчёт харадримских клинков, про которые тот говорил, что хороших харадримцы просто не привозят — Гарав же был уверен, что и не надо, потому что тамошняя сталь в первый же мороз подведёт. [\[26\]](#)

Потом кто — то в конвое начал песню — древнюю, в которой были слова про то, что «пускай рыдают вдовы, пускай горит земля — шагают легионы Золотого Короля!» На него было зашикали, но Арафор крикнул, не поворачиваясь:

— Пусть!

По выжженной равнине марширует легион!

Мы — воины стальные, потомки Трёх Племян!

Даст дикарям неверным порядок и закон

Наследник Рода Бэора — король Ар — Фаразон! [\[27\]](#)

— гремело в лесу над Трактом...

...— А как княжич нас назвал? — спросил Гарав, когда они разъехались — уже под луной, ущербной, но яркой — на распутье, где от Тракта уводили несколько тропинок — и княжеский конвой исчез в тених. — Это... *titte huani*, — повторил он.

— Щенята, — усмехнулся Эйно́р [\[28\]](#). — Ты обиделся?

— Нет, — пожал плечами Гарав. «Я не обиделся даже на то, что ты меня высек», — хотел сказать он, но не сказал, хотя это было правдой. А Фереди́р не без лукавства спросил:

— Эйно́р, а мы успеем в Пригорье до лоэндэ?

В воздухе свистнул повод, но Фереди́р ловко уклонился, вскочил обеими ногами на седло и крикнул, пружинно выпрямившись:

— Хэй!

Азар прижал уши, всхрипнул и рванул вперёд, унося хохочущего мальчишку, который ещё и пританцовывал на седле. Эйно́р и Гара́в засмеялись.

— А что такое лоэндэ? — спросил младший оруженосец.

— День летнего солнцестояния, — ответил Эйно́р. И замолчал.

* * *

На пятый день пути по Тракту — очень быстрой скачки, можно сказать — они остановились в «Гарцующем пони» в третий раз (Гара́в — во второй). При виде Гара́ва Нарки́сс окаменел лицом и за ужином подал в кружке Гара́ва воду.

Гара́в рассмеялся и попросил прощения...

Впрочем, остановились они вдвоём. Эйно́р объявил, что оставляет Фиона на их попечение и вернётся через три дня. Оруженосцы сделали Уверенные В Правоте Господина Лица и расхохотались только когда Эйно́р ушёл.

Погода стояла совершенно летняя — жара, солнечно и празднично. Пригорье готовилось к дню солнцестояния серьёзно, как готовятся люди к празднику в мире, где праздников вообще — то не очень много. Другое дело, что оруженосцев никто не звал праздновать — они были хоть и уважаемыми, но чужаками, а в этом удалённом месте такие праздники всё ещё носили отпечаток древнейших ритуалов с местами жутковатым оттенком — вроде тех историй, которые любил рассказывать Фереди́р.

Впрочем, они не особо и настаивали на участии. Можно было спать до боли в спине, есть от пуза, фехтовать, стрелять в цель, бороться и драться с Фереди́ром, не носить доспехи, ходить босиком, кататься по окрестностям и купаться в речке — что ещё — то надо? Правда, Гара́в нет — нет да и порывался уточнить, где там Эйно́р и как выглядит его девушка, но Фереди́р махал рукой и делал секретное лицо: мол, не наше дело. Гара́в решил, что и правда — не наше и был благодарен Фереди́ру за то, что неунывающий дружок отвлекал его — наверное, неосознанно, но «конкретно»! — от мыслей о Мэлет. Мальчишка подозревал, что дикая тоска — испытанная во время отъезда и потом ещё несколько раз по ночам, тоска, от которой он один раз изгрыз в лохмотья край ремня — ещё неоднократно вернётся... но — не сейчас. Не сейчас.

Заметил Гара́в и то, как сильно изменился сам (хотелось надеяться, что изменения произошли и в росте, но увы — тайные измерения показали, что это по — прежнему задерживается). Движения стали экономно — плавными, а если нужно было действовать — мгновенными и как бы не зависящими от мыслей. Руки и лицо покрыл прочный тёмный загар того оттенка, который заставляет презрительно фыркать пляжных красавиц — некрасиво! Волосы окончательно выгорели и отросли совершенно по здешней моде — и в светлых лохмах внимательный взгляд мог бы высмотреть седые волоски — немного, десятка два, но они были. Глаза смотрели на мир пристально и жёстко, если только кому —нибудь не удавалось мальчишку рассмешить (чаще всего это был Фереди́р) — казалось, они никогда не мигают. Пашка и раньше был худощав; Гара́в стал похож на скруток жгутов мышц и жил — куда ни ткни, встретишь броню. Ничего туристского в этом не наблюдалось, но — хотя Гара́в и не задумывался о такой глупости — мальчишка легко переломал бы кости двум — трём «качкам» даже постарше себя. На плече так и остался широкий неровно заживший

шрам от сабли вастака. (А ещё два шрама обещали остаться на спине... куда деваться?) Помимо этого мальчишке полюбилось драться — они с Фередиром дрались почти ежедневно, деловито и до крови. Просто так. Ради интереса. Фередир был сильнее, выше и легко перенимал известные Пашке и неведомые здесь приёмы. А Гарав ничего и не имел против...

...Вечер лоэндэ был росный и холодный. Над рекой загадочно колыхалась плотнющая белая шапка тумана. А солнце ещё не зашло, и на чистом небе одновременно можно было видеть его пылающий верхний край, звёзды и почти полную луну. В отдалении шумел уже начавшийся в Пригорье праздник.

Фередир и Гарав вели к реке коней. И своих, и Фиона. Шагали неспешно, хотя роса была холоднющей, а кони нетерпели во фыркали и подталкивали мальчишек в спины. Но оба смотрели в небо, задрав головы.

Первым не выдержал, избавился от очарования, Фередир:

— У меня ноги застыли, — жалобно сказал он. — Давай побежим!

— Нечестно, — заметил Гарав, тоже опуская голову. — Ты ведёшь одного коня, а я двух.

И тут же побежал первым. Хсан и Фион радостно припустили следом, а в хвосте оказался возмущённо завопивший Фередир, который, тем не менее, так и не успел догнать Гарав до берега.

Но, когда он выскочил на песок, готовый высказать всё, что думает о друге и может даже вступить в драку, то увидел, что Гарав стоит неподвижно, глядя прямо перед собой.

— Ти — ше... — слышалось дыхание Гарав. Фередир остановился, выпустив поводья (Гарав уже сделал это, и кони сами по себе тихо вошли в реку и пили закат.)

На речной отмели — точно посередине реки — стояли двое. Лицом к лицу, и перед лицами меж них — сплетённые пальцы рук, словно они замёрзли и грели ладони друг друга своим дыханием. Один был высокий юноша. Вторая — немногим уступавшая ему в росте девушка с волосами как лёгкий и плотный чёрный плащ. Они стояли на песке, и засыпающий мир вращался вокруг них.

— Ганнель, — выдохнул Фередир (у него получилось «Ха — аннээль...»)

— И Эйно́р, — пошевелил губами Гарав. — Давай тихо уйдём.

— Давай, — попятился Фередир. И мальчишки вздрогнули и обернулись, услышав:

— Что стоите тут, ребята? Или вам не время спать? Или, может, впотьмах в прятки вы решили поиграть?

Обернувшиеся в растерянности и даже смущении мальчишки успокоились. За их спинами стоял и широко улыбался невысокий, но плечистый, чуть кривоногий человек, неожиданно ясно видный в сумерках — как будто вокруг него ещё оставался день. Особенно ярко желтели могучие башмаки (и как он подошёл неслышно — в таких тяжелых?!) и синело, словно причудливый фонарик, большое лихое перо на чудной бесформенной шляпе. Короткая, но пышная борода была вроде бы седая, а красное, обветренное лицо, несмотря на морщины — живое и нестарое. Видно, это был кто — то из людей неведомого Гараву Гарвастура. И говорил он странно — как будто стихи читал или пел. Бард, что ли? Мальчишки переглянулись.

— Мы привели купать коней и сами хотели выкупаться, но... — Гарав кивнул на реку. — Говори тише, уважаемый господин, мы увидели их случайно и хотим уйти. Да и тебе незачем на них смотреть.

— Прости, это, конечно, ваша земля, но он наш рыцарь, — добавил Фередир, не

поясняя, кто — «он», и так было понятно.

Краснолицый не обиделся и не удивился. Он лишь посмотрел на островок — спокойно и чуть грустно — чуть — чуть, но явственно, так явственно, что и мальчишки невольно оглянулись: уж не произошло ли там чего нехорошего ^[29]Нет. Эйно́р и Ганнелъ по — прежнему стояли, не двигаясь... А человек сказал, засмеявшись:

— Можно шептать тише мыши — или вовсе словно ночной ветерок. Но сейчас моих слов не услышат, даже если взреву, как горный поток. Не бойтесь, воины — ночь тиха, и будьте спокойны, они слышат лишь свои вздохи... Нам и правда — идти пора. А они простоят до утра... Ну — ка, пошли — а ну? Слышите, ветер в ивах уснул. Да и кони ваши попьют, а потом домой прибегут.

Мальчишки не заметили сами, как пошли по бокам от этого человека. Он вышагивал себе и что — то говорил при этом (Гарав потом не мог вспомнить, что именно, но что — то очень интересное и весёлое). Они как — то сами собой оказались на лесной полянке, где стояли два стога, похожие в лунном свете на какие — то странные палатки. Сопровождающий мальчишек положил руки им на плечи:

— А ну — ка, храбрые воины — вот ложе достойное. Полеза́йте в сено — и спать до утра. А там вас разбудят, как будет пора.

Он подтолкнул мальчишек — и те, зевая, поплелись к ближайшему стогу. Кое — как выскребли себе в нём нору, забрались внутрь — ногами, головами наружу — и уснули, едва успев положить головы на руки...

...Гарав проснулся под утро, когда солнце ещё не встало. Поляну окружали зыбкие белёсые стены тумана. На траве лежала сплошным покровом роса, и по этой росе беззвучно танцевали — кружились, держась за руки и глядя друг другу в глаза, как на реке — Эйно́р и Ганнелъ. А у самого стога сидел, кивая головой и руками водя по струйкам тумана, ночной бард и стояли все три коня; Гараву почудилась музыка, тонкая и прекрасная. Он долго смотрел на этот странный танец и слушал неслышимую музыку, пока не уснул снова...

...А когда уже почти в полдень их разбудил Эйно́р — Гарав так и не смог понять, было ли всё то, что было ночью.

Эйно́р ничего не сказал.

Спросить же сам Гарав просто не осмелился.

Глава 10, в которой Зимра встречает друзей, а княжеская благодарность не знает границ

То, что Эйно́р волнуется, Гара́в заметил не сразу.

Если честно, он обалдел при виде Зимры.

Все трое прилипли к борту корабля — только Эйно́р стоял молча, не сводя глаз с наплывающего города, а Фере́дир буквально отрывал Гара́ву рукав и твердил, захлёбываясь:

— Видишь? Вон порт! Вон смотри — чёрные корабли и красные паруса — хара́дские! А вон под чёрными парусами — это гондо́рские... а, смотри — смотри — смотри — э́льфийский корабль! Вон, гляди! Олло Не́лтиль, это и есть Олло Не́лтиль — а вот это всё — Трёхба́шенная Крепость, нас там ждут и мы там живём! То есть, теперь и ты будешь жить! Гляди, Волчонок, ну гляди же — правда здорово?!

Гара́в кивал заворо́женно. Спору нет, Форно́ст был больше и, пожалуй... величественней, что ли? Но Зимра словно бы взбегала вверх по склонам гор, и среди густящей сочной зелени белели полосы мощёных улиц и алели крыши домов. Казалось, город устремился в небо — и венчает его на высочайшей горе, словно корона с тремя зубцами, белая с жёлтым трёхба́шенная крепость. Море было спокойным, зеленоватым, и корабли на этом фоне казались поставленными на почти ровную ткань изящными модельками...

...Пять дней на речном корабле, тянувшем плоты из строевого леса — в Зимру, а оттуда на верфи в Гондо́р — были скучными. Корабль шёл под парусами и имел в длину не больше двадцати шагов — ложа́сь на носу, человек рисковал уткнуться головой в конские крупы на корме. Пашке помнилось по фильмам, что на плотам плавают люди и даже жгут костры. Но здесь такого не было, хотя хвост из плотов был солидный. Экипаж — три человека — из дельты, похожие на пригорян, но говорившие не на адуна́йке, а на каком — то странном языке, который немного знал Фере́дир — отнеслись к пассажирам с лошадьми совершенно без восторга и примирились с ними только после появления трёх зарни. Учитывая, что как — то заботиться о пассажирах они не собирались — как и причаливать по пути — заработок достался им за просто так.

— Они не любят нас, потому что раньше в лесах по всему Эриа́дору как раз они и жили, — пояснил Фере́дир Гара́ву как — то, когда они сидели на борту, держась за ванты, был вечер, и берега дико медленно ползли мимо. — Везде, повсюду. Мои предки тогда ещё не перешли Мгли́стые горы, а нуменорцы строили крепости на берегу. Потом нуменорцы стали рубить лес... Пригоря́не, дунландцы на востоке и эти вот, жители плавней — они все одного народа. Вообще — то моя семья с ними дружит, но эти какие — то совсем угрюмые...

...Дважды Гара́ву снилась Мэ́лет. Или это были не просто сны, потому что Мэ́лет разговаривала вполне осмысленно, улыбалась и вообще как будто сидела рядом. А один раз приснился Карн Дум. И взгляд Ангма́ра. После этого сна Гара́в проснулся, весь дрожа, и до утра просидел у борта, вспоминая слова Эйно́ра — «он не оставит тебя в покое», как — то так сказал рыцарь. Да что ж мне, до конца дней своих бояться, разозлился он в конце концов. Короче, к утру Гара́в утвердился в двух вещах: Ангма́р следует уничтожить ради его

личной безопасности; в плен на этой войне ему более попадать нельзя...

...И вот она — Зимра. Речной порт

Даже экипаж оживился — то ли от того, что избежится от пассажиров, то ли потому, что скоро продаст груз. Фередир просто ликовал. А Эйно́р... Эйно́р, придерживая рукоять Бара, смотрел на крепость и чуть шевелил губами. Потом встряхнулся:

— Мы собираемся, — сказал он и откашлялся. — Прибыли.

Кораблик подошёл к причалу бортом, ловко сбросив буксировочные концы — плоты продолжали плыть сами по себе — вперёд по течению, туда, где их ждали на берегу и на лодках люди с баграми. Но Гарав не смотрел туда. Придерживая повод Хсана, он свёл его — последним — на берег по колеблющимся сброшенным сходням. Вёл и видел, как пальцы свободной руки Эйно́ра комкают подол куртки.

После пяти дней на палубе хотелось пробежаться. Просто и тупо пробежаться. В воздухе пахло морем и цветами. Пристань была выложена белыми каменными плитами, и люди вокруг — занятые своими делами — были похожи и непохожи на обитателей Форноста. Нуменорцев Гарав почти не видел — большинство были светловолосые родичи Фереди́ра (и, видимо, самого Гарава, если так можно сказать), много встречалось харадримцев. Одеты люди оказались легче и ярче, чем на севере, но в целом похоже.

— Дома, — сказал Фередир и так глубоко выдохнул, что, казалось, подул новый ветер. Словно с этим выдохом он сбрасывал с себя какую — то тяжесть. И Гарав понял, что весёлый и беспшабашный Фередир тоже всё это время таскал на плечах груз страха. Может быть, привычный и обыденный, но...

Неудивительно, что в средневековые люди выросли быстро...

...Гарав сперва думал, что их не встретили и даже немного обиделся — разве их миссия не была важной?! Но буквально при выходе с территории порта (когда Гарав увидел вывеску таверны с изображением рыбы, выглядывающей из кружки с пивом — и хотел уже спросить Фереди́ра — не тот ли это «Пьяный тунец», про которого Фередир говорил в селе, где они встретил гномьего разведчика?) их поджидала группа из десятка всадников — под княжеским флагом, в богатой одежде, рядом с которой потёртая кожа путешественников показалась почти что нищенскими обносками.

— Мы ждали, Эйно́р сын Иолфа, — сказал, раскрывая объятья, рослый атлет, возглавлявший встречающих. — Князь ждёт и сейчас. Поторопимся — весть о том, что ты вернулся, радостна, но увидеть тебя будет ещё большей радостью!

Садясь в седло, Фередир шепнул Гараву:

— Рауд сын Ти́ра, княжеский майордом нас встретил. Великая честь.

— А почему не сам князь? — спросил Гарав, перехватывая повод. Фередир сделал огромные глаза и промолчал, даже слегка отъехав от Гарава, как от сумасшедшего...

... — Удачной ли была поездка? — Рауд улыбнулся Эйно́ру. — Олза извёл отца упрёками в том, что тот не послал его.

— Поездка была разной, — ответил улыбкой Гарав. — И, если бы поехал Олза, сейчас мир был бы иным совсем.

— Ты не встречал в тех местах Серого Странника?

— Я встречал многих, — пожал плечами Эйно́р. — Ох, мудрый майордом... Я сейчас хочу лишь представиться Нарaku и убедить себя, что я вернулся.

— Понимаю, — кивнул Рауд. — А кто твой второй оруженосец?

— Йотеод Гарав Ульфойл, он бежал из ангмарского плена. Достойный и храбрый воин.

— Ну, другого рядом с тобой не может и быть, — убеждённо кивнул Рауд...

...Чем выше вела улица, тем шире она становилась — и тем богаче были дома по её краям. Фередир кому — то махал, с кем — то здоровался, вертелся в седле и шутил с двумя своими ровесниками из свиты майордома. Гарав не обижался, что дружок про него подзабыл — он ведь вернулся к себе... Да и по сторонам смотреть было интересно. Во многих садах вокруг домов журчали фонтаны — небольшие, не такие, как в Форносте. Конские копыта звонко били камень... и вдруг мостовая ухнула вниз, и стоящие по обе стороны моста, ведущего к крепостным воротам, стражи в чёрно — алом спросили:

— Кто идёт?

В ответ Эйно́р протрубил в рог и крикнул:

— Рыцарь Кардолана Эйно́р сын Иолфа возвращается, исполнив долг, чтобы услышать слова князя!

Гарав обернулся, когда они ехали по мосту — кавалькада майордома поотстала, трое путешественников оказались впереди. И у мальчишки захватило дух — отсюда, с вершины Олло Нэлтиль, мир был громадным и поделённым начетверо: синее небо, зелёное море, алые крыши города и изумрудные луга и рощи вокруг него.

— Господи, — вырвалось у мальчишки. Больше слов не было, и Гарав молчал до того момента, когда в гулком каменном дворе мальчишка лет десяти — в чёрно — алом, с кинжалом на золотом поясе — принял поводья Хсана. Эйно́р, спешившийся первым, оправил куртку, коротко глянул на оруженосцев. Рыцарь был бледен, а его голос — позванивал:

— Идите за мной и молчите. Сейчас решится... — он не договорил, но Гарав пробрал морозец, да и Фередир притих...

...Коридор — справа глухая чёрная стена, слева — арочные окна, в проёмах между которыми застыли металлическими истуканами семифутовые гиганты, гвардия князя, опускавшие мечи за идущими — от плеча и вниз, остриём в каменный пол из алых плиток. Собственные шаги били по ушам. Гарав потащивало от напряжения...

...Зал. Справа камин. Спереди — трон. По сторонам трона гвардейцы, у камина — две поднявших головы пса. Всё. Больше никого нет.

Только рыжий человек на троне — в ало — чёрной мантии, на рыжих волосах корона — серебряный обруч, восемь пар золотых мечей. Настоящий меч — обнаженный, длинный — поперёк колен. У человека пронзительные глаза и густая короткая борода.

Мутит всё сильнее.

У Эйно́ра мёртвое лицо. Губы с синевой. Что он... а, да.

Оруженосцы встали на колени по сторонам от Эйно́ра, опустившегося первым. Голос — голос Эйно́ра:

— Мой князь, я вернулся.

— Я вижу, рыцарь, — голос сильный, густой, чуть хриплый, голос командира воинов. — С чем?

— Со словами, которых ты ждал. И многими другими, которых ты не ждал, но которые отвечают твоим мыслям.

Человек откидывается на троне. На лице — радость... и ещё что — то. Кивок.

На лице Эйно́ра живут глаза — серые, сияющие, полные печалью и преданностью. «Князь ему был вторым отцом», — вспомнил Гарав. Эйно́р смотрит на князя так, словно просит у него прощения. За что? Непонятно... В ушах звенит.

Из — за трона бесшумно выступает рыжий — похожий лицом на князя — мальчишка лет шестнадцати. Серьёзный, строгий (а искоса посылает Эйнору подмигиванье), на руках — поднос, большой, тяжёлый, с какими — то мешками не мешками...

— Ты сделал то, что должно, рыцарь Эйно́р сын Иолфа и мой воспитанник, — князь встал. Эйно́р бледнеет ещё больше, хоть это и невозможно. Губы шевелятся... он встаёт в рост. — Теперь и я исполню свой долг — долг воздаяния за храбрость и верность. Фереди́р сын Фаэ́ла, оруженосец.

— Да, мой господин, — Фереди́р вскидывает голову.

Нарак берёт с подноса один из мешков. А, нет, это скорее большой кошель...

— Большее дать могут лишь Валары. Мой долг воздаяния тебе, Фереди́р сын Фаэ́ла, оруженосец.

Фереди́р принял кошель (да, тяжёлый).

— Благодарю тебя, князь Кардолана и мой господин.

— Встань, оруженосец рыцаря Эйно́ра.

Нарак перешёл к Гараву, уже не глядя на поднявшегося рядом с Эйно́ром Фереди́ра.

— Тебя я не видел до этого дня, Гарав Ульфойл, — голос князя... — Но я уже знаю — добрая слава летит впереди воина — что ты не зря был посвящён в оруженосцы Эйно́ром... а это немало, ибо и ранее был он одним из достойнейших моих рыцарей — ныне же скоро станет достойнейшим рыцарем возрождённого Арнора!

Эйно́р тихо ахает, не выдержав. Но Гарав слышит это краем уха.

— Гарав Ульфойл, оруженосец.

— Да, мой господин, — собственный голос кажется Гараву звучащим со стороны.

— Большее дать могут лишь Валары. Мой долг воздаяния тебе, Гарав Ульфойл, оруженосец.

Гарав туповато смотрел на княжескую руку с кошелём. Потом поднял глаза. Он чувствовал, что сейчас заорёт в лицо Нарaku, куда он должен деть всё это — и какое это имеет отношение к тому, что было... что он видел... что, что, чтоoooo!!!

Не крикнул. Но не потому, что испугался. Просто он увидел, что вокруг глаз князя лежит сеточка морщин, а сами глаза — усталые и благодарные. Немолодой уже сильный человек, который держит на своих плечах неподъёмную тяжесть ответственности, просто не знал, чем и как ещё благодарить своих людей. И, кажется, сам понимал, что это немного нелепо.

Гарав сглотнул и сказал тихо:

— Благодарю тебя, князь Кардолана и мой господин.

— Встань, оруженосец рыцаря Эйно́ра, — кивнул князь. — Я отпускаю вас, чтобы вы отдохнули после трудов.

И он уходит. Он просто уходит...

...В тяжеленном, тонком, но прочном кожаном кошеле — даже скорей мешке — с тиснённым кардоланским гербом — Мечами — оказалось пятьсот кастаров. Новеньких.

Жалованье наёмника за двенадцать лет. С лишком. С хвостиком почти в полгода. Или цена небольшого поместья — не с замком, но с домом, с садом, с пахотной землей и даже кое — каким скотом.

Но это было ещё не всё. Там же лежала длинная массивная цепь: золотые плотные звенья, в двух вставлены крупные рубины, огранённые в виде четырёхконечных звёзд, между ними — крест из четырёх ромбиков — сапфиров. Там же был перстень — серебряный

широкий обруч, на нём — серебряная орлиная лапа, сжимающая большой неогранённый изумруд. Там же — два зарукавья для рубахи, тяжёлые, из золота с красивым алым отливом, каждое — украшенное орнаментом — чеканкой и двумя поясками из мелких сверкающих холодными лучиками бриллиантов. Ещё — небольшая серебряная серьга: сложное плетение тонкой проволоки, в сердцевине которого холодно лучился неизвестный Гараву призрачно — фиолетовый камень, казалось, постоянно меняющий форму. И — свёрнутый пояс из алой кожи с янтарными дисками по всей длине через равные промежутки, подвесами для ножен меча и кинжала и массивной золотой пряжкой в виде двух заходивших друг за друга и скреплявшихся накрест мечей.

Но это было не всё. Там был пергамент. Пергамент с печатью и подписью князя. Вязь эльфийского письма, которое Гарав пока так и не выучил.

Эйнор прочёл — голос для Гаравы звучал где — то далеко — далеко — что 25 акров пахотной земли, дубовая роща мерой в два акра и три акра рыбного пруда в нижнем течении Барандуина (тут же был отлично выполненный и отдельно заверенный чертёж с привязкой к большой карте) отныне являются собственностью... и так далее.

Как — то равнодушно и отстранённо мальчишка понял, что... богат. Реально богат.

А перед этим пониманием стояла мысль, что он хочет есть и помыться. И — спать. Спать долго — долго.

Они стояли в коридоре, смежном с тем, что вёл в тронный зал. Стояли и смотрели на подаренное князем — разложенное на широком подоконнике. И тут Гарав прорвало.

— Неужели всё это... всё, что было... — Гарав не пытался сдерживать рыданий, — всё это измеряется рыбным прудом?! — он истерично захохотал, захлёбываясь слезами и запрокинув голову — разом вспомнились все ужасы и мучения, пережитые в этом путешествии, все те моменты, когда не оставалось надежды совсем...

Эйнор ударил его ладонью по лицу — крест — накрест. Дурной, нехороший хохот захлебнулся. Гарав устоял на ногах, поднёс ладони к вспыхнувшим щекам, погладил их. Вытер лицо тыльной стороной правой.

— Спасибо, — поблагодарил он искренне.

— А чего ты хотел? — слегка насмешливо спросил Эйнор. — Чтоб о тебе сложили балладу?

— Хотя бы... — Гарав слабо улыбнулся.

— Так сложи сам, ты ведь умеешь, — серьёзно предложил рыцарь.

— Может, и сложу, — пообещал Гарав не менее серьёзно. — А что получил ты?

— Не важно, — спокойно ответил Эйнор. — Я получил то, что ожидал и на что не смел надеяться.

И больше ничего не стал объяснять.

— А ты, Фередир? — Гарав посмотрел на молчащего рядом друга, который всё это время рассматривал пол под своими сапогами. Тот поднял неожиданно усталые глаза.

— Да то же, что и ты, — он вздохнул. — Только вместо пахоты — выпасы, а вместо рыбного пруда — соляной берег на озере. Я тебе говорил, что у нас кони. Выпасы — это здорово...

Мальчишки долго смотрели друг на друга. И лишь через какое — то время встрепенулись. Сообразили, что они — одни.

Эйнор стоял в десятке шагов, уткнувшись лбом в колонну.

— Тяжела судьба Кардолана, — сказал он глухо. — И я её вестник, оруженосцы. Тяжёл

и этот груз. Идёмте, — он оттолкнулся. — Надо отдохнуть.

Глава 11, в которой Гарав обживается

Комната, которую предоставили Гараву, оказалась одной из смежных с комнатами Эйнора. Гарав, кстати, удивило, что у рыцаря не просто комнаты — а скорей то, что можно назвать «апартаменты». Спальня, кабинет — библиотека, ванная комната с горячей водой и туалетом (не только для него, но и для оруженосцев), оружейная и ещё штуки три вот таких смежных боковых комнат — то ли для гостей, то ли для оруженосцев. Высокие потолки, дверные проёмы — арками с венцами в виде раскрытых бутонов цветов — каменная резьба на стенах — поясами на половине высоты. Всё просторное, а из — за того, что проёмы были большущие и занавешенные вышитыми полотнищами (Пашке это напомнило родные деревенские дома — пятистенки, как ни странно) — казалось ещё больше.

Конечно, сама комната мальчишки была небольшой, чуть ли не меньше той, в которой жил Пашка. Но там — то он её делил с двумя братьями... Низкая кровать — ногами к большому окну без стёкол, но с плотными ставнями — за окном были море и небо, а если подойти ближе — вниз уходили зелёные улицы и красные крыши. Стол — наглухо вделанный в угол, со стоящей на нём лампой (ещё одна — больше — висела под потолком) и письменным прибором: чернильница, перья, палочки чернил, ножик, ёмкость с песком, листы бумаги — не пергамента... Стул — неудобный, с высокой резной спинкой. Странно знакомая — почти современная — вешалка в пол — стены с крюками и распорками на разных уровнях. В другом углу — сбоку от двери — в овальную раковину бесшумно падала из выгнутого бронзового носика струйка воды и стекала вниз. С другого бока — небольшой очаг с кованой чугунной решёткой. Рядом с очагом стоял сундук — резное и полированное тёмно — коричневое дерево отливало глубоким алым блеском. Лёгкое тонкое одеяло, голубоватая простыня, небольшая подушка — всё пахло какой — то горькой травой, и от этого запаха — стоило прилечь — сразу тянуло в спокойный сон.

Комната Гараву нравилась. Он сразу решил, что, если уж доведётся тут, видимо, прожить ближайшие годы, то это не так уж плохо. И есть куда поставить книжный шкафчик. В обязательном порядке. Научится же он в конце концов читать и писать по — здешнему. Да и писать на русском ему никто не мешает. Он аккуратно разложил и развесил вещи, оружие и снаряжение. Садрон положил в изголовье кровати — там оказалась выемка, точно под меч. А над столом прикрепил рисунок — подарок эльфёнка из Имладриса.

Внутрь заглянул Эйнор. Рыцарь всё ещё был бледен, он расчёсывал гребнем мокрые волосы.

— Устроился? Вот и хорошо... — рассеянно сказал он. — Иди мойся и ложись спать.

— Это приказ? — вздохнул Гарав. Эйнор пожал плечами:

— Ну, можешь лечь спать немытый. Но знаешь, в Трёхбашенной живёт человек восемьсот. И чем меньше стирки прачкам — тем легче у них жизнь...

...Конечно, с эльфийскими бассейнами в Раздоле ванная не имела ничего общего. Просто каменная чаша в полу (не очень удобная, круглая, но большая), сбоку от которой торчали два железных рожка с деревянными затычками на цепочках — ледяной и огненно — горячий. Ещё одна затычка торчала в дне ванны. (Позже Гарав узнал, что горячую воду нигде специально не грели — в недрах Олло Нэлтиль били фонтаны кипятка, трубы подводились к ним). Но лучшего, в конце концов, не было и у Пашки (баня во дворе)...

...Минут через двадцать Гарав уже залезал под одеяло. В окно задувал ветерок и слышался очень отдалённый шум города. Мальчишка вытянулся, не сдержав глубокого довольно вздоха, и из соседней комнаты засмеялся Эйно́р:

— Ну вот, теперь слышу, что доволен! — а ещё подальше сонно откликнулся Фереди́р:

— Эйно́р, ты вечером нас разбуди...

— А что будет вечером? — улыбаясь (почему — то стало очень хорошо и спокойно), окликнул их Гарав.

— Бал, — ответил Эйно́р.

Собственно, это было последнее, что слышал оруженосец.

* * *

«Гражданскую одежду» (так подумал про неё сам Гарав) он нашёл на сундуке, когда проснулся. Сел в постели (за окном смеркалось, в соседних комнатах было тихо, а вот где — то вдали играла музыка), потянулся и увидел её.

— Ого, — мальчишка откинул одеяло. Потянулся снова, подошёл к сундуку, какое — то время рассматривал вещи, потом зевнул и стал приводить себя в надлежащий вид. Едва он этим занялся, как занавесь откинулась, и внутрь вошёл зевающий Фереди́р.

— А Эйно́р нас не разбудил, — пожаловался он, — убежал на совет к князю... О, тебе тоже новую принесли?

— Угу, — буркнул Гарав, осматривая себя.

Сказать по чести — он сам себе нравился. Нравилось, что одежда чистая. Кроме того, она была достаточно удобная. И — красивая. Белая рубаха — с длинным подолом, пышными рукавами и широким воротом, верхняя — короткая красная туника, с мечами и вышивкой по подолу, короткому — чуть ниже плеча — рукаву и квадратному широкому вороту без воротника. Красные узковатые штаны, чёрные сапоги из мягкой тонкой кожи — со шпорами...

Мальчишка думал — будет ли удобно нацепить дарёные украшения. Не скажут ли: вот бестолочь неотёсанная, сразу во всё влез, чтобы похвастаться! Но Фереди́р заверил, что это глупость, помог выпустить рукава рубахи из — под зарукавий и осведомился, не хочет ли Гарав проколоть ухо под серьгу?

— А ты что, носишь? — подозрительно оглядел друга Гарав. Фереди́р расхохотался:

— Да нет, конечно! Это нуменорский обычай, почти ушедший. Даже князь не носит. Но дарят серьги часто, тоже в память о старых временах.

Гарав облегчённо вздохнул. Прокалывать уши ему не хотелось — не из — за боли, а просто мужских серёг он не любил никогда.

Зато ожерелье, перстень, новый пояс (с мечом и кинжалом) нашли своё место сразу. Мальчишка удовлетворённо повертелся перед зеркалом — настоящим стеклянным. Отросшие совсем уж непомерно волосы он, не долго думая, стянул сзади в «хвост». Тут так не носили, но не запретят же...

— Пойдём? — кивнул он Фереди́ру. Тот махнул рукой:

— Ты из — за музыки, что ли? Погоди, это так пока... Совет наверняка не кончился. Совсем стемнее — тогда... Пойду тоже оденусь, как подобает настоящему оруженосцу настоящего рыцаря.

Он вышел. Гарав походил по комнатке, потом, чиркая кресалом, зажёл лампу на столе (свет оказался ровный и довольно сильный), присел и придвинул к себе писчие принадлежности. Ради интереса написал на листке бумаги несколько строк — ни о чём, имена, названия мест. Перо было непривычным, но не так чтобы сильно неудобным, только необходимость часто макать его в чернильницу — красивую, бронзовую, сделанную в виде крепостной башни — напрягала немного. Гарав написал логотип группы «Ария», вздохнул. И вдруг, словно на что — то решившись, склонился над листом...

... — Что ты рисуешь? — тихо подошедший переодетый по — праздничному Фередир навалился на спину и плечо Гаравы, с интересом заглядывая под его руки.

— Пашкин — Холл... — усмехнулся Гарав. — Так назову свой дом. Во, гляди.

Он отодвинул подальше лист пергамента, на котором — не без клякс — был старательно выполнен почти готовый чертёж первого этажа и начатый — второго. Тут же были начерканы образцы резьбы — вроде бы смутно знакомые Фередиру... и в то же время — нет. Но красивые.

— Сколько такое может стоит? — поинтересовался Гарав. Фередир почесал нос:

— Ну — у — у... Если пойдёшь в Гильдию Строителей здесь, в Зимре — отдашь все четыре сотни кастаров. Если поищешь умельцев на месте — станет вдвое дешевле, а то и втрое. Но зато тут покажешь княжеский пергамент — и тебе за эти четыреста кастаров и лес выдержанный привезут, и резьбу твою сделают, и вообще всё, вплоть до последней дверной скобы. Заходи и живи.

— Ого, — в Гараве проснулся тамбовский мужичок Пашка, скупой и расчётливый. — Неплохо тут у вас шабашники зарабатывают. Четыреста золотых, воину за такое лет восемь нужно пахать!

— Пах... А, понял. А что ты хотел? Вон как размахнулся! Два этажа, и вширь ого... Волчонок, — Фередир зашептал в ухо другу. — А ты что, ты случайно не эльфийку свою украсть задумал сюда? А что, давай! Я с тобой поеду... И ещё ребят можно найти, запросто...

— Нет, не задумал! — Гарав сердито отстранился. — Покажешь потом, где это место — ну, Гильдия. Гулять, так гулять, без денег не останусь. На крайний случай — продам часть земли.

— Ага, продашь, — засмеялся Фередир, садясь рядом. — Это тебе не theyd, это Княжий Дар Землём. Твоей семье, понимаешь? Выслуженный theyd — да, можно продать. А эту землю у тебя ни купить, ни отнять нельзя — и сам ты её подарить или поменять не можешь. Да ладно, сотня у тебя ещё останется, не обеднеешь. А Гильдию я тебе покажу... Идём, пора идти теперь уже.

— Идём, — Гарав отодвинул листы и встал...

...Оказалось, правда, что ещё не очень — то и «пора». В большущем высоком зале, где горели — частым поясом выше человеческого роста — множество факелов (и было излишне жарко), хотя и собралось не меньше ста человек, но как раз Нарака не было. У дальней стены стояли несколько накрытых столов. Оркестр на возвышении (Гараву вспомнилось «Гнездо кукушки») разыгрывался, а народ разговаривал, разделившись на несколько отчётливых группок. К одной из них — состоявшей из подростков и юношей от 13–14 до 19–20 лет — целеустремлённо двинулся Фередир, бесцеремонно выкликая нескольких человек по именам. Судя по тому, как снисходительно на мальчишку смотрели окружающие, такое поведение тут было в порядке вещей (Гарав убедился в этом немедленно — как раз

вошедший в зал седой мужик в чёрно — золотом заорал на весь зал: «А, наконец — то я вижу тебя, старый хряк!» — после чего ринулся обниматься с тощим, унылого вида — но тут заулыбавшимся — человеком (на хряка совершенно непохожим), женщина рядом с которым мученически возвела очи горе.) Впрочем, Гарав отметил это мельком — на него с любопытством уставились полтора десятка пар глаз — это значило, что предстоит самая неприятная для любого мальчишки процедура знакомства в новой компании, которая определит дальнейшее, так сказать, статусное положение.

Правда, всё оказалось довольно просто. Уже позже Гарав понял важную вещь — собравшимся оруженосцам незачем было кого — то из себя строить, а значит — задирать кого — то для самоутверждения. Даже самые младшие из них отлично знали, что такое человеческая кровь и ноющая от верховой езды в доспехах поясница. Поэтому всё, в принципе, ограничилось пожатиями предплечий и представлением (Гарав запомнил только одного — Карьятту сына Гомбы, да и то потому, что он был харадрим, типичнейший, хотя и одетый по — арнорски) — а потом начался бесконечный разговор: оруженосцы спрашивали, Фередир отвечал. Рушились и горели ангмарские крепости; толпы прекрасных дев с плачем бежали за спасателями, умоляя взять у них самое ценное; орды орков забивались в пещеры при виде отважной тройки; Элронд внимательно прислушивался к советам Эйнора (у Фередира не достало наглости выставить советчиком себя), жалкие морэдайн убегали от одного стука копыт, холмовики возвращались под нуменорскую власть целыми кланами, лично Эру оказывал помощь в самых безумных начинаниях — в конце Гарав поверг Ангмар и разрушил Карн Дум почти до основания.

— Выходит, нам теперь и воевать не с кем, — уныло подытожил веснушчатый пацан — на лицо лет двенадцати, не больше. Остальные скорбно закивали, и Гарав понял, что такой трёп тут никто не оспаривает и не принимает всерьёз — слушают с удовольствием, и сами, небось, при случае не прочь так же трепаться. И точно: один из оруженосцев тут же начал рассказывать, как они неделю назад вернулись из Харада — а там, братцыыыыыЫЫЫ!.. Но что там такого — так и осталось неясным, потому что вокруг началось волнение, все как — то подобрались и раздались по сторонам, стало тихо — и в зал вошёл Нарак в сопровождении сына, Эйнора и ещё нескольких человек — по виду и рыцарей и «гражданских». Никакой особой помпы не было — князь взмахнул рукой с улыбкой (кажется, искренней), громко сказал: «Веселитесь!» — и под грянувшую плясовую — какой — то лихой фолк — повёл по расчистившемуся центру зала красивую, хотя уже немолодую женщину, глядевшую на него тоже с искренней улыбкой. «Княгиня Гваэль», — шепнул Фередир. Хлопнул Гарав по локтю и унёсся.

— Бабник, — сказал презрительно веснушчатый. И дружелюбно предложил Гараву: — Пожуйём?

— Ну пошли, — кивнул Гарав.

Собственно, «пожевать» решила едва ли не четверть из присутствующих. На столах оказалось красное и белое вино в больших открытых чашах из серебра — каждая литров на двадцать; горы фруктов и разное печенье. К сожалению, ничего более серьёзного — а Гарав с утра не жрал и сейчас подумал, что и правда неплохо бы ввести тут в обиход бутерброды. Говорить особо ни с кем не хотелось, мальчишка налил в один из стоявших тут же кубков вина, взял пару печенюшек и кисть винограда и стал наблюдать за окружающими. Женщины тут были в длинных платьях — хотя и глухих, но ясно подчёркивавших талию и грудь, в венцах и ожерельях. Почти все — даже немолодые — очень красивые и вовсе не

выглядевшие угнетёнными средневековыми обычаями. Гарав как раз думал об этом, когда одна из дам — в общем — то девчонка одних лет с Гаравом — подойдя, вполне бесцеремонно поинтересовалась:

— Ты ведь Гарав? Отец был среди встречавших вас утром... Ты полуэльф?

Гарав чуть поклонился. Подоспевшая женщина постарше ответила на поклон:

— Прости Элойду, оруженосец... Она всего во второй раз здесь, а муж рассказывал о вашем возвращении...

Разговор завязался сам собой. Гарав успевал отвечать на реплики и матери, и дочери — похожих друг на друга, красивых, надо сказать. Вопросы в основном касались того, «как там, на севере вообще?» и «как живут в Форносте женщины?» Гарав понял, что местные женщины, несмотря на свободный и довольный вид, умом не блещут. Может, и не все, но явно большинство. Впрочем, видимо, его от них и не требовалось — он не без удовольствия поддерживал пустенький разговор, а потом пригласил девчонку на танец — и она и её мать это вполне одобрили. Танец оказался несложным, что — то вроде английского народного — крутись и крути партнёршу. Музыка — вполне заводная, и Гарав быстро вошёл в ритм. Когда же он «поставил партнёршу на место», ему даже пошумели одобрительно. Это оказалось приятно, и Гарав скрыл довольную — даже САМОдовольную — улыбку за бокалом с вином. «Я тут не сопыюсь?» — подумал он опасливо. Гарав за собой начал замечать, что ему стало нравиться вино, особенно красное. А князь явно поил своих гостей не молодой кислятинкой прямо с пресса.

— Оруженосец! Гарав! — окликнул вдруг мальчишку Нарак. Гарав чуть не уронил бокал — но князь смотрел с улыбкой, и Эйно́р, о чём — то говоривший с Олзой, тоже улыбался.

— Мой князь... — Гарав поспешил к нему, про себя отметив, что произносить это — «мой князь» — было как — то приятно. — Чем могу служить?

— Эйно́р сказал мне, что ты... гм... — князь не очень эстетично почесал рыжую бороду. — Что ты неким необычным образом научился петь. Может быть, ты продемонстрируешь нам своё искусство?.. Ториэ! — поспешно подошёл немолодой мужчина с лютней, с достоинством поклонился. — Подыграй юноше.

— С удовольствием, мой князь, — звучно и почтительно ответил тот, беря лютню. — Напой мотив, оруженосец.

Гарав растерялся. Даже испугался, пожалуй. Он беспомощно огляделся — и понял, что — ужас! — на них смотрят практически все, да и тихо стало. Ну Мэ́глоглор... у — дру — жил.

Однако, отступать было некуда. И как всегда бывало в таких случаях — Гарав немного разозлился. Упрямым жестом вскинул голову...

— Я спою... спою дамам Кардолана — тем, которых я вижу здесь — и всем, кого родила эта земля...

_Слушай_песню_мою,_
_Дева_Первой_Весны..._
_Для_тебя_я_пою_
_Средь_чертогов_лесных._

_Ты_услышь_в_этой_песне_
_Небес_высоту..._
_Будем_вместе_мы_в_мире_

_Творить_красоту._

_Для_деревьев_твоих_
_Я_создам_певчих_птиц,_
_А_в_лесах_поселю_
_Ярко — рыжих_лисиц._

_Для_цветов_полевых_
_Сотворю_мотыльков._
_И_красавцев_лесных_ — _
_Серебристых_волков._

Посмотри — _ночь_кругом,_
_В_небе_звёзды_горят..._
_Лишь_деревья_твои_
_Меж_собой_говорят._

_Взявшись_за_руки,_мы,_
_Словно_дети,_идём..._
_Посреди_звёзд_и_тьмы_
_Мы_с_тобою_вдвоём..._

Гарав только теперь понял, что его очень внимательно слушают. И дело не в том, что Ториэ (удивлённо бросивший на Гарава короткий взгляд) подыгрывает очень умело, нет... До этого он просто пел себе и пел... и думал, что поёт для Мэлет, которой так ни разу и не спел. А теперь понял, что слушают его все... Именно его. Не музыку, а песню...

_ — _То,_что_я_сотворил,_
_Я_тебе_подарю_ — _
_И_однажды_Светил_
_Мы_увидим_зарю._

_Мы_с_тобою_пройдём_
_Через_тысячу_лет._
_И_мы_будем_вдвоём_ — _
_У_любви_смерти_нет... [\[30\]](#)

В мгновенной тишине улыбающаяся — и с блестящими глазами — княгиня Гваэль чуть наклонилась к Гараву и поцеловала мальчика между бровей. Гарав вспыхнул, испуганно дёрнулся, проклиная свою дурацкую способность ярко алеть. А ещё поцелуй напомнил маму... и Гарав спрятал глаза:

— Благодарю... — прошептал он, отступая и не поднимая глаз.

— Бедный мальчик... — негромко сказала женщина Нараку, думая, что Гарав уже не

слышит. — Не помнить своей семьи... а ведь где — то женщина ждёт, надеется... Если бы наш Олза...

Князь свёл брови:

— Дай вам волю — вы их будете облизывать от колыбели до гроба... Оруженосец, ты куда?! — загремел он, сводя брови. — Женщинам ты спел, а мужчинам?!.

...— Вновь сотрясается земля
От топота копыт,
И стонет ветер в ковылях,
И сталь мечей звенит.

Высокий чистый звук рогов
Зовет нас за собой;
Бессчетно воинство врагов,
И страшен будет бой.

Не подведет меня скакун,
И верен мне мой меч,
И будет вязь священных рун
В бою меня беречь.

И сердце рвется из груди
В такт топота копыт,
И страх остался позади,
А конь вперед летит.

Играет солнца на клинке
Безжалостный огонь;
Пока я жив и меч в руке,
Не разожму ладонь.

Ложится под ноги трава,
И ветер бьет в лицо.
Не места жалости словам
В стальных сердцах бойцов.

И рухнул первый враг у ног:
Не я — так значит он,
_От крови алым стал клинок — _
Таков войны закон.

И снова рубящий удар,
И снова звон клинка,
И снова страшный смерти дар
Несет моя рука.

_Пускай_в_безжалостном_бою_
_Хранит_меня_мой_бог._
_Ласкает_меч_ладонь_мою,_
_Зовет_к_победе_рог,_

_И_под_копытами_земле_
_Опять_назад_лететь._
_Награда_сильным_—_побеждать,_
_А_побежденным_—_смерть. [\[31\]](#)

Ох — что тут было!!! Крики загремели отовсюду!

— За алые клинки!

— Дагор, Кардолан!

— Отлично, оруженосец!

— За нового барда!

А Нарак сдёрнул со своего пальца и надвинул на палец Гарава тяжёлый золотой перстень — печатку в виде скалящейся драконьей головы с двумя рубинами — глазами (перстень болтался, туда можно было всунуть второй палец мальчишки):

— За добрую песню об отважных мужах! Хоть пропей — твоё теперь!

От немолчного шума и тут же протянувшихся со всех сторон бокалов Гарав даже ошалел. А вскоре добавил себе обалдения ещё вином (как не выпить хоть по глотку с каждым, кто хочет чокнуться с новым певцом)... и к окончанию бала был в несколько раздрызганном состоянии, хотя и искренне — весёлом. Нет, тут на самом деле было весело! Совсем не так чопорно, как на киношных балах, чего Гарав в душе опасался. В результате до постели Гарав добрался в отличном настроении, хотя и с кружащейся головой, а за окнами уже начинало светать и просыпался город. Эйно́р где — то задержался, а Фереди́р ушёл к себе. С особой тщательностью сложив одежду, мальчишка выдохнул и упал на постель.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Хорошо, мне тут нравится — подумал он и глухо, приятно выключился.

* * *

Юные обитатели дружинного двора, с которыми Гарав свёл шапочное знакомство на балу, были в основном упрощёнными или усложнёнными вариантами Фереди́ра — драчуны, любители женского пола, пересмешники, мастера попеть и попить. В общем — то это оказалось совсем неплохо — с ними было легко. А Гарав не был ни самым младшим, ни самым неловким, ни самым тихим — в общем, его приняли, как своего, почти сразу, после парочки состоявшихся — таки незлых проверок «на вшивость». Если хотелось одиночества — всегда можно было уйти в свою комнату. Можно было купаться в море — одному или толпой, как настроение. Можно — погулять по городу, даже просто без дела. Или — вот что не надоедало — ездить верхом, если не на охоту, то просто так. Если хотелось чего —нибудь нешумного — были среди оруженосцев и молодых рыцарей и такие, как Хеледир сын

Гонда, любитель и, что главное и интересно, настоящий исследователь местных легенд и сказок — или Коль сын Дамбена, с которым можно было говорить о южных землях — о них он знал всё. Большинство людей тут были из северян или йотеод, многие — той же крови, что пригоряне, несколько чистокровных нуменорцев (кстати, один из них был белобрыс и невероятно этим гордился — в чём там дело, Гарав разбираться не стал [\[32\]](#)). А харадрима Карьятту Гарав помнил ещё с бала — весёлый и очень вспыльчивый, но добрый парнишка года на три старше Гарава, он был оруженосцем как раз у Коля, и его семья жила в Зимре уже лет триста или около того.

Обязанности оказались тоже простыми. Ну, не стоит говорить о тренировках с самым разным оружием и без, да ещё в верховой езде (Гарав занимался этим особенно упорно) — кстати, в них никто не обязывал участвовать, но как — то само собой получалось, что даже самые ленивые (а Гарав ленивым не был) уделяли им не меньше шести часов в день. А так — вместе с Эйнором один — два раза в неделю отдежурить полсуток возле князя. И, в сущности, всё. (Нарак, кстати, не на троне оказался простым дядькой — опять — таки вариантом Фередира, только немолодым и значительно поумневшим.) Правда, ещё мальчишку часто приглашали петь — и, если отказывался, не обижались, но расстраивались... а расстраивать людей Гарав не хотел и отказываться перестал.

Кормил своих людей князь щедрейшим образом. Вообще — то есть полагалось четыре раза в сутки. Утром — через пару часов после рассвета — был завтрак, в полдень — второй завтрак, ещё часа через три — четые — обед, и уже вечером, к темноте ближе — ужин. Ну а готовить на кухнях внизу умели отлично, и в огромных количествах подавали по — разному приготовленное мясо, что вызывало у Гарава особенное одобрение. Как — то он, разохотившись, заказал себе, усиленно объяснив и даже продемонстрировав, что это такое, пельмени, получил заказанное — и уже на следующий день «эльфийское блюдо» (неясно, кто вообще решил и сказал, что это блюдо эльфийское...) ел весь двор, а Нарак предложил Гараву жалование повара — в шутку. Шутки шутками, но двое ребят, как — то поевших в городе, давась от смеха, рассказали, что в одной из таверн начали подавать блюдо под названием «Уши оруженосца», и там нет отбоя от желающих. Гарав пожалел об отсутствии тут лицензионных прав. Пельмени же в Трёхбашенной стали готовить нередко...

...Они с Фередиром сходили в Гильдию Строителей, где заказчика встретили весьма почтительно, а когда узнали, что за заказ предстоит — почтительность невообразимым образом переродилась в суховатую деловитость, которая понравилась Гараву куда больше. Он получил на руки расписку за оплату и пергамент, в котором указывалось, что не позднее девяноста дней с момента подписания договора в означенном месте будет стоять дом «по описанию», и в случае просрочек либо обоснованных жалоб клиента Гильдия платит кастар за каждый день сверх срока либо день устранения недостатков. Если честно, Гарав и сам не знал, что он будет делать с домом и зачем он вообще ему нужен. Но о сделанном и о тратах — громадных, что и говорить — не жалел.

Вести с севера приходили странные. Ангмарцы ушли обратно вглубь своей страны, оставив на границах гарнизоны — ну, разве что чуть более усиленные, чем обычно (Гарав вспомнил линию укреплений — достроили её эти гады или нет?) Кроме того, в Рудауре в нескольких местах вспыхнули восстания десятка кланов, таны которых объявили, что подчиняться они не стали бы даже Руэте, а уж с какой стати — северному соседу? В общем, кажется, война откладывалась... А с востока прибыло гондорское посольство, Гарав их видел — высокие мрачные люди, типичные нуменорцы, с гордыми лицами и осанкой

приходили к Нараку...

...Уже второй день уже Гарав сходил в город — чуть не заблудился, но зато наконец — то купил в обнаруженной книжной лавке (страшно смущаясь) что — то вроде здешнего букваря и стал по вечерам разбираться со сложными завитками алфавита, привлекая на помощь всех, кого мог привлечь. Книги тут, кстати, были вообще дорогие — и свитки, и обычные, на пергаменте и на бумаге — разного качества, формата и оформления...

...Скучал ли Гарав? По дому — почти нет; память о прошлом словно ледком подёрнулась, и он теперь почти всё время думал, что прошлое Пашки и правда выдумка. Да и некогда скучать, когда — каменный двор, насмешливые и подбадривающие крики вокруг, и тренировочный меч кажется настоящим, как в книге Лукьяненко. Или когда вечером сидишь на подоконнике (а высота, и дух захватывает, и страшно, и сладко — и заставляешь себя спустить ногу в пропасть и качать ею) и полупоёшь — полуорёшь что — нибудь «солёненькое» или боевое — а снизу орут, чтобы «ещё!»... Или когда скачешь по холмам, и собаки стелются впереди, лают, и все смеются и перекликаются, а потом — выкатывает на небо одурелая луница — и трава начинает пахнуть сумасшедше, так, что соскакиваешь с седла и катаешься по ней...

А вот тоска по Мэлет накатывала временами так жестоко, что мальчишка тихо мычал и садился писать длинные письма — письма, которые никогда не отошлёт, а если бы и отослал — никто в этом мире их не прочтёт. Исписанные листки он складывал в сундук и старался не перечитывать.

Как сбить эту тоску — Гарав не знал. Он надеялся только на время... и одновременно почему — то твёрдо знал, что никакое время тут не поможет. Фередир звал его съездить домой, и Гарав решил, что, если ничего не произойдёт важного и если их отпустит Эйно́р, то в конце лета и правда можно будет навестить семью друга недалеко от плавней...

Глава 12, в которой Гарав покупает рабов и откровенничает со шлюхой

Взгляд настиг Гарава, когда он шёл мимо рынка...

...Когда Гарав узнал, что в Зимре есть рынок рабов — он возмутился. И ужаснулся. А Эйно́р, морща́сь, пояснил, что это рынок в порту, торгуют там харадримы и вастаки — своими же. Но Гарав всё равно там почти не ходил, хотя короткая дорога ко дворцу лежала именно мимо рынка.

А сейчас — пошёл. Спеша и не глядя в ту сторону, где шумел торг...

...Вообще он спустился в город, чтобы купить изюму и апельсинов. В городе несколько лавок вовсю торговали этим добром. Было жарко, ветер не дул, хотя обычно в Зимре было ещё и ветрено. Гарав нацепил тунику на голое тело, а вместо узких штанов натянул просторные из серого некрашеного льна. Он бы с удовольствием вместо сапог обулся в сандалии (в Трёхбашенной в них ходили многие — удобные, только с ремнями возни много), но всё — таки не решился — как — никак, а он оруженосец ближнего княжьего рыцаря. Кстати, свой светлый «хвост» с недавних пор он стягивал серебряным обручем с гравировкой из чёрнёных листьев и стеблей. Изящную вещь передал ему один из пажей — и, хотя Гарав чуть ли не пытал пацана, от кого подарок — тот молчал, как рыба, только сопел и тёр сапогом пол. Посоветовавшись с Эйно́ром, Гарав стал носить удобный обруч. А кандидатур на подарок было аж три — девицы из окружения княгини. Гарав иногда думал, что мог бы при дворе получить неплохую партию. А что? Он уже знаменитый певец. В личном фаворе у князя. Оруженосец одного из лучших рыцарей Кардолана. Не трус. И вообще... Но это были «левые» мысли, насмешка над самим собой, потому что при слове «девушка» умом Гарав видел Мэлет. И только...

...Взгляд остановил его — зацепил, как рыболовный крючок. Натянулась леска — отчаянье, мольба...

Не надо, не оглядывайся, подумал Гарав. И оглянулся, конечно.

Шагах в десяти от него, не больше, стояли двое мальчишек. Чуть постарше его, в драных и грязных кожаных штанах... поддоспешных. Босые ноги у обоих были разбиты в кровь, раны забила смешанная с этой кровью пыль, на щиколотках и запястьях тяжело висели цепи, кольца которых растёрли тело до кровавых ран. Оба мальчишки были пёстрые от синяков и рубцов от плети. Длинные рыжие волосы свалились и потускнели, губы вспухли и стали чёрными — то ли сами кусали, то ли били их по губам.

Мальчишки глядели себе под ноги и стояли, как изваяния. Гарав даже посмотрел вокруг — кто глядел — то? Но тут тот, который стоял слева, поднял голову — и Гарав встретил именно тот взгляд.

Отчаянье. Мольба.

Кругом шумел базар. Тут нет этого слова, но это — базар, пёстрый и вонючий. Ненавистный Гараву своим цветом, запахами, движением, похожим на шевеление червей в навозе.

Мальчишки скорей всего были оруженосцами у ангмарцев — может, у старших братьев и отцов, может — у морэдайн... Они родились в лесах на севере... не были ли они в том

зале, где Гарав не хотел и не умел жить и слышал песню о Детях Волка? Как они попали сюда из честного плена?

Всё это было уже не важно.

Теперь они стояли посреди этой червячной возни и были её частью.

Нечестно, подумал Гарав отчётливо.

Подошедший харадрим полез пальцами в рот тому, который так и не поднял глаз. Рыжий всхлипнул, дёрнулся, но покорно открыл рот и приподнял голову. По его грязным щекам скатывались и падали в пыль и на ноги слезы. Первый потупился. Когда покупатель першёл к нему, мальчишка вскинулся, сжал зубы... но хозяин щёлкнул плетью — просто по воздуху, упруго и звучно — и мальчишка вздрогнул, переступил на месте, открыл рот. Его сосед продолжал плакать, уронив голову.

Да, били, пока не выбили, бессвязно и зло подумал Гарав. Что ж. Из меня бы тоже, наверное, выбили. Даже ещё быстрее, наверное, эти, как видно, сдались не сразу... Если бить долго, можно выбить гордость, честь, веру почти из любого, чем тут гордиться? Мне повезло. Им — не повезло. Их продадут и увезут на одном из чёрных с красными парусами кораблей на юг. А там постепенно забудутся, погаснут и последние вспышки памяти о каком — то ином прошлом... Может быть, только во сне иногда увидится — как волшебная сказка — густой прохладный лес и высокие деревья, в кронах которых вечно живёт ветер...

И вот тут Гарав услышал свой голос — как будто кто — то решительно шёл по щебню, прилязгивая мечом в ножнах:

— Эй, вы, ублюдки черномордые! За обоих — сколько?..

...Мальчишки ели быстро и жадно, давась и не глядя на Гарава. Он сидел напротив и ломал печенье с изюмом, кидал в рот кусочки, пил вино и был зол. Так зол, что руки тряслись и внутри всё вибрировало.

Да, Гарав был зол. Зол до темноты в глазах. Он надеялся, что мальчишек ему не отдадут — и можно будет зарубить НА ХЕР, НА ХЕР ЗАРУБИТЬ!!! — парочку увешанных золото торгашей. Глядя в их бараньи глаза, где в последний миг тупость сменится ужасом. Пластануть от плоской хари до вислой толстой жопы — с треском и брызгами.

Не вышло. Покупатель сам собой испарился. Торгаш посерел и стал делать скидки.

А пацаны заревели. Заплакали навзрыд, сразу оба, все дёргаясь, как от ударов током. И ревели всё время, пока с них снимали цепи. Облегчённо. Гарав оглядывался — не смеётся ли кто. Хрена. Никто не смеялся, никто даже не смотрел в их сторону; вся эта пёстрая вонючая кодла как будто ослепла. Ну понятно... Никому не хочется внезапно раздвоиться.

Садрон просился из ножен и буквально шевелился у бедра, умоляя хозяина (как это там было: «Нуааааааааа... ну — у — уааа — а — а...», да?) Но всё, что Гарав смог себе позволить — швырнуть деньги в пыль. Торговец вежливо улыбнулся, подобрал расшитый подол, встал на колени и стал их собирать...

...Гарав достал купчую. Мальчишки перестали есть, вздёрнули головы, придвинулись друг к другу на скамье.

Гарав начал рвать её. Тихо и свирепо порывкая, начал рвать на мелкие клочки неподатливый пергамент — прямо перед ошалелыми светлыми глазами, перед двумя парами — в них было непонимание... сначала. А потом...

...Конечно, они были рады, что их купил не один из этих чужаков, а свой — ровесник — северянин с бешеными серыми глазами и русым «хвостом» до лопаток. Они были уверены, что северянин купил их, чтоб зарубить на могиле друга или родича. И это было

хорошо, это было просто здорово... Сил сопротивляться после долгой «дрессировки» в бараке — плетью, жадой и кандалами — у них уже не осталось, а тут хотя бы смерть — сразу, от меча, как положено было умирать в том мире, который у них отняли и заставляли забыть со всей жестокостью трусов, получивших власть над храбрыми.

Но северянин накормил их. Разорвал пергамент. Разбросал, расшвырял с непонятной руганью по столу серебро и медь. Не меньше чем на пять марок серебром расшвырял.

И ушёл...

...Мальчишки сидели за столом. И до них медленно доходило, что они свободны.

— Как его хоть звать — то? — прошептал тот, который помладше. — За кого нашим матерям просить Валаров?

— Не знаю, — покачал головой его друг. — Но я другое знаю... когда мы вернёмся — я не пойду больше драться за Ангмар. Я не хочу.

* * *

Женщина, которую он нашёл, была красивой, лет на десять постарше. Нашёл около порта, где таких было немало. Гарав, честно сказать, задавался вопросом, зачем она вообще занялась своим ремеслом — ну не было вроде как в Зимре ничего такого, что могло бы толкнуть женщину на это дело. Но задавался только сперва. Наверное, это вещь вечная, как людской род...

Комната над какой — то корчмой, куда они пришли, была небольшой, но аккуратной, по дороге и в самой корчме никто не удивлялся (Гарав этого ужасно стеснялся) тому, что видел, а женщина оказалась ласковой и необидно деловитой. Это было не как с Тазар — в самый первый раз — и не как с Мэлэт — когда Гарав падал в нежный тёплый свет. Но ему сейчас и не хотелось ни любви, ни чего — то романтического — просто было желание испытать чисто физически то, что испытывал тогда. Физически, и всё. Выплеснуть неистраченное желание убивать, злость, ненависть через другой... гм... кран.

Что ж, он не разочаровался. То ли женщина постаралась, то ли злость помогла — он не знал. Гарав просто лежал рядом с женщиной и переводил дух, и тут она с еле заметной улыбкой спросила:

— Мне рассказать о том, как ты был неподражаемо хорош?

Мальчишка повернул голову и убрал с лица волосы. Ответил тоже улыбкой:

— Да нет, не надо.

— Ну вообще — то ты и правда был неплох, — честно сказала женщина. — Только очень спешишь и ещё мало умеешь. Но это придёт.

— Ты... в общем, ты... — он привстал на локтях. — Ты не это... не получила... да?

Женщина пожала плечами:

— Да что ты, юноша, для меня это просто работа. О таких вещах мы не думаем... по крайней мере, не с клиентами. Но приятно, когда клиент... в общем, когда он такой, как ты. Добрый и молодой. А пришёл ты ко мне злой. Из — за убийств?

— Из — за каких? — Гарав снова опустил голову. Подушка пахла чистотой.

— Воины часто так делают. Идут к женщине, чтобы забыть о том, что убивали. Я думаю, убивать ты умеешь уже лучше, чем любить.

— Да, — буркнул Гарав. — Но я не из — за убийств был злой. Так...

— Ну не хочешь — не рассказывай, — согласилась женщина. — Будешь ещё? Ты заплатил за четыре часа, а прошла всего четверть срока. Или мне вернуть деньги за оставшееся время, и ты пойдёшь?

— У тебя нет детей? — Гарав не ответил на её вопросы, лёг на спину, закинул руки за голову.

— Есть дочь, она живёт... — женщина вздохнула и не сказала — где: — Она не будет заниматься тем, чем я. Её учит шить хорошая мастерица, может быть, дочка откроет свою мастерскую... Это от сабли? — пальцы её коснулись плеча Гаравы. Мальчишка кивнул:

— Откуда ты знаешь?

— Я же говорю — со мной бывает много воинов, я научилась различать — женщина не приставала, не пыталась возбудить Гараву — она просто трогала шрам. — Больно было, мальчик? — тихо спросила она. Гарав поморщился:

— Нет, я не почувствовал... Потом было больно, когда шили... Я хочу ещё... тебя, — он потянулся ближе, сомкнул — но несильно — пальцы на левой груди женщины. — Можно?

— Ты заплатил, — обыденно и необидно ответила она. — Ты сам, или я?

— Я сам...

...После второго раза Гарав уснул, а когда проснулся — женщина всё ещё была в постели. Она смотрела в потолок и не сразу поняла, что и Гарав на неё смотрит, а когда поняла — неожиданно смутилась.

— Ты красивая женщина, — сказал Гарав, словно продолжая разговор, законченный только что. — Зачем? — он не договорил, и так было ясно.

— Так вышло, — отозвалась она, давая понять тоном, что ей неприятен разговор.

— Так вышло... — выдохнул Гарав, снова переворачиваясь на спину. — Да, так вышло... Всё вышло, как вышло... Я пойду. Если там остались какие — то деньги — пусть они будут твои.

Глава 13,

в которой справедливость вызывает тошноту

— Волчонок, вставай!

С этим криком Эйно́р ворвался в комнату Гарава, и тот ошарашено подскочил на постели, уставился на рыцаря.

Было ещё почти совсем темно. Но откуда — то слышались шум, крики, лязг металла. А сам Эйно́р был в одних штанах, но с мечом и кинжалом. За его спиной через комнату пробежал Фереди́р, крикнул кому — то: «Бежим!»

— Что? — Гарав тоже вскочил, стал натягивать штаны, схватил меч.

— Скорее! — Эйно́р дёрнул его за плечо. — На князя напали!..

...Позже Гарав не мог восстановить всех подробностей той схватки. Дрались в коридорах — то тёмных, то освещённых мечущимся факельным пламенем, и длинные клинки высекали острые веера искр, а сражающиеся то и дело спотыкались о тела, раненых, пороги, мебель... «Как страшно люди бьются с людьми», — почему — то то и дело мелькала в голове фраза из толкиеновской книги — и правда страшно, страшнее любых орков...

...Заговорщиков оказалось неожиданно много — в заговор был вовлечён один из капитанов охраны, дежуривший в ту ночь, он подпоил чем — то сонным смену и впустил из города людей. Гарав более — менее стал понимать, что к чему, когда стоял в тронном зале, битком набитом тяжело дышащими людьми — полуголыми, но с оружием — и кто — то бинтовал ему льняной полоской глубокую и длинную рубленую рану на правой руке. Гарав поднял глаза — его бинтовал Олза, сын князя. Поймав взгляд Гарава, Олза подмигнул:

— Спасибо.

— За что? — Гарав покривился — рану пекло и дёргало. Олза рассмеялся и не стал ничего говорить.

В центре зала стояли на коленях — прижатые несколькими руками каждый — трое мужчин, юноша и двое мальчишек возраста Гарава. Все они были ранены, и не по разу, но смотрели на стоящего возле трона Нарака с лютой, неугасимой злобой и без капли страха. В одном из мужчин Гарав узнал Рауда сына Тира, княжеского майордома! А один из мальчишек был его сын, Лоссен.

Прямо возле трона лежал один из пажей Нарака, мальчик лет десяти — двенадцати, Гарав не успел запомнить его имя, а сейчас... мальчишка был разрублен надвое, от плеча до бедра. Нарак поднял голову — до этого он смотрел на убитого пажу — и сразу стало тихо. Бешеным голосом он спросил:

— За что зарубили ребёнка?! За верность?! Отвечайте, скоты!

В толпе прошёл шепоток — многие уже знали, что Нарак и Олза остались живы только потому, что паж, задремавший в зале у камина, среди собак, проснулся от их рычания, увидел входящих людей, успел натравить свору и поднял крик — и был тут же зарублен Раудом.

Сейчас Рауд выкрикнул с такой ненавистью, что от его голоса становилось холодно:

— Ты предатель, Нарак сын шлюхи! Ты продал Кардолан Артедайнскому Выродку и нимри! Будь ты проклят!

Установившаяся было тишина взорвалась, над головами схваченных засверкали мечи, но Нарак вскинул руки:

— Стоять! Стоять... — повторил он и показал рукой на заговорщиков: — Пытать, пока не расскажут всё — кто, зачем, для чего. Сначала этих, — рука князя как бы зачеркнула мальчишек, — на глазах у этих! — он, словно ударяя копьём, поочерёдно показал на старших. — Убрать и начинать немедленно!

Заговорщиков уволокли. Олза хлопнул Гарава по плечу, подвёл к дверям в коридор и показал мечом на лежащего там светловолосого человека с раскрытым лицом и грудью — он был мёртв и неловко скособочился в луже остывшей крови:

— Вот твой удар. Он меня почти достал — и тут ты...

— Не помню, — сказал Гарав...

...Заговорщиков казнили через два дня, утром. Было солнечно и ветрено; ветер — тёплый, сильный — дул с моря. Гарав стоял в переднем ряду слева от Эйнора и смотрел на обтянутый красным эшафот, где стоял один из младших палачей, опираясь на длинный двуручный меч с тупым концом, но до сияния заточенной рубящей кромкой.

Всех шестерых привезли в специальной повозке. Гарав уже знал, что никто из них ничего не сказал — ни когда пытали младших на глазах у старших, ни наоборот. Когда палач применил к Рауду огонь, Лоссен, до этого не издавший ни единого стона — пока мучили его самого — открыл было рот, но отец сказал ему: «Молчи», — и Лоссен молчал, не закрывая глаз.

Шли все шестеро сами — ноги им сохранили и вообще привели в порядок, если так можно выразиться. Но они прошли близко от Гарава, и следы пыток, а главное — неистребимый запах боли — были ему отчётливо видны и ощутимы.

Один за другим — в полной тишине, только упруго хлопали флаги — приговорённые поднялись на помост. Мальчишки помогали идти друг другу, один из мужчин опирался на плечо юноши. Выстроившись в ряд шестеро слушали приговор, который читали громко, отчётливо.

Гарав обвёл взглядом толпу на площади. На большинстве лиц была открытая ненависть к заговорщикам, на некоторых — обычная человеческая жалость... а на некоторых Гарав видел ясно читаемое сочувствие. На немногих — не видел.

Смотреть на казнь ему не хотелось, тяжело было на это смотреть. Но он смотрел, потому что пажа зарубили. И ещё много народу погибло в ту ночь.

Первым казнили Лоссена. Мальчик сам встал на колени, улыбнулся отцу, аккуратно убрал с шеи и подвязал разбитыми руками волосы и обратился к отцу:

— Отец, прощай, — а потом попросил палача — ясно, громко и вежливо: — Пожалуйста, не запачкай волос.

Палач кивнул и ударил. Голова отскочила сразу (толпа выдохнула), и Гарав с отвращением и жалостью увидел, как бьётся тело — раз, другой дёрнулось — и ощутил запах... Это умирающее тело вытолкнуло наружу содержимое кишечника и мочевого пузыря.

Помощник палача поставил голову на специальное возвышение. Волосы не были запачканы...

Второй мальчишка сам не пошёл — забился, отчаянно замотал головой, и его потащили. Гарав закрыл глаза. Нет, он не мог на это смотреть. И открыл их лишь когда казнили Рауда. Этого жалко не было. Что бы он там ни думал и во что бы не верил — за ним стоял Ангмар, и это он обрёл на гибель всех погибших и казнённых людей. Он.

Впрочем, Рауд вёл себя очень достойно. И попросил только одного — позволить поцеловать голову сына.

Ему разрешили.

Потом случилось то, что должно было случиться...

...В свою комнату Гарав вернулся в тяжёлом настроении. Гарав понимал, что для людей, пошедших с оружием против власти, тут, в этом мире, нет оправдания «ребёнок». Но Пашка, его воспоминания, его воспитание — всё бунтовало против этого. Кроме того, он с ужасом вспоминал то, как казнённые пачкали штаны — это превращало смерть в нечто настолько постыдное, что мальчишку начало мутить, когда он вспомнил о том, как его самого чуть не казнил Эйно́р. Зрелище, как он валится вот так же и... в общем...

...в общем, его стошнило в раковину. Плохо обладать развитым воображением. А самое главное — нелепо было спрашивать и спорить о праведности и неправедности суда и казни. По здешним меркам всё было справедливо. И было правым дело Нарака. Что хочешь — то и думай. Как хочешь — так и живи с этим.

Нет, подумал вдруг Гарав, умываясь и фыркая. Не хочу я жить при дворе. Ну его к чёртовой матери. Хоть бы война скорей какая или Эйно́ра куда услали... а выслужу рыцарское звание — сразу уеду.

Он обернулся — как по заказу, вошёл Эйно́р. Буркнул:

— Сапоги мои почисть, Фереди́ра я в город отослал.

— Сейчас, — кивнул Гарав. И спросил тоскливо: — Эйно́р, нам никуда ехать не надо... в ближайшее время?

— Надо, — ответил рыцарь, не спрашивая, в чём дело и чего это оруженосца так потянуло из Зимры.

— Эйно́р! — послышался голос в смежных покоях. — Эйно́р, Гарав тут? — и в комнату бесцеремонно ввалился Олза. — А, ты тут! — он неожиданно смутился (Гарав удивился). — В общем — то я пришёл благодарить... я знаю, что за это глупо предлагать деньги, но — что ещё — то? — он достал кошелёк красной кожи с чёрным тиснением и подбрасывал его в руке. — Вот... ну и ещё — я всё равно твой должник, и в любой момент помогу, чем скажешь и чем смогу... — Олза сердито вздё́рнул голову: — В общем — бери и не вздумай отказаться, я обижусь!

— Я не откажусь, — засмеялся Гарав и, беря кошелёк, пожал предплечье княжича. Тот ответил таким же пожатием и облегчённо вздохнул:

— Ну вот... Эйно́р, ты едешь в город?..

...Так и не спросил, куда надо, но хорошо, что уезжаем, подумал Гарав, валяясь на постели и на животе считая монеты. У Олзы — это знало всё княжество — деньги не держались. И сейчас Гарав вовсе не считал, что стоило платить за спасение княжича в бою — разве это не обязанность? А в кошельке (кстати, он сам по себе был недешёвый) оказалось двадцать два кастара и пятьдесят семь зарни. Мда, в давнем разговоре Эйно́р был прав. При дворе служить доходно. Но...

— Лютню купить, что ли? И играть научиться? — вслух спросил Гарав. — Куплю.

— Покажу, где можно купить, — сообщил Фереди́р, входя. Лоб оруженосца был разбит, и он на ходу промокал его платком. Гарав поднял брови:

— М?

— Я не виноват, что некоторые мужь... люди не понимают разницы между дружбой и прелюбодеянием, — Фереди́р шлёпнулся на кровать и стал стягивать сапоги. — Пришлось прыгать с балкона.

— Прибьют тебя, — лениво сказал Гарав. — И князь скажет, что правильно прибили.

Есть же порт. Зачем тебе замужние?

— Я ценитель не шлюх, а женской красоты, а она не терпит собственников, — Фередир покосился на монеты: — Ого.

— Бери, — предложил Гарав широким жестом. Фередир засмеялся:

— Ну, если правда... Пошли погуляем?

— С такой печатью на лбу только под кроватью прятаться... Кто хоть пострадавший — то?

— Я, — нагло ответил Фередир. — Женщина осталась довольна, а этот старый пенёк — всего лишь торговец рыбой. Да ещё и дунландец! — Фередир скривился.

— Спекулянт, значит, — по — русски сказал Гарав. — Сейчас ещё подведи под свое кобеляченье политическую платформу.

— А? — не понял Фередир.

— Да так, — пожал плечами Гарав и сел (монеты посыпались на постель и пол, зазвенели), обнял колени. — Вот, послушай...

Он не стал петь — он просто прочитал...

_ — Мне приснилась старая сказка... _

_ Знаю, в жизни так не бывает. _

_ В жизни надо ходить с опаской, _

_ Жизнь оплошностей не прощает! _

_ Лишь во сне улетишь далёко — _

_ До реальности через дрему... _

_ О себе говорить жестоко, _

_ Только... всё было по — другому. _

_ Моё зрение почему — то _

_ Свет сиянием не калечил... _

_ Нужно было спешить к кому — то? _

_ Тьма не делала трудной встречу. _

_ Знаки доброго приключения _

_ Возвращение обещали... _

_ Даже рок не имел значенья — _

_ И друзья на подмогу мчались... _

_ Только в жизни — то — всё иначе. _

_ В жизни пламя не греет — губит. _

_ Снег под солнцем весной заплачет — _

_ И тепло так и не полюбит... _

_ Ледяные от снега реки... _

_ Беспощадные ветры буден... _

_ И удача ушла — навеки. _

_ И подмоги не жди — не будет. _

_ Не _бывает_ чудес _на _свете..._
_ Но _так _хочется _в _миг _бессилья_
_ На _мгновенье _поверить _в _ветер,_
_ Что _удачу _несёт _на _крыльях!_

_ В _то, _что _будут _пути _другие,_
_ В _крепость _рук _и _в _солёность _пота..._
_ В _то, _что _самые _дорогие_
_ Вскачь _летят _из — за _поворота... [\[33\]](#)

— Ты что, Волчонок? — тихо спросил Фередир, кладя руку на колено друга. — Ведь это всё неправда, только последний куплет правильный. Разве можно так жить? Это плохие стихи, друг.

— Да? — Гарав посмотрел на Фередира. — Ты счастливый парень... Знаешь, это всё может стать правдой. И эта правда раздавит Трёхбашенную, Федь... Сюда будут водить туристов на экскурсии. Жирных туристов с цифровиками. В тронный зал и в оружейную. Жирных и богатых... а экскурсоводом будет пра — пра — пра... далёкий потомок нашего князя...

— Кого, куда? О чём ты, Волчонок? — не понял Фередир и огляделся. Гарав дотянулся до Садрона и вынул его из ножен.

— Экспонат, — сказал он непонятно, но почему — то Фередиру стало не по себе от этого слова. — Поедем и правда гулять. Только давай не в город. Давай поедем в луга?

— Давай! — обрадовался Фередир, видя, что друг вроде бы закончил говорить нелепости. — Пошли, кони ждут!

Глава 14, в которой Гарав осознаёт, что война очень сложное занятие

Артедайнцы приехали к Нарaku ночью, когда Гарав маялся за партией в «башни» ^[34]с Фередиром — до конца дежурства оставалось полчаса, не больше. Играть с Фередиром было невозможно, потому что он играть толком не умел и не хотел учиться — но считал себя великим мастером. Эйно́р, который, собственно, и научил Гарава этой интереснейшей игре, на предложение партии сказал несколько достаточно грубых слов и уткнулся в какие — то списки, разложенные на столе. Другой рыцарь и оба его оруженосца просто дремали на лавках (а Гарав уже по себе знал, что в таких случаях людей будить чревато).

Нарак вышел из покоев сам, нетерпеливо дёрнул рукой — «сидите!» — и остался стоять посреди караулки, неотрывно глядя на дверь. С ним были — вышли из кабинета, хотя Гарав мог поклясться, что туда они не входили! — новый майордом, двое из трёх сенешалей и — Гэндальф, который нагло не узнал заулыбавшихся было мальчишек. А буквально через минуту в смежных комнатах зазвучали шаги, негромкие голоса; Нарак снова жестом остановил повскакавших было дежурных — и в караулку следом за третьим сенешалем вошли несколько человек, среди которых выделялся один... никогда раньше Гарав не видел Арвелега, но понял, что это — князь. Вместе с людьми были трое эльфов — нолдоров — двое очень похожих на Элронда, но неуловимо моложе, третий — незнакомый, на одежде которого был вышит лист. Вся компания, так и не проронив ни единого слова, вернулась в княжеский кабинет — будто в какой — то странной игре. Гарав хотел было назадавать целую кучу вопросов, но Эйно́р превентивно поднял глаза и с полминуты смотрел на оруженосца, пока тот, вздохнув, не вернулся к игре, так ничего и не сказав.

Когда вернулись в комнаты — предварительно перекусив — стоя на ногах — элем и печеньями — то оба оруженосца завалились спать, а Эйно́р, притащивший с собой кучу бумаг, продолжал разбираться с ними, завалив весь стол...

...Гараву снилась Мэлет.

— Ты не забыл обо мне, я знаю, — шептала и улыбалась эльфийка. — Мой волчонок, мой человек, мой рыцарь... Я буду тебе щитом, но ты — ты живи сам, не хорони себя в печали, слишком глубокой для людской жизни... — голос эльфийки надломился.

— Мэлет, — сказал Гарав. — Я не могу без тебя. Мне плохо без тебя, Мэлет.

— Я есть... — прошептала она и растаяла в серебряном вихре...

...Гарав проснулся с мокрыми щеками. Хмуро оглядел комнату, вытер лицо обеими руками, посопел, потом громко вздохнул и перевернулся на живот, уставился на рукоять меча. Выпростал из — под одеяла руку, погладил рукоять и вздохнул опять. Вот когда начну с мечом разговаривать, подумал мальчишка, тут и капец. Пора сдаваться на Советскую[118 — В районном центре Пашки — Кирсанове — на Советской улице расположен, грубо говоря, дурдом.].

Ему неожиданно вспомнилось: «Подобен катане нефритовый стержень в руках самурая... — и русский перевод: — В умелых руках и хрен — балалайка.» Гарав не выдержал и рассмеялся, потом пнул ногой одеяло и вскочил, выдёргивая Садрон из ножен. Поллюбовался им, пару раз провёл по воздуху — медленно и плавно, словно девушку ласкал

— и вдруг раскрутил молниеносные, незаметно переходящие одна в другую дуги и петли ударов. Вошедший на шум Фередир — в одних нижних штанах — спокойно замер, когда клинок в руке улыбающегося дружка застыл буквально в сантиметре от шеи.

— Хорошее настроение, что ли? — уточнил он, плавно отводя оружие ладонью. Гарав мотнул головой и сморщил нос. — Тогда одевайся, в город пойдём.

— На кой? — Гарав опять полюбовался алыми узорами по клинку.

— По мелочи кое — что надо купить, а потом всё проверять — оружие, коней, вещи, — объяснил Фередир. — А, ты ж спал... Эйно́р так и не ложился, пришёл второй сенешаль — в общем, завтра утром в Форност выступает большой отряд. Мы тоже едем. Куда дальше — я хотел подслушать, а меня выгнали, — видно было, что он от души оскорблён такой несправедливостью.

— Уезжаем? — Гарав опустил меч и огляделся. Ещё вчера он мечтал поскорей покинуть Зимру, а сейчас вдруг стало не по себе возвращаться к походной жизни, да ещё в те края... — А надолго?

— На полгода, я так понял, может — побольше, — Фередир попил «из — под крана», вытер рот ладонью. — Война вроде бы отложилась, так мы сами её начнём... Чего ждать — то? Пока к нам в ворота постучатся?

«Ну оно и к лучшему», — вдруг облегчённо подумал Гарав и совсем успокоился.

— Ага, сейчас оденусь — и пойдём, — кивнул он...

...Оказалось, что по — настоящему готовиться в поход — дело нудное и долгое. Фередир — вот чего за ним не замечалось! — выглядел в этой подготовке настоящим тираном и мелочным приди́рой. Мальчишки проверяли и перепроверяли каждую ерундовину до самого вечера, даже на еду не отвлекались (впрочем, как заметил Гарав по суете в коридорах крепости, точно так же действовали остальные оруженосцы...) Когда Фередир заставил Гараву аккуратно распороть, подрезать и перешить заново «не показавшийся» ему стежок на подпруге Хсана, Гарав было взбунтовался... но Фередир прочёл — неожиданно!

_ — _Не_ было_ гвоздя_ — _подкова_ пропала._
_ Не_ было_ подковы_ — _лошадь_ захромала._
_ Лошадь_ захромала_ — _командир_ убит,_
_ Конница_ разбита_ — _армия_ бежит._
_ Враг_ вступает_ в_ город, _пленных_ не_ щадя,_
_ ПОТОМУ_ ЧТО_ В_ КУЗНИЦЕ_ НЕ_ БЫЛО_ ГВОЗДЯ!_

— и отправился в кузню за подковными гвоздями, а Гарав остался в двойном обалдении: откуда тут английский стишок — и как же он был туп, ведь Фередир прав... Не в философском там каком — нибудь занюханном смысле, а в самом прямом...

...Эйно́р явился в сумерках и тут же нашёл два десятка неполадок, перекосов и нехваток, после чего ушёл снова, бросив, что они идут не в тяжёлой коннице, а ему дали командовать отрядом тяжёлой пехоты. Лицо Фереди́ра вытянулось, он сказал уныло:

— Всё. Будем тащиться в хвосте и нюхать конские задницы. За что ж нас так? — и пнул сумку с овсом.

— А Эйно́р раньше командовал чем — нибудь? — поднял Гарав голову от поножей рыцаря, которые начищал и смазывал. Фередир помотал головой. — Ну и ты дурак. Это

значит, он, так сказать, ногу на командную лесенку поставил. Для проверки — пехота, через пару лет — конница, а там, глядишь, станет сенешалем. А то и майордомом [\[35\]](#). И уже не здесь, а в едином Арноре!

— У?... — Фередир вытаращил глаза и признался: — Не подумал.

— Для тебя это вообще не характерно — думать, — подколот Гарава, и они немного подрались — так, чтобы размяться после таскания, шитья, чистки и сидения на месте.

— Не знаю я насчёт Арнора, — признался Фередир, проверяя обмотку своей пики. — Непривычно... а отец вообще взбесится, он же всю жизнь отдал Кардолану... Я... — Фередир осмотрелся, взял Гарава за плечи и прошептал: — Волочонооок... а я ведь, когда казнили Рауда, я... я... подумал, что...

— Не надо, — ответил Гарава мягко. — Понял я. Но ты же сам был в Ангмаре. Ты видел, что они нам готовят. И поодиночке мы не отобьёмся...

— Я только этим такие мысли и отогнал, — признался Фередир и вздохнул. — Ну ладно. Давай ещё раз всё проверим, поедим и спать.

— Да сколько можно проверять?! — возмутился Гарава, но потом махнул рукой. — Читай по списку, я пока ещё только буквы кое — как выучил...

...В дружинной ели стоя, тех, кто ещё не спал, хватало. Переговаривались негромко. Второй сенешаль Готорн сын Каутона утром уводил на север сотню тяжёлой и три средней конницы, пять сотен тяжёлой пехоты и триста лучников, это уже знали все; недалеко от Зимры к ним должны были присоединиться двести гондорских тяжёлых конников и три сотни средних, набранных из йотеод. По здешним меркам всё это будет целая армия... но никто не знал, что ей предстот делать. Большинство считали, что эта армия соединится со все ещё находящейся у границ Рудаура армией артедайнского княжича. Некоторые возражали, что скорей уж их двинут на Северное нагорье, непосредственно к границе Ангмара. Кое — кто помалкивал — и не поймёшь было, то ли ничего не знают, то ли наоборот — знают слишком много.

— Пойдём спать, — Фередир дожевал мясо, запил последним глотком вина. Гарава кивнул. Как — то странно было думать, что утром он уедет отсюда на полгода... а каким он станет через эти полгода? За четыре неполных месяца он сильно изменился...

...В комнатах было пусто и уже как — то не по — жилому. Гарава проверил сложенные вещи и доспехи, увязанные в чехлы. Просто так, Фередир за день задолбал.

— Не лёг? — слышалось от дверей. Гарава пробурчал:

— Вспомни оно — и вот оно... Не лёг пока. Снаряжение согласно твоим заветам проверяю.

— Я тоже нервничаю, — согласился Фередир. — Да это всегда так. Сколько помню перед походами... — он потянулся, поклацал челюстями. — Кажется, что всё вокруг как — то... почужело, что ли. И всегда думаешь, что не вернёшься.

Гарава удивлённо смотрел на него. Фередир временами его удивлял странными глубокими суждениями. Он подвинулся на кровати, и Фередир сел. Посмотрел искоса. Гарава спросил:

— Ты веришь, что после смерти что — то бывает?

— Не знаю, — вздохнул Фередир. — Там, откуда мои предки... в общем, помнишь, как у фородвэйт представляют себе Эру? Я там посмеялся над ними, а ведь у нас там многие тоже думают, что он какой — то... в общем, кто как представит. Лет двести назад в одном роду — у озера Рун — могущественный и храбрый конунг объявил себя богом. Воплощением

Единобо. Правда! Его звали Вотэйн. Глупо, нота и сейчас кое — кто в него верит... А я — я просто не знаю. Я бы хотел верить, как Эйно. Он глянет на Запад — и лицо светлеет. А я... — повторил Фередир и грустно улыбнолся. — Мне отец как говорил? Рубись, сынок, греби баб, пока не женился, будь верным слову и князю, поменьше думай про «потом». Это я с Эйнором побыл и задумываться стал, а те, у кого рыцари из местных, такими же остались, как я был...

«Много ты задумывался, когда жену у торговца огулял?» — хотел было спросить Гарав... но внезапно понял, что это было бы гадостью. У Фередира было грустное лицо. И Гарав промолчал.

— Зимовать придётся в поле, наверное... — сказал Фередир неожиданно. — Поганое дело, особенно на севере. Один раз зимовали. Позапрошлой зимой, в Эрегионе, в предгорьях... Коней половина пала, траву добыть не могли... у нас болеть люди начали.

— Почему в поле? — удивился Гарав. — Уйдём в Форност...

— Если бы... — Фередир оперся затылком на стену. — Это куда загонят... Тогда я всю зиму не раздевался. Холод, холод, холод... Я мальчишка был совсем. Плакал. Хворост собирали вокруг лагеря, всё дальше уходили дрались из — за него, а рядом волки, прямо доплюнуть можно. Ты ревьешь, хворост тащишь, а они за полы хватают, серьёзно. Один отстал у нас, мы не сразу заметили, обратно бегом, а его доедают... Сапоги разлезлись, и первые, и запасные, пальцы торчат, подошва посекалась вся о камни — кусками от плаща ноги обматывал... Пехотинцы коня у рыцаря убили, съели. Он пошёл, двоих зарубил, а остальные его закололи. Трёх пехотинцев повесили, рядом со мной люди стоят и говорят: «Повезло, не мучаются...» А в тот день сухари раздавали, оруженосцы успели на рыцаря получить, я потом видел — в шатре сидят и лопают, торопятся... крошки с подстилки подбирают и в рот...

Гарав передёрнулся. Фередир вздохнул:

— Война — она такая. Это не втроём по Ангмару ездить.

— Кто вас туда загнал — то? — хмуро спросил Гарав. Фередир хмыкнул:

— Да никто. Пока мы там стояли — орки с гор не совались. Вот и всё.

— Много из лагеря разбежалось?

— Разбежалось? — Фередир непонимающе посмотрел на друга. — Да кто же побежит? Позади же всё — таки свои... деревни, дети, женщины... — он опять вздохнул: — Куда тут побежишь... Ты бы спел, что ли? Да и спать пойдём, а то Эйнор придёт — врежет...

— Ага, — охотно согласился Гарав, откидываясь на подушку. — Вот, слушай...

_Где_сражались_с_тобою_плечом_мы_к_плечу?_
_Ты_не_помнишь?_И_я_позабыл,_
_Помню_я,_ты_ударил_кинком_по_мечу,_
_Что_нацелен_мне_в_голову_был._

_Да,_осталась_зарубка_тогда_на_кинке;_
_Помню,_битва_была_горяча,_
_И_закат_отражался_в_широкой_реке,_
_Алым_блеском_играл_на_мечах._

_Помню,_не_было_вражьему_войску_числа,_

Плыл над полем клубящийся дым;
Помню я, когда в щит твой вонзилась стрела,
Ты сказал: «Ничего, устоим!»

Длился бой, и закатный тускнеющий свет
Утонул в наступившей ночи.
Мы погибли в той битве? А может быть, нет?
Нет ответа, и память молчит.

Как же звали тогда и тебя, и меня,
Кем мы были в те давние дни?
В старых песнях, в легендах звучат имена —
Может, нашими были они?

Что за битва была? — Битва Света и Тьмы.
А когда это было? — Давно.
Вспомнить все не сумеем, наверное, мы,
Но и все нам забыть не дано.

Снова память о прошлом всплывает из снов;
Век иной, но я верить хочу:
Если грянет сражение грозное вновь,
Будем биться плечом мы к плечу. [\[36\]](#)

— Спать, — устало сказал Эйно́р. Он уже с минуту стоял в дверях и слушал. — Спать, оруженосцы. До рассвета не так уж далеко...

...Гараву снились слова. Стихи. Песня. Голос Мэлет — без её лица.

Да хранит тебя то, что в дороге хранить тебя может,
Будет путь, словно скатерть, стелиться по брэнной земле,
Пусть сопутствует честность тебе, чёрная дума не гложет,
И удача за руку ведет по капризной судьбе.

Ветер пусть помогает идти, солнце делится силой,
Дождь поит своей влагой, земля не кидает камней,
А дорога одарит тебя златоносною жилой,
И не будет защиты в пути тебе слова верней. [\[37\]](#)

* * *

Выходившее из Зимры войско провожали ликованием. Народу на улицах, которые вели из города, было полным — полно, несмотря на раннее утро. На ворота — на высоту двадцати

метров — непонятно как взобралась целая компания пацанов, они там только что не танцевали, и кто — то из них вдруг аж завизжал пронзительно, перекрыв начисто весь шум и толпы и воинов: «Пааааааа!!!» — а тяжёлый пехотинец — он шёл в строю недалеко от Гарава — погрозил кулаком.

Гарав засмеялся. Пехотинец поднял голову и сказал сердито:

— Мой средний, паршивец. Я думал, не поднимется так рано — как на дело, его ремнём не вытащишь из постели — то. А тут вон — влез! — и в голосе воина прозвучала явная гордость смелостью сына.

— Будет воином? — весело спросил Гарав, чуть наклоняясь с седла.

— А то как же? — удивился воин и поправил ремень, удерживавший на спине большой миндалевидный щит. — Старший вот, — он мотнул головой, и шагавший рядом молодой — лет 16–17 — парень поднял голову и чуть поклонился оруженосцу. — А двое младших пока что с мамкиной сиськой воюют... А скажи, оруженосец, — он добавил это, помедлив, — мы про Эйнора сына Иолфа много хорошего слышали. Только он ведь пехотой никогда не командовал, а это дело такое...

— Он справится, — ответил Гарав коротко.

— Нуменорец — да не справится, — фыркнул с другого боку Гарав ещё один пехотинец. — Вечно ты, Айгон, хочешь командирами командовать.

Вокруг рассмеялись, сам Айгон тоже посмеялся. А Гарав нагнал Эйнора (Фереди мотался где — то в голове строя, усанный с поручением к сенешалю). Войско как раз выбралось на левый берег Барандуина и сбавило шаг — перешло с парадного чёткого марша на походный, тяжёлый и неспешный. Справа впереди показался между зелёными горбами холмов большой конный отряд, шедший на рысях — и даже отсюда было видно узкие чёрные стяги с Белым Древом и семью звёздами над ним.

— Гондорцы, — сказал кто — то в строю, и это словао полетело сразу во все стороны, перерастая постепенно в: «Гондор, Гондор, Гондор и Кардолан!»

— Гондор, Гондор! — послышались крики со стороны приближающегося отряда. Вперёд вырвалась лента всадников в сверкающих кольчугах, с белыми султанами на шлемах — над ними вилоь зелёное знамя со знаком, в котором Гарав с изумлением узнал одну из разновидностей свастики[122 — Толкиен пишет, что до трагического случая с отцом Эорла Юного Лейодой (да и позже нередко) эмблемой йотеод был не белый конь, а «золотое солнце на зелёном поле». Создатели голливудской киноэпопеи, не долго думая, нарисовали бедным эорлингам на щитах детское солнышко, только что без улыбки и глазок с носиком... На деле нет сомнений, что «золотое солнце», конечно же, одна из разновидностей его стилизованного изображения — свастики.]. Звонкие голоса пяти или шести рогов, перебивая друг друга, летели впереди этих весёлых воинов, не похожих на мрачные суровые колонны гондорских или даже кардоланских панцырников.

— Йотеод, — сказал Эйнор и толкнул Гарава локтем. — Смотри. Вдруг кого вспомнишь... — и крикнул: — Yothejd, hela! Noy oyssa sveyni? Im'sta yothejd! [\[38\]](#)

Несколько всадников — светловолосые, быстрые в движениях — остановили конский бег, загарцевали рядом. Один — с могучими усищами, падавшими на грудь, в чеканной кирасе поверх кольчуги — спросил на адунайке:

— Из плена бежал, так?

— Да, я не помню ничего, — Гарав уставился на усача с настоящей надеждой. — Даже как звали не помню.

Йотеод вглядывались в лицо мальчишки. Кто — то сказал тихо и непонятно Гараву:

— Im manna grett kum Ulvenalle... [39] — но другой ответил тоже на адунайке:

— Да нет, ты похож на семью Ульфнота... — и что — то заорал на своём языке, повернувшись в седле, потом пояснил Гараву: — Год назад у Ульфнотов пропал мальчишка. Видно, орки украли. Ульфноты ходили на орков, тьму порубили, но ничего не нашли, и никого. Может, ты их и есть.

Гарав с искренней надеждой воззрился на подскакавшего молодого парня, в лице которого тоже было что — то неуловимо эльфийское. Вдруг?! Ну вдруг?! Но тот после короткого обмена репликами покачал головой и отъехал. Подозвавший его огорчённо сказал Гараву:

— У его троюродного брата были зелёные глаза...

— Ладно, спасибо... — пробормотал Гарав. Йотеод добавил:

— Но мы ещё спросим. А ты, коли хочешь, приходи к нашим кострам, раз свой.

И они понеслись дальше.

— Вечером отпустишь? — взмолился Гарав. Эйно́р кивнул, следя, как приближается Фередир.

— Сенешаль сказал, что будем меряться по пехоте, — доложил он, осаживая коня. — Пятнадцать лиг в день, и чтоб своих не гнал. Им тяжелей всего.

Эйно́р еле заметно поморщился, повернулся к Гараву:

— Скачи вперёд. Лиг через десять отыщи место, где смогут встать полтысячи человек. Ознаменуй. И обратно. Давай.

— Понял, — Гарав отсалютовал и пустил Хсана галопом...

...Вечером войско располагалось на стоянку вдоль речного берега, длинной полосой. Костры загорались десятками, и в прибрежном лесу тут и там слышались голоса и стук топоров.

Гарав за день от сделанных концов здорово устал, но был горд собой — найденное им место для тяжёлой пехоты похвалил не только Эйно́р, но и второй сенешаль Готорн сын Каутона — он объезжал лагерь и одобрительно хмыкнул. У Гаравы затеплели уши, когда Эйно́р сказал как ни в чём не бывало:

— Это место нашёл мой оруженосец.

А сам вечер выдался холодным, и Гарав вспомнил, что на дворе август... уримэ. Причём уже вторая половина. Чего доброго, и правда придётся зимовать в поле.

Пока Эйно́р обходил лагерь, Гарав ставил палатку, а Фередир кашеварил. Когда рыцарь вернулся, всё уже было готово, и Гарав напрямую спросил:

— Слушай, а зачем мы тащим такой обоз на своей земле?

— А как же иначе? — удивился Эйно́р. — Без обоза не может воевать ни одно войско.

— Святослав воевал, — возразил Гарав. Эйно́р удивлённо посмотрел на мальчишку:

— Кто?

— Ну, князь наш, — ответил Гарав. — Воевал.

— Расскажи, — предложил Эйно́р...

...— Ну, это грабёж, — разочарованно подытожил рыцарь возбуждённый рассказ Гаравы. — Мы так не можем, да ещё и на своих землях. Это так вон — как раз йотеод на чужих землях воюют, им расскажи, им понравится.

— Да и расскажу, — оскорбился Гарав, вставая. — Ты меня всё равно к ним отпустил.

— И кашу мою есть не будешь?! — оскорбился Фередир. Гарав сказал, куда ему нужно

вылить эту кашу и под одобрителный гогот расположившихся рядом панцырников гордо удалился во тьму...

* * *

... — Встану на яру,
Все ветра на сход соберу...
Обниму восход,
встречу
Вольный мой народ
Наш род
Вечен!
Вечен
Наш род!

Помню, батька сажил на коня,
Мне тогда минуло пять вёсен.
Помню плеск убегающих вёсел,
На воде треск чужого огня.

Помню дедов булатный меч,
Как он пел под моею рукой!
Как весною терял покой,
Чуя звон силой налитых плеч...

Слышу свист печенежьих стрел,
Звонкий хохот воловьих жил...
Где я первую кровь пролил,
Где я землю свою узрел...

Как по весне вышел в поле с вечерними зорями
Раззадоренный
Звал её...
Как осушал одним махом чару ведёрную,
Небом полную
До краёв...
Как на пирах упивался речами высокими,
Как ручьём текло
Небо по усам...
Как разгонял облака рукавами широкими,
Приникал к земле,
Слушал голоса...
Приникал к земле,
Слушал голоса...

Тихо, чуть дыша, опустив глаза,
Опустив глаза, бредёт девица.
Против солнышка не видать лица,
Только что — то сердце колотится...
Бредёт босая, да по седой траве,
Прорастая песней в родных сердцах,
Каплют на стерню слёзы горькие.

...Притомилася слава на щитах,
Солнце катится — славой на щитах!!!

От Земли мы род свой вели,
Было честью нам искони,
Лечь во славу родной земли!
А враги — то — да вон они!..

Нынче воронам грядать по нам,
Опочившим средь вольных трав
Так что верны слова были конунга, —
«Сраму мёртвыми не имам!»

— Небо тихо, по — бабьи плакало,
Не жалело горючих слёз...
Боли выпало всем одинаково,
Всех нас ветер снегом занёс...

Как с росой степной путались волосы,
Отражались в глазах облака,
И кричал ветер сорванным голосом,
Через века....

— Встану на яру,
Все ветра на сход соберу.....
Обниму восход,
встречу
Вольный мой народ...
Наш род
Вечен!
Вечен
Наш род! [\[40\]](#)

...И — вопль, рухнувший сразу со всех сторон! Грохот — вскочившие йотеод били в щиты мечами с остервенелыми лицами. И кто — то кричал:

— На наш язык! На наш язык сложу! Все будут петь! Все!!!

Переводя дух, Гарав счастливо улыбался — и только брыкнулся ошалело, когда его подняли на руках и поставили на вскинутый щит. Но тут же засмеялся и раскинул руки — над кострами и над миром...

...В свой лагерь мальчишка возвращался со слегка — приятно! — перекошенным сознанием. Пиво у йотеод оказалось хорошим, что говорить. Шёл и мурлыкал.

Возле лагеря его окликнули часовые и, как показалось Гараву, посмотрели с завистью. В голову закралась опасливая мысль — а что если в походе оруженосцам выпивать нельзя?! Но настроение было слишком хорошим, чтобы об этом думать.

Родственников ему не нашли, но зато было заявлено, что — и не надо, потому что все семьи теперь его родственники, и на этом точка. «А если кто и что, — несколько косноязычно, с акцентом, но убедительно внушал мальчишке один из воинов, — то мы и запалить можем!» Кругом одобрительно шумели, Гарав кивал и обещал, что отныне при дворе князя он лучший друг йотеод — все вместе, каждого в отдельности и их коней — тоже. Уходить не очень хотелось, но пришлось, потому что Гарав всё — таки понимал: завтра (сегодня уже) вставать и ехать весь день. А жаль — начиналось самое интересное, кто — то уже призывал прямиком к походу на Карн Дум (чего размениваться на мелочи?!).

...Укладываясь, Гарав немилосердно потеснил Фередира, пустив в ход пинки и локти, но тот только сонно проворчал что — то и подвинулся. Мальчишка вытянулся под плащом, секунду смотрел в просвеченный луной потолок небольшой палатки — а потом глаза захлопнулись сами собой, и даже шнырявшие под пологом шустрые полевые мыши, одна из которых долго исследовала сопящий нос оруженосца, не могли его разбудить.

Глава 15,

довольно грустная, потому что речь идёт о том, что можно искать жену без любви

Войско подошло к Форносту после двух недель пути — пути навстречу еле заметному, но неоспоримому похолоданию. Всё чаще по утрам небо сыпало дождиком — пока что игрушечным, летним. Всё чаще к вечеру собирались тучи. И всё чаще днём понимался холодненький ветер, который разгонял тучи, но даже солнечный день делал каким — то неуютным.

Армия двигалась то лесом, то через поля мимо деревень, из которых высыпали люди — пожелать воинам доброго пути, а то и подкормить на ходу. Командиры то и дело выуживали из рядов воинов мальчишек (и нескольких девчонок), твёрдо вознамерившихся внести свою лепту в общее дело борьбы с Ангмаром — «патриотов», здорово выпоротых и нередко зарёванных, но всяко — оскорблённых в лучших чувствах — выдворяли по домам. Гараву запомнилось, как один из таких — оставшийся несломленным — в праведном гневе вопил, тыча в него, в Гараву, ногой (за руки мальчишку тащили двое посмеивающихся воинов): «Ему можно?! Ему можно?!»

Недалеко от Пригорья к кардоланцам и гондорцам присоединились три сотни пеших лучников — эльфов из Линдона. Потом — тяжёлая сотня артедайнской кавалерии и три — тяжёлой артедайнской пехоты; это — уже рядом с Форностом.

_Армия_второго_сенешаля_Кардолана_Готорна_сын_Каутона_теперь_насчитывала_230

_—_три_сотни_тяжёлой_конницы;_

_—_шесть_сотен_средней_конницы;_

_—_восемь_сотен_тяжёлой_пехоты;_

_—_шесть_сотен_пеших_лучников_—_

_из_них:_

_Кардоланцы:_1200_чл._

_—_сотня_тяжёлой_конницы;_

_—_три_сотни_средней_конницы;_

_—_пять_сотен_тяжёлой_пехоты;_

_—_три_сотни_пеших_лучников;_

_Гондорцы:_400_чл._

_—_сотня_тяжёлой_конницы;_

_—_три_сотни_средней_конницы_(йотеод);_

_Артедайнцы:_400_чл._

_—_сотня_тяжёлой_конницы;_

_—_три_сотни_тяжёлой_пехоты;_

_Линдонцы:_300_эльфов_

_—_три_сотни_пеших_лучников._

Но по — прежнему оставалось неясным, куда же их двигают «сильные мира сего»...

...Именно в ночь после общего соединения Гараву приснился тяжёлый сон.

На поле в кровавой грязи лежали сотни воинов. Вороны каркали и дрались над трупами под холодным дождём. Он, Гарав, лежал тоже — придавленный мёртвым Хсаном. И смотрел

в небо, с которого в глаза лился холод. А рядом лежал затоптанный в жижу штандарт Кардолана с перерубленным древком. И — возле него, повернув к оруженосцу белое мёртвое лицо, наполовину погрузнув в липкой кровавой каше — замер Эйнор.

Потом к нему подошёл и склонился над ним Ангмар. На лице Короля была усмешка, а глаза смотрели жёстко и внимательно. Они не заворачивали и не пытались заморозить... и Гарав в ужасе понял, что нужен Чёрному Королю в полном сознании. Чтобы полнее ощущать то, что для него приготовлено...

И тогда Гарав сказал:

— Я не боюсь тебя, тварь. Понял? Ты исчезнешь из этого мира, когда придёт твой срок. Так — будет. Что бы ты не сделал со мной...

...И его подхватил серебряный вихрь, в свисте которого слышался грустный голос Мэлэт — и во сне Гарав понимал слова древнего языка...

— Atan... tye nai cuinuva manen atan... er rene, melmelva... er rene... [\[41\]](#)

...Он проснулся. И долго лежал — до подъёма — мучительно думая.

* * *

Когда Гарав подъезжал к «Гнезду кукушки» — небо хмурилось. Напротив двое мужиков ставили в доме новую дверь; спрятав руки под передник, за ними наблюдала сурово — деловитая хозяйка.

Гарава — а точнее, Пашку — поражало, сколько умеют люди вокруг. В сравнении с ними люди — и взрослые и подростки — мира Пашки были полной тупой безручью; они, гордившиеся своими «знаниями»! Пашка — то ещё был довольно рукастым пацаном — он умел очень много из того, о чём и представления не имеют городские ребята. Мог ухаживать за скотиной, чинить мебель, готовить еду и вообще... А здесь сопливый пацан брал нож (и никто вокруг не кудяхтал, что он отрежет себе пальцы!) и вырезал себе или младшим игрушку, причём вполне «товарного вида». Четверо мужиков за неделю ставили одними топорами хороший дом — и кто — нибудь из них потом между делом тем же самым топором украшал дом резьбой, которая в мире Пашки стоила бы пару сотен тысяч. А другой вполне мог всю эту неделю готовить из своего топора сытную четырёхразовую кормёжку. Рыцарь сам, вооружившись шилом и дратвой, спокойно шил сбрую коню из лично загнанной, содранной и выдубленной кожи. Получивший землю крестьянин без агрономов и землемеров соображал, где, когда и что посеять и на какие доли «ловчей» поделить эту землю. Солдат умел убирать урожай, охотиться и ловить рыбу. Крестьянин держал дома топор и лук не только для хозяйства. Удивляло и то, как чистоплотны «грязные средневековые дикари». Да, от них могло разить потом (своим и конским), железом и кровью, но при первой же возможности они не лосьонами и одеколонами поливались, а лезли в воду (даже холодную) — мыться. Тут не придумали зубных паст, но девять человек из десяти таскали в вещах ольховую кору.

И вообще — люди — и большие и маленькие — ежедневно что — то решали, за что — то отвечали, что — то делали руками, о чём — то думали на завтра, на послезавтра, на год вперёд, что — то соображали, куда — то шли... Мир Пашки начинал казаться большущим благополучным болотом, и от этого становился ещё более фантастичным. И, признаться, оруженосец Гарав, по вечерам укладываясь головой на седло, всё чаще вспоминал тот мир с

иронией — разве что его история заставляла мириться с существованием этого убожества хотя бы в фантазии: прочитанное о времени, когда и там было похоже на здесь. А его настоящее к Гараву — Гараву, который умел подковать коня, поддерживать на костре нужную температуру подогреваемой еды, спать на земле, рубиться на мечах — имело всё меньше и меньше отношения...

Но сейчас это были посторонние мысли. Решительно оставив Хсана у коновязи в пустом на этот раз дворе, Гарав пошёл к дому. Ему надо было спешить — Эйно́р дал всего час на личные дела, а войско в город и не входило, лишь задержалось пополнить запасы, оставить заболевших или покалечившихся (были и такие) — да сенешаль уехал во дворец к князю.

...Первый, кого Гарав увидел, войдя в «Гнездо кукушки», был сам Уризан.

Ещё не так давно Гарав начал бы мяться перед человеком втрое старше себя, уверенным и хозяйственным. Но от того Пашки почти ничего не осталось. И сам Уризан в мыслях не держал ничего такого — он без спешки и подобострастия, но уважительно поклонился вошедшему кардоланскому оруженосцу. Указал на столы — в ранний час было ещё пусто в заведении.

— Здравствуй, почтенный Уризан, — сказал Гарав, движением руки отклоняя предложение сесть. — Ты, конечно, не помнишь меня... А разговор у нас будет такой, что либо сразу тебе меня гнать — либо сидеть не здесь.

Уризан ещё раз осмотрел мальчишку и пригласил тем же жестом к лестнице, уводившей не вверх, а вниз — очевидно, в жилые помещения...

...Небольшую комнатку за мощной дверью правильной всего было бы назвать кабинетом. Уризан пододвинул гостю тяжёлый стул.

— Вина или пива, оруженосец? — спросил он. Гарав, сядя, перекинул между колен меч привычным движением, покачал головой и выложил на стол кошелёк.

— Тут сотня кастаров, — сказал он. Уризан посмотрел на кошелёк недоумённо. — У меня есть дом. Большой участок земли. Лес. Пруд с рыбой. И служба, которая приносит доход и славу, смотря что ты ставишь во главу угла... — Гарав перевёл это на адунайк дословно, но Уризан понял. — Если я погибну, всё это достанется моей родне, но у меня тут никого нет. Правда, всё это — в Кардолане на юге. Но думаю, это не имеет особого значения... Так вот... — Гарав собрался с мыслями. — У тебя есть красивая дочь. Она постарше меня, но ненамного. А воину нужна хозяйка в дом. Я не люблю её, но она мне по душе и я клянусь, что не обижу её ни словом, ни делом, ни изменой. Если скажешь «да» ты — это хорошо. Если скажет «да» она — вот золото. Дар жениха родителям невесты. Я знаю, почтенный Уризан, что нарушил все ваши обычаи сватовства. Но мне они и неизвестны толком, а обычаев моей родины я не помню.

— Подожди, оруженосец, — Уризан выставил перед собой ладони. — Постой, ты много сказал, и я... — он потряс головой без наигрыша. — Ты хочешь взять мою дочь в жёны?!

— Да, почтенный Уризан, — склонил голову Гарав. — Я хочу взять в жёны твою дочь Тазар и увезти её на свою землю в Кардолан. И жду твоего решения и слова твоей дочери. Если эти слова будут «да» — на обратном пути я заберу её. Конечно — ещё раз «если» — буду жив.

Уризан покачал головой. Посмотрел в стол. Снова покачал — даже скорее потряс — ею. Вдохнул. И сказал:

— Не любишь её?

— Не люблю, — признался Гарав. — Та, которую я люблю, недостижима.

— Уж не княжна ли? — без насмешки спросил Уризан.

— Эльфийка, — не стал скрывать Гарав, и глаза Уризана сделались почти испуганными.

— Вооон что... Знаешь, как у нас говорят? С эльфом худому человеку встретиться — смерть, а и доброму — радости мало...

— Может, и так, — не стал спорить Гарав. — Мы говорили о твоей дочери.

Уризан помолчал. Гарав видел, что сейчас он считает — и не обижался, и не презирал хозяина «Гнезда кукушки» за это. Ясно было, что мысль о дочери — жене будущего рыцаря и хозяйке своего собственного холла — Уризану нравилась. Гарав почти точно знал ответ... но даже как — то обрадовался, когда услышал:

— Не обессудь, оруженосец... если она сама «нет» скажет — ни с чем уйдёшь. Детьми я торговать не буду... Звать?

— Зови, — сказал Гарав и встал в рост...

...Тазар вспыхнула, как только вошла. И на Гараву после первого быстрого взгляда больше не смотрела. Глядела в пол, и лишь когда отец сказал про «стать женой» — на миг вскинула глаза. И слабо шепнула:

— Да... согласна...

Ну вот и всё, почти с ликованием подумал Гарав. И деловито сказал:

— Тогда я оставляю деньги.

— Деньги пойдут вам, — усмехнулся Уризан. — У нас не платят семье невесты, у нас наоборот — семья даёт приданое... Ты, видно, и впрямь йотеод — это их обычай, платить за невесту muns.

— Почтенный Уризан... — неуверенно продолжил Гарав. — Я бы хотел скорее закончить формальности и отправить Тазар... мою невесту... если это, конечно, не противоречит вашим обычаям, на юг...

— А вот это нельзя, — серьёзно сказал Уризан. — Ты вернёшься, и мы неспеша всё сделаем, позовём всех соседей и исполним все обряды. Да и жена моя в отъезде.

— Тогда пусть деньги всё равно будут у вас, — решительно подытожил Гарав. — И, если я не вернусь — пусть хоть они останутся вам.

— Хорошо, — Уризан убрал кошель. — Но я от души надеюсь вернуть их тебе, оруженосец — вместе с рукой моей дочери...

...Тазар поймала его у выхода из «Гнезда...» Прижалась, уткнулась лицом в коданое жёсткое плечо. И зашептала, глотая слёзы:

— Я знаю... ты не любишь... ты другую... эльфийскую принцессу... но я не в обиде... я только о тебе и думала... я буду тебе самой лучшей женой... ты не люби... ты только будь... даже не рядом... вообще — будь... всё для тебя сделаю... буду не женой... служанкой буду... рабыней...

Гарав мягко отстранил её:

— Ты будешь моей женой, — тихо сказал он и тронул губами висок девчонки, где билась жилка. — И матерью моих детей, и хозяйкой моего дома... и наследницей всего, что я получу. А пока мне пора идти. Прости. Прости...

...На улице всё — таки пошёл дождь. Гарав зашёл в первую попавшуюся лавку — купить белой краски.

Он решил нарисовать на своём щите волчонка. Так захотелось, а запрета тут не было.

Гонец прискакал в лагерь вечером, когда второй сенешаль собрал совет.

Известия, привезённые им, были недобрыми. Орки, перевалив большим числом холмы Северного Нагорья, вторглись из Рудаура и разорили две деревни. Услышав об этом, находившиеся в шатре командиры начали переговариваться — никто не понимал, как это расценивать; орки могли быть просто бандой... и пришли не из Ангмара... Но Готорн не раздумывал долго:

— Отлично, вот и повод, — с жестоким хладнокровием сказал он. На лице сенешаля не отражалось никаких эмоций. — Выступаем немедленно. Будем идти всю ночь...

...Они на самом деле шли всю ночь — по мокрым дорогам, без огней, но довольно быстро. Дул холодный ветер, Гарав кутался в плащ. Они с Фередиром то и дело скакали вдоль пеших колонн — следить, чтобы никто не отстал и не сбился с темпа. «Шагать, шагать!» — покрикивал Фередир. Гарав ничего не говорил и не кричал, он просто проезжал, глядя на воинов, и они подтягивались.

Первую разорённую деревню Гарав не очень запомнил. А во вторую они вошли уже на рассвете — и он видел сожжённые дома, побитую — совершенно без смысла, только из тупой жестокости — скотину, раскромсанные трупы людей и ряд детских голов на кольях плетня на окраине — голов с вырванными, как видно, ещё при жизни, глазами, с содранными скальпами... Голов было сорок три. Они шли мимо этого плетня, и Гарав считал, благодаря небо, что нет глаз.

С глазами было бы страшнее.

Тела нашли подальше, возле большого кострища — изувеченные, с вырезанными кусками мяса. Во всей деревне живы остались три или четыре почти потерявших человеческий облик женщины, и Готорн приказал кому — то (Гарав не видел в толчее — кому):

— Этих добить. Чтобы не было ублюдков, храни нас Валары... А трупы — захоронить, когда пройдёт вся армия. Вся, понял?

Армия продолжала двигаться, хотя и медленней. А вернувшиеся к полудню разведчики — эльфы доложили, что за нагорьем, уже на земле Рудаура, стоит другая армия.

Не меньше восьми тысяч бойцов.

Глава 16, в которой Гарав видит настоящую войну... и она ему НРАВИТСЯ

Их было не восемь, а одиннадцать тысяч.

Впереди стояли вастаки — конные лучники, тысячи полторы. За ними — плотный строй холмовиков, тысячи две. А по флангам кишели две толпы орков, и пеших и волчьих всадников, примерно поровну.

А в тылу армии — где виднелись десятка два тяжёлых коников — вилось на мокром ветру над их головами знамя.

Чёрное знамя с белым мечом, похожим на язык пламени. Появление этого знамени на земле Рудаура значило, что Ангмар уже просто не собирается маскироваться.

При виде мокрого поля, словно пришедшего из того сна, Гарав на миг охватил страх. Но — только на миг. Не больше...

...Они пока не строились — предстоял манёвр, который позже в умных книгах назовут «дебуширование». Орками явно командовал не их вожак и даже не какой — нибудь тан холмовиков. Ангмарцы заперли южанам выход из проходов между холмами на равнину. А их собственный тыл и фланги прикрывал лес. Трём сотням тяжёлой и шести сотням средней конницы Готорна попросту было негде развернуться для атаки или охвата врага. Войско в любом случае должно было понести большие потери от стрел ещё при выходе и развёртывании...

— Засыпят стрелами, а потом вперёд бросят волчью кавалерию — и вся наша средняя конница останется без коней, — пробормотал кто — то из офицеров Готорна. — Вон, смотрите...

Всадник — из йотеод — выскочил на равнину. Он проделывал с конём умопомрачительные трюки, крутил, высоко бросал и ловил пику — и не переставал выкликать на поединок любого желающего. Несколько минут казалось, что вызов останется без ответа — даже вастаки не стреляли. Но потом в строю врагов произошло длинное слитное шевеление — и появился морэдайн на сером коне. Он вскинул копьё и молча поскакал навстречу йотеод. Воцарилось полное молчание... всадники сшиблись с размаху — и йотеод полетел наземь, а морэдайн под восторженный вой ангмарцев пришил его копьём к земле, даже не дав встать. После этого он опять вскинул копьё — словно пронзая холмы — и рысью вернулся к своим.

Под усилившимся дождём осталось лежать тело убитого. Его конь бродил рядом, встряхивая головой, касался ею мёртвого хозяина.

— Плохое начало, — сказал ещё кто — то. Готорн зачем — то поймал на кольчужную ладонь несколько капель и повернулся к офицерам:

— Эсгар.

Подошёл командир эльфийских лучников — высокий синдар без шлема, с волосами, украшенными перьями и заплетенными в уложенные венцом косы.

— Я слушаю тебя, сенешаль.

— Поднимитесь на холмы, — голос сенешаля был резким. — И бейте вастачё... — он оглядел офицеров и усмехнулся жёсткой улыбкой: — Дождь. Сейчас мы посмотрим, как

плоскомордые будут стрелять... Панцырники на фланги, волчатников смять и гнать на остальных орков, а всех вместе — в лес. Кардоланские лучники — в резерве. Средняя конница — за тяжёлой, обойти и взять в кольцо холмовиков. Тяжёлую пехоту в строй, холмовиков раздавить. Наш день! Сигнал!..

...То, что произошло, Гарав понял позже. А в тот момент он — спешившись — стоял в строю одной из сотен и ждал. Он не понимал, что можно сделать в такой ситуации — а вот то, что выходить и разворачиваться для боя под ливнем стрел вастаков и под угрозой атаки орков было самоубийством. Это он тоже понимал. А вот Эйнор понимал ещё что — то... во всяком случае он поглядывал на небо. Какое у него там было лицо под шлемом — не понять. Фередир был рядом с ним — это выглядело обидно, но Гарав понимал, что пока из него конный воин всё ещё плохой, а Фередир справится и один.

Щит у Гаравы был за спиной, а копьё он держал обеими руками. Первая настоящая битва приближалась, а он не понимал, что происходит. Люди вокруг молчали... не все, кто — то переговаривался, кто — то даже напевал.

И вдруг взвыли рога. Несколько, взвыли угрюмо и мощно. А дальше...

...Да, он понял позже. А тогда стало не до мыслей.

Эльфийские лучники и в обычной ситуации стреляли дальше, чем вастаки. И точнее. А теперь... дождь был не страшен их лукам в отличие от луков вастаков. И, когда сверху — эльфы метали стрелы навесом, не целясь, только как можно быстрее — на легко защищённых вастаков рухнул страшный дождь.

Гарав сперва не понял, что это такое. Он просто закрутил головой, слушая тихий, неясный — но в то же время заполнивший всё вокруг — шелестящий звук, перешедший в волну нараставшего свиста. А потом — потом вастаки стали падать. И они сами. И их кони. И все вместе.

Каждый эльф выпускал двенадцать стрел в минуту...

...Наклонившиеся стяги подали сигнал. Мимо разошедшейся пехоты пролетали всадники — тяжело скакали панцырники, сразу на равнине выстраиваясь в два клина, следом, тоже делясь на два потока, но не столь чётких, мчались средние — кардоланцы и гондорские йотеод.

— Выходить, строиться! — заорал Эйнор, и за его спиной стяг наклонился, указывая направление.

Тяжёлая пехота поползла на равнину, смыкая щиты в тангайл — аналог древней славянской «стены». Гарав резко выдохнул и зашагал тоже...

...Впереди была каша. Полная. Она даже бурлила — шевелились те, кто был жив. Вастаки, не выдержав обстрела и вдруг поняв, что они фактически безоружны, а их сабли и копья не смогут ничего сделать ни с тяжёлой конницей, ни даже с идущей и безнаказанно строящейся на ходу пехотой.

«Вперёд, вперёд!» — завывали рога.

Вастаки поняли и то, что стоящие позади них холмовики — они смыкались крепче — их не пропустят. И тогда весь вал уцелевшей конницы рухнул на фланги своей собственной армии.

На фланги — сталкиваясь с волчьими всадниками.

И на эту мешанину — на плечах вастаков — обрушились тяжёлые конники...

...Там, где только что стояла армия, вчетверо превосходившая численностью армию Готорна, остались две тысячи холмовиков, кучка морэдайн с оруженосцами (они так и

стояли на холме, словно тут ничего и не происходило) — да несколько сотен пеших орков, которые сумели понять, что рядом с людьми у них есть шанс, а в бегстве, даже в бегстве в лес — нет. Даже сейчас их было втрое больше, чем наступающих тяжёлых пехотинцев. Но ни холмовики, ни тем более орки не умели держать настоящий строй.

На приближающихся мордах орков Гарав видел страх. На лицах холмовиков — отчаянье.

Он засмеялся. Громко, смех перешёл в вой независимо от его желания. А потом лопнул криком — истошным и вибрирующим, первым боевым кличем в этой атаке:

— Дагор, Кардолан!

Крики «дагор!» и «загарадун!» смешались в рёв. Тяжёлая пехота перешла на тренированный бег — щит к щиту, линия копий словно бы летела впереди.

Гарав крепче перехватил копье — обеими руками. Пошевелил плечами — щит плотно висел за спиной. Толчок страха — резкий, от которого вспотело всё тело — был последним, дальше бояться уже некуда; вот они!

Схватка йотеод с северянами — Пьер Жубер.

Удар в щит тупьём, переворот — укол в горло — фонтан крови; древко под ятаган, толчок — укол в горло — снова кровь... Удар тупьём в колено, рубящий — сбоку по шее... Гарав работал копьём, как триста лет работали штыком его предки, наводя ужас на орды и тьмы, батальоны и полки, на дикарей и цивилизованных врагов. Это была та самая русская штыковая, которой никто не мог выдержать — и никто не сможет выдержать никогда. Гарав демонстрировал неожиданную скупую и страшную эффективность движений — соединив то, что умел Пашка, с Пашкиной же наследственной памятью — и с тем, чем его научили уже здесь. Такого боя копьём тут ещё не видели.

Большинство орков не успевали даже защититься — падали с перерезанным горлом или с пропоротым животом либо пахом. Они стали раздаваться в стороны, и резко порывающий мальчишка в осатанении наверняка попал бы в окружение... но следом за ним двигался, отжимая и кроша орков, вся сотня...

... — Мне что, всё делать самому?! — рыжий холмовик, командовавший орочьим отрядом, на который выскочил Гарав, соскочил с коня, бросив поводья младшему брату — оруженосцу. Ударил себя в грудь, потом — в щит и, раскручивая в правой руке древний каменный молот, побежал вперёд, расталкивая и разбрасывая орков: — Расступись, грязь! Мне, мне, мнеEEEE!!! — его голос перешёл в вой...

...Когда орки раздались, и Гарав увидел перед собой заносящего молот холмовика — из — под шлема вились рыжие волосы, щит прикрывает тело — страх не коснулся мальчишки даже краем. Он торжествующе тонко завыл — вот! Настоящий противник!

Молот с гудением прошёл над его головой. Гарав рубанул холмовика по ногам, но тот подставил щит и обратным движением чиркнул молотом по кожаному колету — это лёгкое, казалось бы, касание, Гарав отбросило на несколько шагов, он еле удержался на ногах.

— Мой! — выкрикнул он, мгновенно восстанавливая равновесие — чтобы никто не влез в начавшийся поединок. Холмовик раскручивал молот, из — под шлема на рыжую бороду поползла пена.

— У — aaaxhXXXX!!!

Гарав уклонился — удар должен был размозжить ему голову и шлем — и уколол копьём в бок — так, чтобы пробить кольчугу. Холмовик крутнулся, отбивая копьё локтем — и Гарав еле уберёг грудь от выпада молотом, который вмял бы грудину в позвоночник.

— RrrryxxxXXXX!

Гарав зарычал в ответ и нанёс три быстрых укола в лицо, перехватывая копьё. Холмовик умело откинул голову, молот в его руке описал стремительную дугу, на миг став невидимым — он собирался переломить оружие противника.

— У — бей! У — бей! Убей, убей, убей, убей убей убейубейубейубей!!! — скандировали вокруг. Все. На нескольких языках. Каждый своему.

— ХrPPPP — aAA!!!

Быстрым движением Гарав оказался сбоку от холмовика. Копьё в его правой руке — тупьём — ткнулось в локоть руки с молотом, и холмовик с рёвом уронил парализованную руку. Всего на миг. Но этого мига Гараву хватило, чтобы левой рукой, сделав стремительный шаг, вонзить кинжал в горло холмовика, в разрез кольчуги. Сверху вниз — и по самую рукоять.

Холмовик взревел, но тут же забулькал, выплёвывая струю крови, щедро залившую шлем, лицо и плечи противника. Шагнул, поднимая молот... и повалился к ногам Гарава.

— Бееееей!!! — провыл мальчишка, взмахивая копьём...

...Плохо помнилось, что было дальше. Он почему — то оказался рядом с Эйнором, который держал в руке вражеский штандарт — склонённый в грязь. Никого из врагов кругом не было.

Гарав с треском содрал штандарт с мечом с древка и, яростно оскалившись, вскинул скомканный в кулаке мокрый шёлк к дождливому небу:

— Вот тебе! — крикнул он хрипло и ликующе. — Эйнор, победа!!! — он встал на колени и подал трофей рыцарю.

— Победа! — отозвался Эйнор.

Это слово перекатывалось над полем снова и снова.

С начала битвы прошло не более получаса...

...От поля разило дерьмом, кровью и мокрой землёй. Гарав ехал неспешно, Хсан, всхрапывая, обходил или переступал трупы. Его в отличие от давно принявшего хозяина запах не мог не тревожить.

Пошёл дождь. Неспешный, холодный, осенний. Впрочем — тут, говорят, и зима больше дожди, не снег. Гарав поёжился — скоро плащ начнёт промокать. Доехать бы поскорей.

В сторону от конского трупа порскнули два орка, только что грызшиеся то ли из — за лошадиного мяса, то ли из — за добычи... точно из — за добычи, над трупом торчала нога с золотой шпорой, а когда Гарав его объехал, то увидел, что это морэдайн в хороших доспехах. Конь, падая (в боку торчал обломок копья, прошедший, наверное, к сердцу), придавил своего хозяина — тоже, должно быть, убитого или смертельно раненого.

Гарав уже отводил взгляд, когда локоть морэдайн пошевелился, и всадник с тихим стоном сделал попытку вытащить ногу.

— Ты жив? — спросил из седла мальчишка.

— Добей, — глухо попросил морэдайн из — под шлема, украшенного крыльями чайки. — Грязные твари... бросили...

Дождь с шипением стучал по его кирасе, украшенной чеканкой кораблей и птиц.

Гарав соскочил наземь. Меч морэдайн — длинный клинок — валялся шагах в пяти. Но получить кинжалом тоже не хотелось, и мальчишка наступил на правую руку морэдайн. Встал на колени и снял с него шлем.

— Тарик?!

— Гарав?!

Несколько секунд мальчишка и молодой мужчина смотрели друг на друга не отрываясь. Потом Тарик дёрнулся... и понял, как он слаб сейчас. На губах морэдайн появилась презрительная улыбка.

— Ну что ж, тебе снова повезло, мой недолгий оруженосец... — сказал он. — Я убил за свою жизнь двоих нимри, двоих проклятых «верных» и пятьдесят шесть ваших, младших прихвостней. Так что мне не стыдно будет уйти...

— А я не считал убитых мной людей, — сказал Гарав тихо. — Их намного меньше, чем у тебя, но мне стыдно за всех них. Даже за холмовиков... Неужели не было у тебя в жизни другой отрады, Тарик сын Нарду, чем считать чужие смерти?

Гарав встал и крикнул:

— Эй, вы, твари, двое! А ну ко мне, если хотите спасти свои вшивые шкуры!

Орки — безоружные и бездоспешные, чтобы легче было драпать — несмело поднялись из — за бугорка неподалёку. Они ждали, когда человек уедет... но теперь не осмеливались послушаться или бежать.

— Мы не хотели есть человека! — замахал лапами один из них. — Это наш командир, Тарик сын Нарду! Возьми его, таркан! Возьми, он дорогой пленный! А нас не трогай, мы хотели есть коня!

— Твари... — процедил морэдайн. — Я говорил, что они просто стадо... — он снова попытался рывком дотянуться до меча — и длинно застонал от боли в придавленной ноге.

— Ко мне, — лязгнул Гарав, и орки подошли — на негнущихся ногах. — Отвалите коня, живо, нечисть.

Сопя и опасливо оглядываясь и ёжась, орки стали возиться с тяжёлой тушей. Наконец Гарав смог помочь Тарику вытащить помятую ногу на свободу и жестом указал оркам — прочь. Те пригнулись и порскнули в дождь, явно не веря своему спасению.

Тарик сел. Кривясь, отстегнул помятую кирасу. И сказал:

— Моя семья не заплатит выкуп тем, кто лижет зад нимри. Даже если вы отошлёте меня домой по кускам.

— Ты хотел мне помочь там, в Карн Думе, — сказал Гарав. Дождь пошёл сильнее. — Я ведь видел, рыцарь Тарик. Ты правда меня жалел. Я даже несколько раз думал потом — чтоб Ангмар тебя не казнил.

— У него слишком мало нас, нуменорцев, — тихо ответил Тарик. — Он умеет ценить верность. И твою верность он бы тоже оценил.

— У меня лишь одна верность, Тарик, — покачал головой Гарав. — И я дорого заплатил за свою слабость и свой страх. Дороже любого выкупа, что мог бы дать ты... Кто ждёт тебя дома?

— Мать, — ответил рыцарь. — Больше нет никого. Я не видел её шесть лет.

Эти слова у него явно просто вырвались, потому что в следующий миг его лицо окаменело высокомерной и жёсткой маской.

Гарав усмехнулся в лицо морэдайн — ставшее растерянным. Отдал салют. И, взяв Хсана на повод, пошёл прочь.

* * *

Деревня холмовиков в полулиге от поля была брошена. Эйно́р с оруженосцами — а точнее, подсуетившийся раньше всех Фереди́р — оккупировали один из домов, где ещё горел очаг. Эйно́р — с совета у сенешаля — и задержавшийся на поле Гарав добрались туда как раз когда Фереди́р вешал над входом свой щит и гавкал на двух других оруженосцев, которые убрались, увидев рыцаря...

...Когда оруженосцы, «поухаживав» за рыцарем, помогли друг другу стащить доспехи и разделись — Гарав горько захихикал.

Да, доспехи защищают. Конечно. От многого. Но если тебя бьют по щиту — на руке будет синяк. Будет, даже если ты Илья Муромец. А если тебя больше часа лупили острыми железками и тяжёлыми палками по всему телу, стараясь при этом не очки заработать, а незамысловато убить...

В общем — то, Гарав знал это уже давно. Но сейчас всё выглядело особенно роскошно.

После короткого спора мальчишки решили, что шедевр красоты — на спине у Фередира, где отчётливо и очень красиво отпечатался рисунок кольчуги — после удара чем — то, чем — он не помнил. У Гарава самым серьёзным повреждением было явно сломанное слева ребро; кто и когда его этим наградил — тоже не помнилось. «Желающих было много», — как философски заметил пострадавший, вызвав одобрительные кивки Фередира.

Ну и конечно, теперь всё это начало болеть. Тянуще и надоедливо. А после обработки мазью заболело ещё сильнее, и мальчишки забрались под плащи на лавку — голова к голове — и долго возились, ойкая и устраиваясь удобнее, пока Эйно́р со своего места не заметил, что если они сейчас же не умолкнут, то он преодолеет муку, проснётся по — настоящему и встанет, после чего они оба о своих болячках надолго забудут и все их мысли сосредоточатся на горящих задницах.

Гарав закрыл глаза, и битва вновь рухнула на него — громом, криками, запахом крови, пота и дерьма. Но он слишком устал, чтобы это могло помешать уснуть.

* * *

Тяжёлой пехоте был поставлен приказ взять деревню холмовиков, куда, по данным, полученным от пленных, свезли воинскую казну разбитой армии. Лучники — и люди и эльфы — уходили в лес с каким — то ещё заданием, Гарав не вникал — с каким, но подозревал, что на помощь танам, поднявшим восстание против Ангмара. А вся конница — массой — шла вдоль укреплений — сбить гарнизоны налётом с тыла и поджечь всё, что может гореть.

После этого предполагалось резко уйти на юг, к Заверти — оторвавшись от новой ангмарской армии, которая наверняка бросится в погоню — наказать пришельцев за наглый рейд.

Всё это Гарав узнал утром, за завтраком, когда болело и мозжило всё тело, а еда не лезла в глотку. Но он давно уже научился заставлять себя есть — если надо.

Глава 17,

в которой Гарав сводит старые счёты

Смешно.

Деревня холмовиков, где находилась войсковая казна, была та. Та самая, через которую весной гнали рабский караван. Гарав понял это не сразу, а когда понял — ему и правда стало смешно...

...Подойти скрытно не удалось — да, как видно, Эйно́р и не слишком на это рассчитывал. Но, так или иначе, когда дозорные высунулись на опушку рощи, в них полетели со стен несколько дротиков и топоров, послышались крики и улюлюканье — ворота деревни были заперты, над частоколом едва ли не чаще брёвен торчали шлемы и просто рыжие головы и поднимались дымки. В ответ на предложение открыть ворота с обещанием не тронуть ничего, кроме складов, над частоколом появились сразу несколько голых задниц и послышался громогласный дружный хохот.

— Почему все люди считают это оскорбительным? — удивлённо спросил Гарав стоявший рядом эльфийский лучник. Гарав смутился и пожал плечами молча.

Если честно, он думал, что начнётся что — то типа осады. Но вместо этого Эйно́р буквально с ходу расставил на опушке эльфов и приказал им стрелять в любое шевеление на частоколе. Одну сотню вместе с Фереди́ром отправил готовить лестницы и таран, одну оставил в лесу поглубже, а ещё трём приказал готовиться к атаке — на ворота и по частоколу с двух сторон.

— Передайте людям — не жечь ничего, кроме складов, — жёстко говорил Эйно́р. — За поджоги — повешу. Не убивать тех, кто не сопротивляется, не добивать раненых. Кто поднимет на них руку — повешу. Казну вывезти. Кто запустит руку в казну — отрублю руку. Ценности в домах и женщины — ваши. Но скот не бить, увижу — выпорю. Всё. Готовиться к атаке.

Сотники получали распоряжения молча и тут же уходили к своим; металлические струйки потекли через лес вроде и неспешно, но неостановимо.

— Пойдѐшь с сотней Хенгиста, — сказал Эйно́р Гараву как бы между делом. Оруженосец кивнул и стал привязывать Хсана к ближайшему дереву...

...Когда закрытые со всех сторон щитами коробки десятков стали выползать из леса тут и там, а к воротам бросился строй, прячущий в глубине таран, защитники деревни поняли, наверное, что им конец. Атакующих было, должно быть, больше, чем вообще людей в селении. Но, как всегда бывает, если речь идёт о родных домах, холмовики принялись защищаться с мужеством отчаянья. Эльфы били без пощады и почти без промаха. И тем не менее то тут то там над частоколом поднимались люди, чтобы с воплями метнуть в наступающих дротик или топор. Когда же южане подошли ближе — в дело пошли копья, камни и кипяток...

...До частокола Гарав добрался в сердцевине десятка, со всех сторон закрытый большими щитами — он даже ничего не видел, только слышал сопение людей вокруг, гулкие удары, да ещё думал, как бы не споткнуться и не упасть. Но потом внезапно словно дверь открылась — и прямо перед ним оказалась первая ступенька грубой лестницы; выше уже взбирались двое латников, и кто — то подтолкнул Гараву в спину, хрипя испуганно и азартно:

— Давай, вперёд, оруженосец!!!

Справа лестница подломилась и рухнула, латники с руганью катились под откос вала, одного пришили к земле брошенный дротик. Справа кто — то лишился руки — отрубленной когда она схватился за частокол; наверху мелькнули два женских лица, перекошенных, как у фурий, и на воинов обрушился кипяток из чана — потом полетел и сам чан, одной из женщин стрела угодила в горло, а вторая не удержала тяжёлую посудину.

— Дерррррржиии!!! — зарычали — завывали внизу, и Гарав понял, что лестницу стараются оттолкнуть какой — то рогатиной. Он навалился всем телом, прижался к дрожащим жердям.

— Лезь, лезь! Держим!

Лезший первым уже был на самом верху и с рыком отмахивался мечом от тычущихся в броню копий. Второй вдруг зашатался и повалился вниз, едва не смяв Гараву — в голову ему угодил угловатый кусок гранита. Стиснув зубы и почти ничего не соображая от страха и возбуждения, мальчишка пролез выше, закрываясь щитом. В щит грохнуло, Гарав в голос выматерился — и с лестницы, мгновенно примерившись, прыгнул через частокол — едва не надевшись на верхушки кольев. Щитом толкнул в спину одного из нападавших на латника — и тот попал на меч — рубанул второго холмовика поперёк спины, не глядя... Латник перелез через частокол, они с Гаравом встали слева — справа, на настил уже лезли новые и новые.

— Ворота выбили!!! — раздался чей — то вопль. Гарав увидел, как внизу и справа в деревню врываются, прыгая и спотыкаясь на трупах и обломках, воины. От леса спешила резервная сотня. Холмовики тут и там начали прыгать вниз — храбрые, но недисциплинированные, они бежали к своим домам, чтобы защищаться там порознь — не понимая, что это уже конец для всех. Мальчишка столкнул щитом в спину повернувшегося к нему задом холмовика и махнул вниз.

Он удержался на ногах. В ворота как раз вбегал во главе десятка латников Фередир, крикнул:

— Живой?! Мы к хранилищу!

— Ага! — ошалело тьякнул Гарав. Но сам рванул не к хранилищу — а просто в никуда, следом за группой латников.

Воины врвались в один дом за другим, вышибая двери. Почти каждый раз вслед за этим слышался более или менее продолжительный лязг стали и свирепые крики, сменявшиеся жалобными воплями. Схватки шли и в проулках и даже кое — где на крышах. Но всё было предрешено — латников и правда было больше, а защитники оказались разделены на множество мелких группок.

Гарав пробежал мимо дома, возле которого корчился приколотый копьём к плетню мужчина с топором в руке. Рядом лежал зарубленный латник и пытался встать мальчишка лет десяти — у него была почти отрублена правая нога под коленом и распорот живот. Левой рукой мальчишка запихивал в себя внутренности, смешанные с землёй, а правой сжимал охотничье копьё. Из дома двое воинов за руки выволакивали истошно кричащую раздетую женщину, следом ещё один волок, пятась задом, сундук. Гарав вильнул, оббегая их — в сторону шарахнулась ещё одна женщина, прижимавшая к себе ребёнка (второй, постарше, молча цеплялся за её подол).

— Бегите, убегайте! — крикнул им Гарав, забыв, что они могут и не понимать адунайку. Почти сразу на него кинулся здоровенный мужик — с копьём наперевес; в долю секунды Гарав узнал человека, который весной хотел выкупить его на дороге недалеко отсюда.

Сейчас он собирался Гарава убить. Оруженосец ловко подставил и повернул щит, выбросил вперёд — вверх Садрон — холмовик всей массой наделся на клинок и рухнул к ногам парня; Гарав наступил на тело и выдернул оружие. Холмовик умер сразу, меч прорубил сердце...

...Одна из последних схваток шла у жилища тана — того самого, который ругался той же весной с конвоирами. Даааа... Недёшево дался княжеским воинам седой богатырь — тан. В хорошем доспехе, с длинным мечом в одной руке и небольшим топором в другой, долго бушевал он, как ураган или горный медведь — и, когда лёг наконец у входа в родной дом, не выпустив оружия из раскинутых рук, то вокруг лежали мёртвыми восемь воинов. Один был рассечён вместе с доспехом наискось — от плеча до бедра. Ещё двое лишились рук.

Тяжело дыша, кардоланцы стояли над телом поверженного гиганта. И, по чести сказать, никто из них не ощущал радости победы, а было как — то горько и тяжело, не оставляло чувство свершившейся неправильности.

Потом — один за другим — они начали входить в дом...

...В углу женщины — старая, ещё довольно молодая и девчонка лет тринадцати-четырнадцати — обнимали, прижав к себе, младших детей. Трёх мальчиков и двух девочек лет трёх — семи. А между ними и входом стоял, выставив щит и опустив меч, ещё один воин. Видно, что он тут не прятался — доспех носил следы боя, а юное лицо было усталым в обрамлении шлема. Усталым и безнадёжным, но полным решимости и вдохновения.

Гарав узнал парня.

Воины остановились около входа, вдоль стен. Они не спешили нападать.

— Брось оружие, — сказал кто — то. Парень хмыкнул и ударил мечом по овальному щиту, тут и там покрытому зарубками.

— Нет правоты в твоём деле, — сказал Эйно́р негромко на талиска. — Ты идёшь сражаться за недоброе, и сам это знаешь.

— Я не иду сражаться, — негромко, но ясно ответил парень. — Это вы пришли в нашу деревню и убили моего отца и старших братьев. И мне нет дела до добра и зла и до ваших разговоров. За моей спиной мои ближние, и вам придётся меня убить, чтобы до них добраться.

— Воины Кардолана не убивают женщин и детей, — сказал Эйно́р. Мальчишка засмеялся, презрительно шевельнул плечом под простым круглым оплечьем. Потом сказал:

— Если ты и вправду так высоко ценишь свою честь — дай мне право поединка. И если я одолею, то поклянись, что не тронешь тех, кто не может себя защитить. А если одолеешь ты... — парень помедлил. — Я, по крайности, не увижу того, что будет потом.

Гарав увидел, что в рукавах у женщин и девчонки поблёскивают кинжалы. Старшая, поглаживая голову прильнувшей к ней маленькой девочки, отводила с детской шейки волосы.

Чтобы не мешали удару.

— Дай честь поединка мне, — сказал Гарав Эйно́ру. — Пусть не говорят потом эти рыжие, что ты горазд убивать волчат, потому что боишься волков.

Оскорблённый этими словами, рыжий мальчишка зарычал от гнева. Гарав сказал ему:

— Не злись. Меня тоже зовут Волчонком, и я не в обиде.

— Иди, — коротко ответил Эйно́р. И бросил закрывающему женщин и детей парню: — Эй. Мой оруженосец будет биться с тобой. Если одолеешь его — мы вас отпустим. Если нет — он решит, как с вами быть.

— Хорошо, — кивнул мальчишка. — Все слышали... Не ревите, — обратился он через

плечо к своим. — Сейчас я свалю этого белоголового, и мы пойдём в лес. А там поквитаемся.

— Убей его! — крикнул мальчишка лет пяти — шести, ничуть не выглядевший испуганным. — Разруби ему башку до зубов, Тейнак!

— И ниже разрублю, — ответил рыжий.

Доспех его был если и хуже, чем у Гарава, то ненамного. Мальчишки сделали несколько шагов навстречу друг другу — и Гарав отцепил наносье. С шорохом кольчуга упала с подбородка.

— Прежде чем станем рубить друг друга, — спокойно сказал он, — погляди, не узнаёшь ли меня?

Лицо рыжего стало искренне удивлённым. Он покачал головой:

— Нет...

— Кабан, что ты добыл весной, был хорош, — как бы невзначай сказал Гарав, возвращая наносье на место.

— А! — Тейнак усмехнулся. — Вспомнил. Ты был в той колонне рабов, что гнали через наши места... Так ты сбежал, выходит? — Гарав кивнул. — Доброе дело. Я рад за тебя. Скверное это занятие — держать людей в рабстве.

— Твои старшие дают воинов тому, кто держит людей в рабстве, — напомнил Гарав. Лицо Тейнака стало злым:

— Не наши дела! — сказал он. — Тарканы отняли у нас землю, которой мы владели — вылезли из воды, как жабы, раздулись от своего величия и топтали наши леса и поля веками! Они получили то, что заслужили!

— Так и ты не обижайся на то, что заслужил, — процедил Гарав, привычно скрываясь за щитом. — Твой дом здесь и меч твой подлинней — бей первым, рыжий!

Рыжий ударил. Сразу мечом и щитом — чтобы сбить Гарава с ног и подсечь ему колено. Гарав подпрыгнул, одной ногой встретил удар щитом, а мечом попытался достать лицо над верхним краем. Тейнак вынужден был остановить щит и приподнять его верх — а Гарав, приземляясь, чуть не сломал ему запястье вооружённой руки. Тейнак отскочил.

— Ухxxx! — выдохнули воины за спиной Гарава. Но он этого не слышал, как — был уверен — не слышит и Тейнак подбадривающих воплей своего отчаянного братишки.

Меч Тейнака был и правда подлинней — но — и Гарав в этом был уверен — сделан из худшей стали, чем аронорский клинок. И большой щит рыжего, позволявший ему закрываться почти целиком, тоже был тяжелей щита Гарава — как бы не вдвое. И не так удобен. А ведь меч отбивают именно щитом, когда в кино (Пашка видел это сто раз) снова и снова рубятся меч в меч — это глупость режиссёра...

БА — БАМММММ!!! Мальчишки хрястнулись щит в щит. Гарав охнул мысленно — здоровый кабанёнок! — и подсёк ногой коленку рыжего. Тейнак поднял, убрал ногу, оттолкнул Гарава и ударил сверху по краю щита. Гарав повернул руку — дёрнуло сильно, но суставы остались целы (а рыжий гад явно собирался выбить руку из плеча и запястья сразу!), меч Тейнака с визгом проскрежетал по щиту, и Гарав достал противника — в голову. Правда, Тейнак в последний миг дёрнул ею — и удар пришёлся вскользь по шлему. Следующий Тейнак отбил щитом и отскочил.

— Когда я тебя убью, — Гарав усмехнулся под наносьем, — я возьму твою старшую сестричку себе в постель. Не бойся, я не буду обижать её. Мой рыцарь прав, мы не трогаем женщин и детей. Но природа есть природа.

— Она зарежет тебя в первую же ночь, ублюдок, — спокойно ответил Тейнак, переступая влево — вправо, как будто пробуя тонкий лёд. — Или кастрирует, как борова, ведь ты тоже годишься только на мясо!

Бросок был стремительным, удар — двойным; первый выпад Гарав отразил левой кромкой щита, второй прорвал защиту и с шипением прошёлся по кольчуге... но Гарав тут же ударил головой — шлемом — в оказавшееся близко открытое лицо.

— Вставай, — сказал он, переводя дух и прислушиваясь к себе: не задет? Нет... Тейнак вскочил. Нос и щека у него были рассечены. — Тебе с деревьями воевать, а не с кардоланским оруженосцем; те хоть на месте стоят.

Глаза Тейнака стали белеть. Он что — то прошептал помертвелыми губами и бросился снова. Удар, удар, удар — в щит — удар — в колено — Гарав опустил щит — удар — кромкой тяжёлого щита поверх щита Гаравы — в грудь. Гаравы снесло под ноги остальным.

— Вставай, — прохрипел Тейнак. — Вставай, стой на ногах напоследок, в следующий раз ты упадёшь навсегда.

Гарав поднялся. Ещё бы чуть выше — и кольчуга не спасла бы, лежать ему с перебитой гортанью, а то и сломанным позвоночником.

— Когда будет этот следующий раз, рыжий? — усмехнулся он, кладя меч на плечо. В глазах Тейнака на миг возникла растерянность — что за фокусы? Но тут же он, видимо, решив, что у противника устала рука, воспользовался этим.

Думал, что воспользовался.

В Германии такое называли «удар дурака». Тут — «приглашение Мандоса». Эйно́р, помнится, удивился, когда увидел, что Гарав знает этот удар.

Смысл один...

...Молниеносно опустив щит под удар, который должен был разрубить кольчугу и бедро, Гарав обрушил меч — прямо с плеча — на голову Тейнака. Тот просто не успел защититься — рухнул к ногам Гаравы ничком, как забитый бычок. Кровь хлынула из — под шлема к сапогам победителя.

— Дагооооор! — грянуло вокруг. — Дагор, Кардолан!

Но крик десятка мужских глоток перекрыл горестный вопль пожилой женщины. Уровнив нож, она метнулась вперёд и, словно птица, распласталась поверх тела Тейнака:

— Пощады! Пощады сыну, храбрый йотеод! — кричала она, закрывая мальчишку распростёртыми руками. — Я вижу по твоему лицу, по твоим волосам — ты не из этих тарканов с каменными сердцами, холодными, как их море! Ты наш, ты йотеод! Пощады моему мальчику, не добивай его! Возьми мою дочь, его сестру, как хотел, но пощади сына! Гвэна! — она выкрикнула это повелительно, и девчонка, тоже уронив нож, подошла и встала рядом с телом брата и матерью на колени. — Она твоя! Мы все твои, но не убивай сына!

Гарав с интересом смотрел на бледное лицо красивой девчонки, на закушенную губу, в ненавидящие глаза... А что? Почему нет? Что он сделал не так? Можно отправить их с обозом на юг и поселить на своей земле — когда он вернётся туда, то на земле уже будут люди, для которых он — хозяин. Вроде бы тут нет ничего против в законах...

— Они твои, — сказал Эйно́р.

— Помоги снять шлем, — попросил Гарав, перекидывая на спину щит и вкладывая (сначала провёл рукой по клинку — проверил) меч в ножны.

Как всегда без шлема воздух показался страшно холодным. Мальчишка несколько раз глубоко вдохнул его и встал на одно колено напротив женщины.

— Твой сын посочувствовал мне, когда по приказу вашего короля меня гнали в рабство, — тихо сказал он, глядя в полные горя и слёз глаза. — Я жалею, что мы вынуждены были разорить вашу деревню. Если твой сын умрёт — мне тоже будет жаль. Если же он выживет... вы ничего не должны мне. Я не беру женщин силой и не отнимаю чужую свободу, мать.

Он встал. Забрал у Эйнора шлем, поклонился:

— Благодарю, мой рыцарь... Благодарю.

Глава 18,

в которой празднуют победу и исследуются вопросы похмелья у Воинов Добра и Зла

До Восточного тракта и моста через Сероструй оставалось около двух дней пути. Уходящую пехоту преследовали дождь и зарево пожаров — конники Готорна жгли склады и укрепления на ангмарской линии обороны. Но торопиться всё равно следовало — никому не верилось, что Ангмар оставит безнаказанным налёт, а пехоту сковывали раненые, которых везли на волокушах. Раненых, искалеченных и больных было около полусотни; в предыдущих боях погибло вдвое больше, и их похоронили в лесах. Без следа, только память осталась за людьми. На волокушах везли и отбитое золото и серебро — несколько солидных сундуков.

Сентябрь — йаванниэ оказался мокрым и холодным. Гарав давно забыл, как это — согреться. И уже несколько раз обнаруживал, просыпаясь по утрам, что идёт не дождь, а мокрый снег. Палатку — единственную на весь отряд, которую забрали из обоза — они отдали под раненых, и в этот вечер опять были буквально по уши в грязи. Эйно́р был на ногах — обходил часовых. Оруженосцы худо — бедно приготовили ужин, который Гарав в сердцах обозвал «тошниловкой» (но свою порцию съел). Фередир, ругаясь по поводу сапог, с которыми ему не везёт, сидел босиком, поставив ноги на щит, и чинил подошву. Гараву сапоги снимать было страшно — у него имелось стойкое ощущение, что они и держатся только потому, что по кускам пристали к ногам.

— Эйно́р тут? — спрашивал кто — то в темноте, переступая через спящих и ужинающих. — Эйно́р где? Где Эйно́р?

— Сюда! — позвал Фередир. Подошли двое лучников — эльфов. Не менее замотанные, чем люди, они ухитрялись сохранять и живость, и веселье, и даже более — менее приличный внешний вид.

— В пещере недалеко орки, — сказал один из эльфов. — Мы внутрь не полезли. Двое наших там, а мы ищем Эйно́ра, пусть даст людей проверить.

— Нету Эйно́ра, — Гарав поднялся. — Пойду гляну.

— Я пойду, — поднял голову Фередир. Гарав пихнул его в затылок:

— Сапог чини... Талие!

— Ау, — отозвался из мокрой полутьмы один из сотников.

— Дай человек десять.

Гарав принялся затягивать ремни. Сотник с руганью поднимал людей. Эльфы ждали.

— Не буду я тебя больше гонять сегодня, не буду, — шурша металлом, Гарав пошёл к лошадям, обнял Хсана за шею и расцеловал. Тот всхрапнул благодарно и положил голову на плечо хозяина. — Устал, хороший мой, быстрый мой, радость моя...

— Куда идём — то? — спросил, подходя, старый знакомец, Айгон. Его сын Тэхзар тоже был тут — оба остались живы и не покалечены.

— За мной, — буркнул Гарав, цепляя шлем на щит за спиной. — Мимо не пройдем.

Он сделал несколько шагов и ощутил, как в левый сапог начала сочиться вода...

...Около пещеры эльфы развели костёр. Сами держались в тени деревьев, но, увидев подходящих людей, вышли к огню. Из пещеры слышался шум, жалкий, тихий.

— Женщины и дети там, — сказал один из эльфов. — Мы бросили пару факелов и

рассмотрели. Воинов нет. Наверное, из обоза разбитой армии, прячутся ото всех. Мы не стали стрелять.

Плач и скулѣж в пещере сделались громче. Люди, пришедшие с Гаравом, запереглядывались.

— Женщины и дети? — Гарав вбросил в ножны Садрон, вытащил топор из петли и шагнул внутрь...

...Когда через минуту внутри затих последний взвизг, и мальчишка вышел наружу, вытирая полотенно топора какой — то тряпкой, то от него подались в стороны. Гарав был иссиня — бледен и часто сглатывал, но посмотрел вокруг с вызовом, и кто — то из воинов проворчал:

— Ну и правильно. Что у наших семей, вода вместо крови, а у них чистое золото — нашу им лить можно, а нам ихнюю нельзя?

Эльф — из тех, что ходили за помощью — покачал головой:

— Ты жесток, человек.

— На моих глазах их хозяин, — Гарав кивнул за плечо в пещеру, — сжѣг заживо женщину и малыша из твоего народа.

Эльф снова покачал головой, но теперь ничего не сказал.

— Назад и отдыхать, — скомандовал Гарав. И не глядя поймал рукоятью топора петлю на поясе.

* * *

Деревня пригорян была большой, населѣнной, и отряд Эйнора встретили в ней со всем радушием — после марша по рудаурским землям, то пустым, то враждебным, такое было праздником. Настоящим. Трактирщик — владелец солидного двухэтажного здания — радушно распахнул двери своего заведения (пусть тратят деньги!). Мост через Сероструй был рукой подать, за ним — артедайнская армия, сзади подходила своя конница, и вообще марш, кажется, закончился. Эльфы, правда, с людьми не шли — свернули в леса, подтверждая мысль Гаравы о том, что холмовики воюют между собой, и лучники уходят им на помощь.

Эйнор уехал, разрешив отдых. Оруженосцев с собой он не взял и ничего не объяснил, кроме того, что вернѣтся утром — а вместо себя оставил одного из сотников...

...Люди собрались в нижнем зале трактира, практически до отказа его забив. Раненых и больных разместили по домам, а остальные явно собирались отдыхать «по полной». Оруженосцы устроились за столом — честно говоря, не веря, что это правда — комната и огонь в очаге плюс горячая еда. А вокруг требовали вина, пива, мяса — и трактирщик явно подсчитывал барыши.

— Расторгнется за весь год — и с семьѣй вместе на побережье в Гондор, — сказал Гарав задумчиво, чувствуя, что никак не может расслабиться — в теле всё было натянуто на болезненные струны. — Может, мне не селекцией заняться, а курорт открыть?

— Думаешь, ты первый? — Фередир понял сказанное. — Там полно постоянных дворов... Эх, съездим мы с тобой к нам — увидишь!

— Теперь будущей весной, — Гарав поморщился. — Зимовать — то куда загонят, неужели правда в поле?.. Знаешь, Федь, я никак... ну... в общем, тяжело как — то, как будто хочу уснуть и просыпаюсь, хочу — и просыпаюсь...

— Давай тоже погуляем как следует, — предложил Фередир. — Я понял, про что ты. У меня так же.

— Погуляем — напьемся, в смысле, что ли? — немного смущённо хмыкнул Гарав.

— Ну да.

— А ты раньше напивался? Чтобы совсем... в ноль, как у нас говорят? — шёпотом спросил Гарав. Фередир пожал плечами:

— Пару раз.

— А я никогда.

— Да ничего страшного, если не пить так каждый день, то три — четыре раза в год это даже полезно, — совершенно серьёзно объяснил Фередир. — Иначе у воина может лопнуть сердце. Конечно, лучше пить в большие праздники. Но в конце концов, ты тут столько пережил, — в голосе Фередира прозвучала искренняя и тёплая приязнь, — что не грех и просто так. Да и повод всё — таки есть. Ну, будешь?

— Буду, — решительно кивнул Гарав. — А ты со мной напьюсь?

— А как же?! — усмехнулся Фередир. — Сегодня вина всем хватит, только плати. Эй! — окликнул он кухонного мальчишку. — Две полных кружки — и не местную кислятину, а южного, с моей родины — ну?!

— Погоди — ка... Эй! — окликнул хозяина Гарав и, поднявшись, метко бросил на стойку тяжело брякнувший кошель. — Наливай отсюда всем кардоланцам, пока не покажется дно, ну?!

— Дагооооор!!! — восхищённо взревела компания.

Две первые кружки мальчишка принёс Гараву и Фередиру. Гарав взялся за грубую рукоять и, глядя в глаза друга, ткнул глиняный бок своей кружки — в глиняный бок его:

— За моё несбывшееся счастье! И пусть всё горит огнём!

— Пусть всё горит огнём, — кивнул Фередир.

Оруженосцы сцепились локтями — «брудершафт» — и опустошили кружки, не отрываясь...

...Через полчаса Гарав был здорово пьян. По — настоящему. Но язык и ноги у него не заплетались, поэтому, когда раздались вопли (тоже не вполне трезвые):

— Гарав, спой!

— Волчонок, песню!

— Песню!

— Спой, Гарав!

— Га — ра, Га — рав! — он махнул рукой, влез на стол, заложил руки за голову, пошире расставил ноги и полупроговорил:

_ — Делили светлое надвое... _

_ Делились смертью, не думая... _

_ А жизнь казалась отравленной, _

_ Как тонкой сталью разрубленной... _

— а потом почти взвизгнул:

_ — Предскажи! Предскажи им смерть! _

Прочитай! Разгадай эти мысли!
Подними — и разбей их о твердь!
Убивай! Режь на части их жизни!

Этот взгляд бьёт по нервам, словно ток!
Этот мир мы поставим на колени!
Он живой? Но нам дать так и не смог
Он тепла, понимания, забвенья!

Видно здесь так от века повелось —
Убивай, если хочешь просто выжить!
Ну а мы пустим небо под откос!
Он нам дал повод только ненавидеть!

Предскажи! Предскажи им смерть!
Прочитай! Разгадай эти мысли!
Подними — и разбей их о твердь!
Убивай! Режь на части их жизни!

Не спасут вас ни когти, ни клыки!
Да и сталь помогает ненадолго!
Мы идём — словно волны у реки!
И для нас УБИВАТЬ — нет выше долга!

Кто сказал, что убийца — не святой?!
Ваша кровь очищает ваши души!
Бог ваш дом?! Так идите же ДОМОЙ!
Просто мы — ваша транспортная служба!

Предскажи! Предскажи им смерть!
Прочитай! Разгадай эти мысли!
Подними — и разбей их о твердь!
Убивай! Режь на части их жизни!

Просто мир рассыпается в песок...
Боль от слёз помогает лучше видеть!
Уходить — от пустых и глупых слов,
Зная то, что вам просто не увидеть!

В темноте напряжение чьих — то рук,
Поворот — и защитная отмашка!
Позабыть, что такое враг и друг,
Просто — быть! Остальное здесь не важно!

Предскажи! Предскажи им смерть!

Прочитай! Разгадай эти мысли!
Подними — и разбей их о твердь!
Убивай! Режь на части их жизни!

Эта жизнь — ваших мыслей грязный бред,
Этот мир — как жестокая насмешка.
Будет так: станет заревом рассвет!
Ляжет мир, как поверженная пешка!

Просто так — наше сердце жжёт огнём!
Мы скользим — незаметные, как тени...
Нас не ждут? И мечтают о своём?!
Но лишь мы мир поставим на колени!

Предскажи! Предскажи им смерть!
Прочитай! Разгадай эти мысли!
Подними — и разбей их о твердь!
Убивай!

— он вскинул руку, и вокруг загремел рёв, распиравший стены:

— Убивай,
Убивай!
УБИВАЙ!!! [\[42\]](#)

— Гарав, ещё!
— Оруженосец, пой!!!

Мальчишка выпил половину из поданной кружки, прополоскал рот вином, сглотнул и бросил кружку Фередиру, который её ловко поймал и допил оставшееся.

— У кого там лютия есть?! Подыграйте... вот так...

— Не спи, королевна, не спи — мой конь под седлом
И я отпускаю чёрную птицу с плеча!
В глазах отражаются звёзды крошащимся льдом,
И пальцы смыкаются на рукояти меча.

Под пологом ночи, под солнцем, в крошечном аду
Пусть ляжет мой путь, ведь ещё не проигран мой бой!
Судьбу не обманешь, и я тебя всё же найду!
Запомни — однажды я снова приду за тобой!

Словно конь по горной тропе, поскакал мотив...
— Не спи, королевна, не спи — подковы звенят,

Холодные искры меча отмечают мой путь,
Вскипела река и твой город пожаром объят.

Надежда разбита о камни — её не вернуть.
Ты зря тратишь время на поиски зла и добра,
Хмельное вино обернётся безвкусной водой...
Ты видишь — беда отражается в пляске костра?

Осталось немного — я скоро приду за тобой!
Не спи, королевна, не спи — мятеж во дворце!
Предательства крепкие цепи сомкнулись вокруг!
Я вижу, как страх возникает на бледном лице.

И зова не слышит надежный и преданный друг!
Ожившим кошмаром твоим я у цели стою —
Я меч, занесённый над миром самой судьбой!
Не смей шевельнуться, не смей — ты стоишь на краю!

Я спас тебе жизнь, но сегодня пришёл за тобой... [\[43\]](#)

— Налейте, блин, ну?! — он крикнул это по — русски, но его поняли. Гарав соскочил со стола, движением рук расчистил себе место, подхватил вторую — пустую — кружку и, выбив ими гулкую дробь, подмигнул тем, кто ближе:

— Ну — ка — мечи стаканы на стол!
Ну — ка — мечи стаканы на стол!
Ну — ка — мечи стаканы на стол —
И прочую посуду!

Все говорят, что пить нельзя,
Все говорят, что пить нельзя,
Все говорят, что пить нельзя,
А я говорю — что буду!

— и все вокруг подхватили развесёлое вслед за прихлопывающим в ладоши мальчишкой — обнявшись и раскачиваясь, орали с явным удовольствием:

— Ну — ка — мечи стаканы на стол!
Ну — ка — мечи стаканы на стол!
Ну — ка — мечи стаканы на стол —
И прочую посуду!

Все говорят, что пить нельзя,

Все говорят, что пить нельзя,
Все говорят, что пить нельзя,
А я говорю — что буду!

Под общий хохот кружки пустели и наполнялись. Могло показаться, что про Гарава забыли, но вскоре кто — то крикнул: «Ещё песню!» — и его крик подхватили.

— Мужики, я совсем пьяный! — засмеялся мальчишка, пытаюсь встать из — за стола. Кашлянул. — Ладно, я сидя, угу?

Но голос оруженосцу пока не изменил — и легко перекрыл шум (не все слышали, что продолжается концерт), придавив его.

— Налейте на прощанье чашу мне!
Я не оставлю ни глотка на дне!
В далекую дорогу, по которой нет возврата,
Я отправляюсь на лихом коне!

Пусть черный волк у стремени бежит,
Пусть черный ворон за плечом летит,
Серебряной подковой в небесах веселый месяц
Удачу обещает мне в пути!

Мой меч не заржавеет на стене!
Судьба еще подарит битвы мне!

Гарав выхватил Садрон и ловко перекинул его из руки в руку под общий одобрительный смех:

— Как знамя разметал по небесам полночный ветер
Закат в кроваво — яростном огне!

Примчится смерть на черном скакуне —
И, как сестра, протянет руку мне!
Холодный лунный луч дорогой упадет под ноги —
И в небеса мы повернем коней!

Налейте на прощанье чашу мне!
Я не оставлю ни глотка на дне!
В далекую дорогу, по которой нет возврата,
Я отправляюсь на лихом коне! [\[44\]](#)

Это и было последнее, что он помнил связно...

...Сказать, что утром Гараву было плохо — значило, не сказать ничего.

В конце концов, это нечестно, мрачно размышлял он, склонившись над бочкой, покачиваясь и кривясь от мерзкого вкуса во рту и боли, катающейся в голове на тройке с бубенцами. Нигде не сказано, что воин добра и защитник правого дела может так мучиться с похмелья. Нигде не упоминается, что поборник справедливости может столько выжрать винища и заблевать весь двор (он мучительно рыгнул). Эти страдания по определению — удел слуг зла, и поделом им. Ему — то за что?!

Ох, как же плохо — то.

Ва — аб — ще — е — е...

Ваще. Ульп.

— Ууууу... — печально сказал мальчишка и отвесно сунул голову в бочку. Стало полегче, холод как бы обволок боль коконом. Непрочным — двинешься — и порвётся, поэтому Гарав испытал сильнейшее желание утопиться, чтобы не мучиться снова.

Нет. Он решительно выдернул голову на волю и, приглаживая волосы обеими руками, качаясь и временами длинно вздрагивая всем телом, отправился искать Фередира. Далеко не ушёл — уткнулся лбом в стену через пару шагов, раскорячился, кое — как расшнуровался и стал сливать под стену вчерашнее вино, резко запросившееся наружу — хорошо ещё, там, где положено природой на этот раз. Только потом смог и правда переключиться на поиски.

Утро было мерзейшее, и не только от похмелья. Стоял туманище, было сыро и промозгло. Пили, видимо, вчера все или почти все — Гарав пару раз перешагнул через в дупель пьяных соратников, спавших прямо под заборами. Сунулся в корчму — там было то же самое, только трое или четверо ещё сидели за столом и орали похабную песню про сложные и весёлые взаимоотношения орка и волколака.

— Фередир где? — сипло спросил Гарав, но ответа не дождался.

Снаружи сорвался с крыльца, поскользнувшись на ступеньках — удержался на ногах только потому, что вцепился в перила. Пробегавший мимо вчерашний кухонный мальчишка хихикнул и ускорил бег. Гарав хотел догнать его и дать пинчища, но передумал и полез на сеновал над конюшней — как по наитию.

Ну конечно. Фередир был там. Лежал голый в обнимку с девчонкой своих лет и взрослой женщиной, одетыми примерно так же.

— Вставай, алкашня, — Гарав дёрнул его за ногу и, морщась, спустился с лестницы.

Фередир слез с чердака не сразу — сумрачный, растрёпанный, волосы — набиты соломой. Наступил в грязь, выругался и спросил, шнуруя куртку:

— Что за жизнь такая!!! Сапоги мои где?

— У шлюх своих спрашивай, — буркнул Гарав, с трудом уманиваясь на нижней перекладине заплота вокруг конюшни.

— Это не шлюхи, а вполне почтенные селянки... — Фередир поглядел вверх. — Только я не помню, откуда они взялись.

Сверху упали сапоги и послышалось хихиканье. Фередир сел на край яслей и стал обтирать ноги соломой. Гарав скривился:

— Да помой же, вон бочка.

— Нннне, — Фередир зябко дёрнул плечами и спиной. — Не могу. Хы — хы —

хылодно.

Гарав кивнул согласно. Ему тоже казалось, что кожа обрела какую — то особую — неприятную и болезненную — чувствительность. Кроме того, взгляды коней — они высунулись наружу — были полны укоризны.

Но, если честно... Гараву стало легче.

* * *

Эйнор прорысил по улице, брезгливо оглядываясь. Нет, он не собирался ругаться или кого — то укорять. В любом случае. А особенно сейчас.

Сейчас, когда он видел двухтысячный отряд холмовиков, перекрывший путь к мосту — и ещё не меньше тысячи, занявших предмостные броды. Его отряд обошли. Обошли просто потому, что они — пешие — лучше знали свои места. А его людей сковывал раненые и груз. Будь оно всё проклято... И, если не освободить хотя бы брод, застрять тут — то не исключено, что и его пехота и подошедшая конница окажутся зажаты между холмовиками — ведь наверняка подойдут и ещё! — и ангмарской армией, которая движется с севера. И дожидаться помощи Арафора было опасно — княжич мог и не знать ничего о происходящем. А мог узнать слишком поздно.

Да уж. Он бы и сам не прочь был напиться. Но сейчас требовалось не пить, а поднять своих.

И придумать, как быть.

Глава 19,

в которой исполняются слова нуменорца

К полудню ударил мороз. Резкий, сковавший воду у заберегов. Вышло солнце, и зелень на деревьях и кустах по берегам висела жухлыми фунтиками.

Эйнор смотрел на тела на отмелях и берегу. У холмовиков были необычные для них лучники, и попытка переправы обошлась в полотора десятка убитых. Сейчас Эйнор отдал бы всё — всё!!! — за десяток эльфийских лучников... и время. Время. Он почти физически ощущал, как с тыла идёт на его отряд от моста другой отряд врага. Часа два — и они тут.

Берег, занятый холмовиками, был высоким. Но они не хотели ждать; бой шёл уже на этом берегу, и Эйнор увидел, как упало кардоланское знамя — пытавшийся по его приказу атаковать отряд отступал от воды. Он оглянулся. Две сотни резерва, не брошенные в бой... лица Фередира и Гарав — они, пешие, стояли у своих коней.

— Попались, — процедил Эйнор. — Крепко...

Атаковать. Любой ценой сбить холмовиков. Но их больше. Намного. Втрое. Они в случае чего просто уйдут на свой берег и опять осыплют атакующих стрелами, а там... Он оглянулся — не видно ли с тыла врагов? Пока нет... но это вопрос времени. Времени, времени... Мандос, времени!!!

Что это?!

...— Дагор! Дагор, Кардолан!

На какой — то миг замерли все — и холмовики вокруг, и защитники переправы. Чёрное узкое знамя с двумя серебряными снова поднялось у воды.

— Дагор, Кардолан! — отчаянно кричал одинокий мальчишеский голос.

— Гарав! — ахнул Фередир. — Эйнор, там Гарав!

— Проклятый мальчишка, — с восхищением прошептал рыцарь и, оглянувшись, поднял меч: — Дагор, Кардолан!..

...Удерживая знамя правой, Гарав другой рукой досадливо — резким движением сбросил шлем — кольчужный шарф потянулся с сухим звоном, шлем тяжело упал в воду, и горячую кожу обожгло почти морозным холодом. Мальчишка замотал головой, откидывая со лба мокрые волосы. На какой — то миг ему показалось, что происходит чудо — холмовики не двигались, стояли в дюжине шагов, и вода Сероструя бурлила у их меховых обмоток. Но потом слитный глухой топот за спиной заставил мальчишку обернуться — и счастливая улыбка поползла по его горящему, мокрому от пота лицу.

Воины Кардолана бежали сверху к воде — молча, тяжело, неостановимо. Впереди мчался черноволосый витязь без шлема, и не осталось сейчас в лице Эйнора больше ничего мальчишеского — оно было страшным и вдохновенным.

Победа, понял Гарав.

— Дагор! — он поднял знамя выше. — Даг... уххх!

Всё, что он ощутил — сильный удар в спину, в правую лопатку. Настолько сильный, что с трудом удержался на ногах и подумал, что в него запустили камнем. Но уже через секунду пришла боль. Боль была огненная и острая, она стремительной молнией ударила куда — то в грудь, и дыхание оборвалось. Гарав пытался вздохнуть, пережить эту боль и понять, что с ним произошло.

Стрела из двухъярдового можжевелевого лука, пущенная с десятка шагов, оснащённая

наконечником, похожим на гранёный гвоздь — в пол — ладони длиной и почти в унцию весом — была специально предназначена для того, чтобы бить арнорских латников. Она прошила кожаный вест, густое плетение кольчуги, прочную лосиную кожу поддоспешной рубашки, пробила лопатку и ушла в лёгкое.

Заведя руку за спину, Гарав коснулся древка, и в его глазах потемнело от нового приступа боли. Зато он смог вздохнуть и, когда пелена с глаз спала, увидел, что изо рта на нагрудник толчками выплёскивается яркая кровь.

— Блин, больно, — сказал он по — русски. — От стрелы, пушенной без чести...

Вторая стрела ударила в живот. Мальчишка молча вздрогнул всем телом, не выпуская знамени. Третья — скользнула по нагруднику в сторону; лучник не успел натянуть тетиву как следует, потому что как раз в этот момент добежавший до него Эйнор сделал из одного холмовика двоих и зарубил ещё троих раньше, чем в окровавленную воду рухнуло то, что осталось от неудачливого лучника.

И тогда грозные Дети Волка... побежали.

Они бежали и не могли остановиться перед тем ужасом, который гнал их. Ещё метался стяг, ещё что — то кричал тан — пока бегущие не затоптали и стяг, и его самого в стремлении скорей добраться до берега — подальше от алых сверкающих мечей...

...Кардоланцы сбили смешавшегося врага в сторону от брода — на глубину. Вопли тонущих и уносимых Сероструем смешались с мольбами о пощаде тех, кто бросал оружие и пытался спастись, падая на колени на мелководе. Кардоланцы молча рубили всех — и сдающихся, и пытающихся тщетно сопротивляться; из кардоланцев больше никто не кричал.

Они рубили.

Рубили.

Рубили.

Рубили молча, и багровые клинки с треском и свистом разбрызгивали вокруг красивое алое кружево...

...Гарав навалился всем телом на знамя, глубже всаживая древко в речной песок, чтобы оно стояло, когда он сам упадёт. Боль оказалась милосердной — недолгой, и теперь она отступила, оставив только лёгкое онемение и быстро распространяющийся по телу холод. Не жгучий, не зимний, а спокойный, плотный...

Фередир успел подхватить падающего друга. Он отстал от воинов, не боясь, что не успеет в битву, что его назовут трусом — это всё было неважно. Важным оставалось только то, чтобы Гарав не упал в воду и не захлебнулся; Фередир успел. Он бросил меч, бросил щит и теперь волок тяжёлое тело на сухое место, вспенивая воду ногами и что — то бормоча, что — то не совсем понятное самому...

Гарав продолжал дышать кровью, теперь она текла из носа, и из улыбающегося рта. Фередир сморгнул — нет, не привиделось, Гарав улыбался.

Глядел на знамя над берегом — и улыбался.

* * *

— Он не умрёт! — заорал Фередир. Лицо артедайнского лекаря было почти равнодушным; вытирая руки поданным учеником чистым куском полотна, он совершенно спокойно отозвался:

— Не кричи, оруженосец. Тут много раненых, и им нужен покой.

— Вылечи его, старик, — голос Фередира стал угрожающим. Седые брови лекаря чуть дёрнулись, он повернулся и пошёл в шатёр.

— А... ты... — задохнулся Фередир и рванулся следом, хватаясь за кинжал. Но железные пальцы Эйнора замкнули запястье в стальной обруч. — Пусти! — прорычал Фередир и — впервые в жизни — замахнулся на своего рыцаря левой рукой — кулаком.

Эйнор не стал уклоняться, не стал защищаться — и рука Фередира упала. Оруженосец заморгал, уткнулся в грудь рыцарю и заплакал — тихо и безутешно. Проходившие мимо люди смотрели мельком и безучастно — не один мужчина сегодня плачет. Эйнор прижал оруженосца к себе — молча и крепко.

— Почему?! — простонал Фередир. — Я хотел, чтобы мы вместе съездили ко мне домой... ты бы ведь отпустил?... Чтобы искупались в море... я бы показал ему коней из нашего табуна... и поля вокруг хутора... и познакомил бы с матерью... и... и... — голос Фередира опять оборвался рыданием. — Почему?! За что?! Несправедливо! — Фередир захлебнулся.

Эйнор не знал, что сказать, что ответить. Как утешить, если на твоих глазах умирает друг — и ничего нельзя сделать?!

— Я пойду к нему, — хмуро сказал Фередир, оттолкнувшись. — Может быть... ему будет легче умирать.

— Я тоже пойду, — кивнул Эйнор...

...Гарав лежал на животе в углу шатра, рядом с другими умирающими. На животе, голый до пояса. Стрелу срезали и вытащили, сине — чёрная рана не кровоточила, только вспухла валиком. Эйнор понял, что кровь уходит внутрь, в этом всё дело.

Фередир встал на колени слева от друга и взял в свои ладони вялую руку — цвета мрамора. Испуганно посмотрел на Эйнора, шевельнул губами, ссутулился — плечи опять затряслись. Эйнор сел с другой стороны. Прислушался и ничего не услышал — лишь заметил после внимательного осмотра, как еле — еле шевелятся у носа Гаравы ворсинки на покрывале. Редко — редко. Оруженосец еле дышал. И каждый вдох мог стать последним.

— Сколько он проживёт, лекарь? — спросил Эйнор негромко у проходившего мимо старика. Тот приостановился, посмотрел на всех троих, помедлил. Сказал негромко:

— Ещё несколько часов. Не волнуйся, рыцарь, он не мучается.

И прошёл дальше.

«Не мучается, — подумал Эйнор, глядя в затылок Гараву. — И что, это всё?»

Он много раз видел, как умирают люди. Разного возраста. Разных народов. Были среди тех, кто умер, и его друзья. Но сейчас — как — то особенно больно. Словно стрела засела под сердцем и нельзя вздохнуть. Станный он был, Гарав. Весёлый и грустный. Смелый... а сколько раз он трусил... чтобы тут же преодолеть свой страх.

«Он ни с какого не с востока, — отчётливо понял Эйнор. — А откуда — уже не спросишь теперь... О Эру... никогда ты не слышал от меня ни слова просьбы. Теперь слушай — я буду просить тебя, Вечный. Попроси своего верного и непреклонного Намо, чтобы он отпустил Гараву на его родину, где он прожил так мало. Я знаю, нам, людям, не дано такого и наш дар — уход из мира навечно... но пусть будет так хотя бы раз.»

Фередир перестал плакать. Он сидел по другую сторону Гаравы и не выпускал его руку.

Словно резкими порывом тёплого ветра отбросило в сторону полог у входа. Обернулись все, кто был в шатре — даже раненые, что были в сознании, приподнялись или повернулись

в ту сторону.

Вошедшие — двое — были эльфы. Переливчатые плащи украшали гербы Раздола, снизу их оттопыривал длинные мечи, мерцали длинные кольчуги. Волосы — тёмные у одного, золотистые у другого — стягивали тонкие серебряные обручи. Высокие сапоги покрывала грязь.

Эйно́р встал. Фере́дир поднял на эльфов глаза и закусил губу.

— Приветствую тебя, Глорфиндэйл из Дома Элронда... — тихо сказал Эйно́р, склоняя голову.

— Приветствую тебя, Эйно́р сын Иолфа, — пальцы эльфа сжали локти рыцаря. — Мы ищем твоего оруженосца.

— Ме... ня? — Фере́дир привстал.

— Нет, — покачал головой эльфийский полководец. И наклонился над Гаравом. — Его.

— Он умирает, — хрипло сказал Фере́дир, следя за движениями эльфа с недоверием и опаской. — Его уже не спасти.

— Попытаться никогда не поздно, — Глорфиндэйл выпрямился. Посмотрел на Фере́ди́ра, который всё это время стоял неподвижно, с каменным лицом. — MaquetnK anarinya, iellnya Melet... [\[45\]](#) — еле слышно и странно прозвучали слова древнего Квэ́нья.

— Tancave... [\[46\]](#) — выдохнул Эйно́р, отступая и снова склоняя голову.

— Чего он хочет? — Фере́дир сглотнул.

Эйно́р не ответил — только остановил повелительным жестом подошедшего лекаря. Глорфиндэйл между тем нагнулся и легко — быстро, но осторожно — поднял не издавшего ни звука мальчика на руки, бережно уложил удобнее — чтобы не мотались руки и голова. Фере́дир дёрнулся... даже тихо зарычал горлом... но пальцы Эйно́ра сжали его плечо.

Глорфиндэйл вышел. Его темноволосый спутник, так и не произнёсший ни слова — за ним следом.

Глава 20, короткая, потому что в ней есть только Гарав, Мэлэт — и...

Там не было ничего.

На ада, ни рая. Ни туннеля из света. Ни моста Бифрост. Ни боли, ни света. Ни тьмы, ни страха, ни ожидания нового воплощения — ни — че — го.

Только бескрайняя и безликая бездна, в которой неслась постепенно гаснущая искорка Пашкиного сознания. Впрочем, и это не было страшно или больно — уже хорошо.

Может быть, Ангмар не лгал тогда — и посмертие людей — просто — на просто слияние с Эру? И сейчас сознание погаснет совсем и... что?

Но и любопытства не было. Не было любопытства у него — сотканного из любопытства, неспособного от него отрешиться даже перед лицом гибели, как уже было не раз доказано. И это, пожалуй, напугало бы Пашку...

...но и страха не было.

И, когда он совсем уже готов был кануть в окружающую бездну, из ниоткуда — и отовсюду — зазвучал девичий голос...

_ — Усни, там... далеко над нами буки _
_ Сплели узор из веток светлых, _
_ Как мы сплетаем наши руки. _
_ И соловьев влюбленных трели _
_ Свивает песня менестреля, _
_ С дрожащим голосом свирели. _
_ О Мелет! _

_ Усни, мой плащ тебя согреет. _
_ Чисты хранящих сон твой лица. _
_ И в звездном свете серебрится _
_ Пыль кружевная водопадов. _
_ Цветы осыпают пыльцу _
_ На чуть золотые косы. _
_ Я звезды тебе принесу _
_ В предутренних чистых росах. _
_ О Мелет! _

_ Смеется ручей, _
_ Весна пролетит. _
_ Не догонишь, _
_ Я песню сыграю тебе. _
_ Ты в танце венок уронишь. [\[47\]](#)

...Гарав открыл глаза.

Было утро.

В высокое окно с двойным стрельчатым разрезом, разделённое тонкой колонной в виде раскинувшего ветви дерева, лилось солнце, залетал тёплый ветерок и заглядывала зелёная листва.

Пела какая — то птица — звонко и монотонно.

Белый — даже, казалось, светящийся — навес над широкой постелью, в которой лежал под тонким покрывалом Гарав, поддерживали тоже сделанные в виде древесных стволов, только деревянных, балясины.

На краю кровати сидела и трогала струну арфы — снова и снова — Мэлет. И золотые локоны полускрывали её лицо, падая на гриф.

Это была не птица — звучала струна её арфы.

— Мэлет? — Гарав привстал на локтях.

Эльфийка подняла глаза.

— Мэлет, — повторил мальчишка.

— Ты жив, — губы Мэлет тронула улыбка.

— Я умирал? — удивился Гарав. И — вспомнил сразу всё. Откинулся в постель и закрыл локтем глаза. Потом — осторожно подсунул свободную руку под себя. Пальцы нащупали не шрам — участок нежной молодой кожи. Но сомнений не оставалось — именно сюда вошла стрела.

— Ты почти умер, — Мэлет поставила арфу на пол и положила руки на плечи человеческого мальчика. Гарав напрягся, дёрнулся даже... но потом расслабился. Фиалковые глаза были совсем близко, и в них хотелось смотреть и смотреть, не отрываясь.

— Где я? — одними губами спросил он. Мэлет улыбнулась, и Гарав ощутил её чистое, тёплое дыхание:

— Карнингул. Имладрис. Раздол. Называй, как хочешь — это мой дом и дом моего отца.

— Глорфиндэйл вылечил меня? — напряжённо спросил Гарав и чуть повернул голову, пытаясь увидеть всю остальную комнату. Он хорошо помнил ставшие бешеными глаза могучего эльфа и свой страх — уффф... Нет, никого не было больше в округлой маленькой зале. Только из — за дверного проёма — ничем не прикрытого — слышалась отдалённая музыка. — Я... слышал твой голос. Там... Я давно здесь?

— Уже две недели, — эльфийка тронула волосы Гаравы. Он нахмурился:

— Кто победил на бродях?

— Мы, — улыбнулась Мэлет. — Войско вернулось с победой. Укрепления ангмарцев в Рудауре разрушены, и твой рыцарь просил передать, что тебя ждёт награда, едва он вернётся. Они устраиваются лагерем в Пригорье.

— В Пригорье — это хорошо, — Гарав вспомнил Ганнель... и Тазар. — Мэлет, я...

— Я всё знаю, я видела твой путь в эти месяцы, — ласково сказала эльфийка. — Ты глупый, человек... Закрой глаза и поспи ещё. А потом тебе можно будет вставать. Закрывай глаза. Закрывай...

И Гарав закрыл глаза.

Туман пришёл вечером, когда они сидели в беседке и смотрели на золотую листву. Казалось, Раздол опустел — Гарав не видел ни одного эльфа, только временами слышал голоса и музыку. А завтра ему предстояло отправляться в Пригорье, и этот вечер в беседке был последним.

— Туман, — сказала Мэлэт, вставая. — Я принесу плащи и вина... — она пошла к выходу из беседки и, оглянувшись, сказала, прежде чем ступить на укутанную туманом дорожку: — У меня будет сын. Я знаю.

И ушла.

Гарав негромко рассмеялся, раскинул руки по перилам, помотал головой. Пробормотал:

— Когда иссякают запасы вина, мешают забыться цена и вина, становится в тягость любая война... и все идет на... — а потом стал напевать вспомнившееся и переведённое ещё в Зимре:

_ — Не грусти, безумный полководец,_
_ Мы проиграем эту войну,_
_ Уцелеет только мальчик — знаменосец,_
_ Чтобы Бог простил ему одному_
_ Нашу общую вину._

_ И будет нам счастье и чаша покоя,_
_ Рассветные бденья над вечной рекою,_
_ Целительный сон, и надежные стены,_
_ И мир неизменный._

_ Не трудись, не порти новой карты_
_ Планами беспочвенных побед,_
_ Растеряв всех нас в боевом азарте,_
_ Ты идешь упрямо на тот свет,_
_ Невзирая на запрет._

_ Идущий за призраком вечной надежды_
_ Взыскует служение в белых одеждах,_
_ Открытие врат потайными ключами,_
_ Предел без печали._

_ Мы сдадимся ангелам без боя:_
_ Лучше в небо, чем такая жизнь,_
_ Знаменосца не возьмем с собою,_
_ Ибо жизнью он не дорожит —_
_ Знаменосец должен жить._

_ Уходим бесшумно под пологом ночи,_
_ Мальчишка проснется и смерти захочет,_
_ Оставшись один, разуверится в Боге_
_ В начале дороги... [\[48\]](#)

Туман заполнил беседку. Гарав вздохнул. Да, всё началось с тумана... или приснилось, что началось с тумана? Он написал руну — «Райдо»... вот такую...

Гарав написал её в тумане и улыбнулся.

Она исчезла не сразу.

Глава 21, в которой Пашка выздоравливает, понимает и вспоминает

Пашка долго болел. До середины лета.

Димка — «тот из младших, который старше» — нашёл Пашку вечером, когда дома забеспокоились. Хотя и не сильно, но уже. Но Димка знал, где у чокнутого старшего братца «нычка».

Там он и оказался.

Пашка полулежал около коряги, на которой обычно гордо восседал. Полулежал, выпрямив по коряге руку и положив щёку на плечо. Сперва Димка думал, что старший брат спит. Когда же не смог его разбудить и обнаружил, что лоб у Пашки похож на раскалённую печку — поднял шум...

После этого Пашка и проболел почти месяц. Сперва дома, потом — в больнице (недолго, там сказали, что «ничего серьёзного» — просто потому, что не могли понять, что же происходит с мальчишкой, который то приходил в себя, но начинал нести какую — то чушь, даже на иностранных языках, то глухо вырубался и температурил), и снова дома... Лекарствами его немедленно рвало, и родители были в ужасе, ожидая, что мальчишка просто умрёт... пока в один прекрасный день не обнаружили его спозаранку сидящим на крыльце и хмуро слушающим плеер.

Что с ним было в этот месяц — Пашка не помнил совершенно, что случилось в тот день, когда ушёл из дома — не помнил тоже. В обоих случаях он не врал, и весь дом облегчённо вздохнул, да и позабыл эту историю. Выздоровел мальчишка — и отлично, что ещё надо?!

Правда, через два дня после того, как Пашка вернулся к нормальной жизни, Димка застал его за очень странным занятием. Голый по пояс, Пашка вертелся перед зеркалом, вделанным в дверцу шкафа. При этом бормотал: «Здесь... и тут... и тут тоже должно быть...» Когда Димка поинтересовался не без ехидства, что брат делает, то огрёб с размаху по шее — так сильно и точно, что завалился на диван и от дальнейших вопросов решил воздержаться.

Но этим странности в общем — то исчерпывались.

* * *

Августовский день был тихий и жаркий.

Пашка шагал по тамбовской улице, шурился на солнце и раздумывал о мороженом. Когда выбор слишком большой — то он становится сложным до офигения.

Чтобы избавиться от жары и подумать спокойно, мальчишка наугад свернул (Тамбов он знал так себе) в какую — то арку. И буквально вписался в троих парней, которые там курили.

— Э, ты чего?!

— Ну, куда прёшь?!

Акцент и внешний вид лучше всякого паспорта сообщали любому, что тут

расслабляются моршанским табачком трое молодых представителей «угнетённой турками курдской диаспоры».

— Извините, — сказал Пашка, стараясь их обойти. Не тут — то было. Оскорблённая гордая кровь вскипела в жилах, и нахального русского мальчишку придержали за плечо.

— Э, стой, куда пошёл?

— Я извинился, — тихо сказал Пашка. — Что ещё?

И повернулся к державшему его...

...Секунды курду хватило, чтобы понять: сейчас он будет убит. Сначала он, потом — его приятели. Не избиты, нет — убиты. Все трое. Через миг — он, через другой — двое других.

— Нет, ничего... — поспешно сказал он, отпуская джинсу. — Это я так. Иди, брат, конечно.

— Как ты меня назвал, скот? — тихо спросил Пашка.

Все трое попятились. Повернулись. Побежали из — под арки...

...Дворик вывел на центральный рынок. Пашка долго шарахался среди лотков — злой и недовольный тем, что не состоялась драка. Мороженого уже не хотелось. Для успокоения он домотался до торговца — азербайджанца, требуя у него указать, где выращены дыни — в Умбаре или в Гондоре? Азербайджанец долго терпел, потом сказал: «В Мордорэ, э?!» — и Пашка засмеялся. Азербайджанец засмеялся тоже и добавил: «Эслы кыныжкы нужны — туда иди, да?!» — и махнул рукой.

Вообще — то Пашка не собирался покупать никакие книги. Но эта мысль его неожиданно увлекла — он двинулся в указанном направлении.

Времена, когда в Тамбове массово торговали книгами с улицы, давно прошли. Сперва торговцев вытеснили с центральной площади на рынок, а там — в дальний угол. А потом и вовсе они отступили под натиском многочисленных супербукмаркетов, в которых Пашка почти никогда ничего не покупал — слишком большой выбор, слишком много мусора. Но кое — кто ещё торговал — так, потому, что не мог бросить этого занятия.

Пашка всё — таки купил мороженого, шёл вдоль рядов, лизал верхушку рожка и...

— Сколько стоит эта?

Седой длинноволосый старик — полубомж в потёртой серой куртке — бесформенной и мятой — поднял на подростка с мороженым глаза в красных прожилках. Отставил ополовиненную бутылку пива.

— Полтинник, — сказал он хрипло.

— Покупаю, — Гарав отложил потёртую книгу с надписью «Мир Толкиена. Энциклопедия.» на когда — то глянцевой обложке и полез в сумку на бедре.

* * *

...Она началась, когда Пашка устроился с ногами на диване и хотел приступить к изучению книги — а телевизором пощёлкал так, для проформы...

...Это была передача по каналу «Культура». Про какие — то древности, фальсификации, клады, находки... Вообще — то Пашка любил смотреть такие, потому и включил. Но сейчас — просто таращился в экран, не в силах заставить себя следить за действием.

— ...временами подделки просто поражают своей детской наивностью, — говорил тем

временем почтенный учёный муж, с иронией поглядывая на ведущего. — Это связано ещё и с доступностью информации широкой публике — каждый, нахватавшийся определённых — не знаний, нет! — сведений, считает, что может — в благих целях, разумеется — фальсифицировать историю. Вот например, — он вынул из папки перед собой металлическую пластину, — эта гравюра якобы найдена археологами — энтузиастами на Гебридских островах чуть ли не в слоях, соответствующих 30–40 тысячам лет до нашей эры, — учёный позволил себе посмеяться.

— А что тут не так? — радостно — тупо уточнил ведущий. Учёный вздохнул:

— Ну хотя бы просто то, что в те времена не умели обрабатывать металлы. Гравюра на золоте. Это первое. Второе — стиль изображения, такого мастерства человечество достигло веку к шестнадцатому, никак не ранее. Ну нелепость, откровенная нелепость, мало того, что наивно сделанная, ещё и наивно поданная...

— А что там изображено, — снова оживился ведущий, — думаю, нашим зрителям было бы всё — таки интересно, так сказать, познакомиться...

— Да ничего особенного, жанровая сценка, — учёный повернул пластину, — юноша и девушка у очага. Ещё одна нелепость, незнание истории костюма — тут смесь костюмов нескольких эпох и народов...

Пашка встал.

Камера дала «наезд».

И во весь экран мальчишка увидел вычеканенные на золоте линии. Сначала — просто линии. Но потом голова перестала кружиться — и штрихи сложились в картину.

Нуменорец и северянка — _Пьер_Жубер._

Очаг. Огонь. Жарящаяся тушка какого — то животного.

Смеющаяся девушка — руки под передником.

Смеющийся парнишка с мечом на поясе и поднятой рукой — опирается на стену.

Парнишка с мастерски — чётко нарисованным лицом оруженосца Гарава.

Не сводя глаз с экрана, Пашка схватил книгу.

За окнами резко стемнело, порыв ветра согнул деревья — и хлынул дождь...

...— Под натиском Ангмара... — читал Пашка, — ...пали два из трёх дунаданских владений: Рудаур... — Пашка сглотнул, — ...около 1400 года Третьей эпохи, а Кардолан — в 1409 году, — он отложил книгу и повторил: — В 1409 году. Они все погибли?!

Он отбросил книгу ногой, как опасного живого зверя — с ненавистью, почти смешной для стороннего наблюдателя.

Зачем ОН так написал?!

Или... не написал — всего лишь записал?

Был этот мир или нет?! Может быть, всего лишь сон — сон туманного и тихого летнего утра?! Да, можно сказать себе так и убедить себя в этом... но как же быть с памятью?

Мальчишка отчаянно стиснул кулаками виски.

Тонкое лицо Эйнора — чёрные волосы, грустная улыбка, жест, которым он берётся за рукоять Бара. Глаза, в которых печаль, гордость и знание.

Фередир — его громкий смех, беспечные жесты, порывистая обидчивость и безоглядная отвага.

Их нет?!

Или... их не было?! Но он же помнит их, они были — и значит, их... нет?! Он ушёл сюда, а они — они погибли в последних сраженьях, погибли, уже, наверное, понимая: крушение всего, во что они верили — неизбежно...

МЭЛЕТ.

Пашка вспомнил её.

И поднялся на ноги. Пошатнулся. Добрёл до двери...

_...Белой_крепости_стены_
_Окрасились_черным._
_Это_копоть_пожаров_
_Взметнулась_до_неба._

_Белой_крепости_стены_
_Окрасились_черным._
_Это_траур_для_вдов_
_И знамена_для_гнева._

_Алым_цветом_и_цветом_
_Багряным_по_камню_
_Кровь_невинную_
_С кровью_виновной_мешали._

_Тьма_и_свет_
_Побежденных_не_будет_.
_Сегодня_звездный_след_
_Так_похож_на_солёные_слёзы._

_Что_мужи_словно_дети_
_Сегодня_теряли,
_Уставая_считать_
_Раз_за_разом_потери._

_Без_надежды_сражаясь_
_С_надеждой,
_Смыкали_веки_
_Воины_света._

_Небо_рыдало_
_Не_в_силах_вспомнить_
_Цвет_одежд_своих_
_Лунного_света._

_Только_пламя_
_Тешилось_вволю,
_Накормив_серым_
_Пеплом_ветер._

_Да_земля_все_
_Ждала_рассвета... [\[49\]](#)

Здесь кончается ВСЁ...

Рывком распахнув дверь, Пашка широко открытым ртом глотнул ветер.

Резкий порыв растрепал ему волосы и заставил прикрыть глаза.

И понёсся дальше, сорвав с шевельнувшихся губ мальчишки:

— Мэлет, прощай...

211-й год Четвёртой Эпохи. Эриадор. Пашкин — Холл.
Дом Гарава Горна в нижнем течении Барандуина.

Матерью моей была Мэлет, дочь Глорфиндэйла из Дома Элронда. Отца же я не знал и, думаю, тому была причина. Иначе как объяснить, что мать родила меня, ещё не достигнув не то что обычного возраста для брака возраста, но даже и совершеннолетия — и то, что, родив меня, она тут же перебралась в Лихолесье? Да и дед мой Глорфиндэйл, сколько помню себя, никогда не радовался встречам со мной и не искал их. Я не спрашивал у матери о своей второй половине крови, чтобы не огорчать её, она сама никогда об этом не говорила первой — но трудно жить бастардом, и я ещё совсем ребёнком ловил каждый слух и даже сплетню о своём рождении. Ничего точно я узнать не смог, но создалось у меня впечатление, что отцом моим, как это не невероятно, был воин — человек, и человек даже не из Аданов. Внешне это, впрочем, никак не проявлялось, и вырослел я ничуть не быстрее остальных эльфов. Позже мне это стало даже льстить, и я воображал историю вроде истории Берена и Лютиэн. Но так или иначе — ничего я не мог сказать точно.

Косвенное подтверждение своим мыслям и чужим сплетням я получил совершенно неожиданно в те дни, когда король людей Гондора Виниарион Хиармендакил Второй сражался с харадримцами. До моего совершеннолетия ещё оставалось немало времени (может, и это было признаком моей человеческой крови — я тогда нередко думал о времени...), но я бежал из дома матери в Лихолесье и с одним луком и кинжалом пробрался в Гондор. Скажу по чести, сперва было немало смеху этому делу. Но прогнать меня не прогнали, и в те дни я был ранен и взял немало людских жизней, став воином раньше, чем стал взрослым... Скоро смех был оставлен, и после битвы в долине Гирина, где я, спасая одного из королевских полководцев, убил точно пущенной стрелой харадского мумака, меня отличил сам Хиармендакил Второй...

...С тех пор я был участником всех битв с Врагом — вплоть до самых последних, когда отряды Келеборна и Трандуила взяли Дул — Гулдор. В ней я командовал лучниками Трандуила. Было это давно. А ныне уже много лет как ушли за Море моя мать Мэлет и мой дед Глорфиндэйл, пусты Имладрис и Лориэн, да и в Лихолесье уже мало осталось эльфов — и те все синдары.

Вскоре после Войны Кольца случилось ещё одно событие, одновременно немало прояснившее и ещё больше запутавшее в истории моего отца. Меня призвал к себе Глорфиндэйл и передал древний (по человеческим меркам) пергамент, на котором была начертана дарственная последнего из князей Кардолана некоему Гараву Ульфойлу — и сообщил, что Государь Элессар подтвердил моё право владения. Более Глорфиндэйл ничего не стал мне объяснять. Я же, отправившись туда, где была дарована моему тёзке земля, обнаружил там старинный, но содержащийся в полном порядке дом, называвшийся Пашкин — Холл. Его смотритель, живущий там с семьёй, смог рассказать мне лишь, что его род почти две тысячи лет исполняет эту обязанность — с тех пор, как строитель холла одолел в поединке какого — то соперника, и тот в благодарность за дарованную жизнь взял на себя роль смотрителя. Более этот человек ничего не знал; тем не менее его потомки — короток

век людей — и по сю пору живут в холле, где я пишу эти строки...

...Кем бы ни был мой отец и какой бы ни была его судьба в этом мире — он, конечно, давно мёртв. У меня нет ни жены, ни детей, да и смешно было бы думать, что человек возродится в эльфе. Я гляжу в зеркала и вижу своё лицо — почти такое же, какое видел всегда. Время не властно надо мной и над моей эльфийской кровью. Оно течёт стороной — то медленно, то быстро, бурля и успокаиваясь, прямо и ветвясь. Мне нет до него нынче дела.

Но почему же мне так грустно? И почему я не стремлюсь туда, где Вечный Свет излечивает все раны и всю боль нашего мира?

Жаль, что я не знал тебя, отец.

_Гарав_Горн_Перелдар,_полководец_Трандуила._

Конец

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Благодарности

Я от всей души благодарю:

— ИАРА ЭЛЬТЕРРУСА — хорошего человека и писателя, без которого все мои рукописи никогда бы не встретились с типографской бумагой;

— СЕРГЕЯ САДОВА — за десятки дорог для тех, кому тесно в нашем мире; «от моих героев — его героям!»;

— ТИМУРА ЛЕЯ — когда — то, в стране, которой больше нет, научившего меня, как держать настоящий меч;

— ИЛЮ МОРОЗОВА — того, из чьих воспоминаний о детских играх и суевериях родилась Ломион Мелиссэ;

— «РЫСЁНКА» ТАР — КИРИАНА (из Чёрных Нуменорцев) — за увлечённое восхищённое раскрытие природы очарования Великим Злом;

— ПАВЛА ЗУБКОВА — главного героя, живого и реального.

Nai hiruvalye Valimar.

Nai elye hiruva.

Извинения

Я искренне извиняюсь перед отставным лейтенантом армии Её Величества, ветераном Первой мировой войны, профессором Оксфорда ДЖОНОМ РОНАЛДОМ РУЭЛО ТОЛКИЕНОМ за то, что вторгся в его мир.

СПАСИБО ВАМ, ПРОФЕССОР!!!

Андрей Земсков
Посвящение Толкиену

_Солнце_касается_крыш._
_В_небе_драконом_кружит_ожидающий_кондор._
_Будь_осторожен,_малыш!_
_Чёрные_всадники_ночью_покинули_Мордор!_

_Мир_изменился_в_лице!_
Видишь—_как_пятна_на_солнце,_как_соль_на_бумаге_
_На_Всемогущем_Кольце_
_Вспыхнули_огненной_вязью_эльфийские_знаки!.._

_...Стоп._Вы_заигрались,_профессор..._
_В_чернильнице_пусто._
_Рвётся_бумага,_перо_на_неверном_пути..._
_Пони_рассвета_пока,_как_скакун,_необуздан..._

Кто—_то_стучится?_
_Ну_что_ж_—_
Молви«друг!»_—_
_И_войди!.._

_...Может_быть,_это_игра?_
_Только_недаром_клинок_спрятал_в_складках_плаща_ты!_
_Ждёт_Роковая_Гора!_
_Там,_за_рекой_Андуином,_не_будет_пощады!_

_Войско_стоит_у_ворот,_
_Третья_Эпоха_застыла_у_Ородруина!_
_Шаг_до_обрыва_—_и_вот_
_Рушатся_чёрные_скалы_—_и_трон_Властелина!.._

_...Стоп._В_вашем_каmine,_профессор_—_не_пламя_Удуна..._
_Слабый_огонь_очага_озаряет_лицо._
_Время_пером_проколоть,_переплавить_руды_нам_
_В_новый_металл,_чтобы_снова_сомкнулось_Кольцо!_

Примечания

Слова Анариэль Ровен.

Мальчик (квэнья).

Слова Эльрин

Слова Алькор

Стихи С.Петрова

Песенный текст группы «Громовник».

VINYAR

TENGWAR

N26,

НОЯБР

1992_Когда_погаснет_мое_Солнце,___Оно_не_будет_первым_гаснущим_предметом:___В_тече
— ___долина,___Прекрасные_озера,___широкие_леса;___Теплый_воздух_обнимет_мою_кожу...
___Вот_тогда_я_и_увиджу_тебя_вновь,___милая.___Вот_тогда_я_повернусь_спиной_к_Валинору_
— ___И_снова_погаснет_мое_Солнце,___Когда_погаснет_мое_Солнце...

Стихи барда Потаня

К сожалению, мне неизвестен автор стихов и я прошу у него прощения

Стихи Анариэль Ровен

В мыслях Пашки звучат отрывки из песен группы «Джэм».

Стихи Дж. Р.Киплинга.

Песенный текст группы «Тамлин».

Я вижу! (синдар.)

VINYAR

TENGWAR

N26,

НОЯБР

1992_ Не_ стремишь_ в_ полете_ к_ дальним_ берегам, __ Не_ мечтай_ о_ высоком_ Таникветиле: __]
__ от_ огня, __ Кто_ упадет_ на_ острый_ наконечник_ копья. __ Но_ конец_ __
__ всегда_ конец: __ Тебя_ найдет_ неслышимый_ зов, __ Из_ рта_ вырвется_ слово __
«Сейчас_ умираю...» __ __ и_ погаснет_ свет...
__ В_ Мандосе_ оживет_ призрак, __ Что_ записала_ валие_ Вайрэ __ На_ великих_ стенах_ своих_ че
__
__ вот! _ По_ этой_ земле, _ по_ прошествии_ времени, __ Ребенок_ из_ Людей_ будет_ бегать, __ И_ ре:

Стихи Алькор.

Посмеялся Эли Бар — Яхалом.

Стихи Аннахэль Гваэт.

Несчастный (квэнья)

Судьба (квэнья).

Песенный текст группы «Тамлин».

Милый мой (квэнья).

Любимый мой, солнечный мой воин... юный мой бог... (квэнья).

Стихи Павла Зубкова.

Хроника деяний эльдар и атани.

Гарав прав. Знаменитая «дамасская сталь», привезённая на север (Русь, Скандинавия, Германия) при сильных морозах разлеталась, как стекло. После неудачных опытов с такой сталью европейские мастера стали делать не боящийся морозов «сварочный» булат, а восточные клинки перестали даже просто завозить (не найдено ни одного). Лучшие мечи в Европе делались, видимо, франкскими мастерами. Кстати, скверное качество «великолепных восточных клинков» нашло подтверждение в войнах между англичанами и индусами конца XVIII — начала XIX века. Было зафиксировано множество случаев, когда клинки индийских кавалеристов — маратхов и раджпутов — разлетались на куски при столкновении с шеффилдскими клинками английских драгун. Ну, собственно, весь «загадочный Восток» — от Турции до Японии — и состоит из вот таких «загадок»: смеси претенциозного гонора и напущенного вокруг довольно убогих «достижений» тумана.

Стихи Элхэ Ниэннах. Не нужно удивляться такой снисходительности Верных к памяти о нуменорском прошлом. Желающих разобраться в вопросе отсылаю к интересной статье Азрафель (Ольги Белоконь) «О верности Верных (или почему царь все — таки настоящий)». И вообще — подумайте сами; в СССР было много нелепого и глупого. Но сейчас даже среди молодых людей, не видевших его в глаза, значительная часть отчаянно ностальгирует по Красной Империи. Не думаю, что у нуменорцев было иначе.

Дословно — «маленькие гончие псы».

«Та, которая её на плече носила — ярче дня была лицом и светлей сапфира...» (Дж. Р.Р.Толкиен) Видимо, Том Бомбадил имел плотные дела с князьями Кардолана. И, видимо, Ганнель дочь Гарвастура была похоронена в одном из курганов Вековечного Леса...]

Стихи барда Тэм Гринхилл.

Стихи барда Тэм Гринхилл.

Изначально Нуменор заселяли представители трёх людских племён — беоринги, халадины и хадоринги. Большинство населения составляли «арийского типа» хадоринги — мощные голубоглазые блондины. Немногочисленные халадины вскоре растворились среди двух других племён. А вот подавляющее большинство Верных в знаменитом конфликте составили как раз беоринги — рослые, темноволосые и сероглазые. Таким образом, практически все хадоринги — «Люди Короля» — погибли в катаклизме, уничтожившем остров Нуменор — либо в самоубийственном походе, затеянном Ар — Фаразоном против Валар.

Песня Эрени Корали.

Игра в «башни» описана О.Брилёвой.

Сенешаль — чиновник князя, глава одного из трёх административных округов Кардолана. Майордом — высшее должностное лицо в княжестве, «премьер — министр».

Стихи Эйлиан.

Стихи Е.Власовой.

Привет, йотеод! Знаете этого мальчишку? Он йотеод! (талиска).

Он больше похожа на эльфа... (талиска).

Стихи А.Красавина.

Человек... ты должен жить как человек... только память, любовь моя... только память... (квэнья).

Песенный текст группы «Джэм»

Стихи барда Тэм Гринхилл.

Стихи Тэм Гринхилл.

Просила моё солнце, моя дочь Мелет... (квэнья).

Да... (квэнья).

Песенный текст группы «Тамлин».

Стихи Тэм Гринхилл.

Песенный текст группы «Тамлин».